Небо Одессы, 1941-й

Алексей Тихонович Череватенко

SHOUT
SHARE
IT

- Череватенко Алексей Тихонович

Череватенко Алексей Тихонович Небо Одессы, 1941-й

Череватенко Алексей Тихонович
Небо Одессы, 1941-й

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Алексей Тихонович Череватенко - бывший летчик 69-го истребительного полка - за мужество, проявленное в дни обороны Одессы в суровом 1941 году, в числе двенадцати своих боевых товарищей был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Славные соколы знаменитого полка сражались под Харьковом и Сталинградом, освобождали Ростовскую область и Крым, воевали в Восточной Пруссии и дошли до Берлина. Многие из них удостоены правительственных наград. Еще 26 летчиков стали Героями Советского Союза, четверо были удостоены этого звания дважды. За оборону Одессы 69-й авиационный был преобразован в 94-й Гвардейский, награжден орденами Красного Знамени и Суворова второй степени и получил наименование Одесского. Ныне А. Т. Череватенко, полковник запаса, живет и трудится в Ростове-на-Дону.

Автор книги приносит глубокую благодарность бывшим однополчанам Н. А. Верховцу, В. С, Никитину, Б. Л. Главацкому, К. С. Пирогову, Ю. Б. Рыкачеву, И. Г. Королеву, Н. Я. Кобелькову, М. А. Бутову, Н. Ф. Юдину, З. А. Фитисову, П. Я. Романюку, В. Н, Вальцеферу и матери командира полка Л. Л. Шестакова Марии Ивановне Шестаковой за помощь в сборе материалов и подготовке этой книги.

Содержание

Глава I. Далекое детство
Глава II. Предгрозье
Глава III. Сирена
Глава IV. Первый экзамен
Глава V. Счет открыт
Глава VI. Виктория - значит победа
Глава VII. Пароходы идут на восток
Глава VIII. Что такое героизм
Глава IX. Пополнение
Глава X. Под акациями
Глава XI. Чрезвычайное происшествие
Глава XII. Нелетная погода

Глава XIII. Коммунисты
Глава XIV. Дни как годы
Глава XV. Задание выполнено
Глава XVI. Мы теряли друзей боевых
Глава XVII. Бой над морем
Глава XVIII. Передислокация
Глава XIX. Уклонение от курса .
Глава XX. Сухой Лиман
Глава XXI. Мы вернемся, Одесса!
Вместо эпилога
Примечания

Глава I.

Далекое детство

Хорошо помню, как я "заразился" авиацией, с которой потом накрепко связал свою жизнь. Было это давным-давно, в степной донской станице, где в весеннюю пору гуляют вольные ветры да разливается в небе звонкая песня жаворонка.

В то время места наши считались еще глухими. До железной дороги почитай сто верст. Попробуй, доберись в распутицу... Ни электричества, ни радио. Выйдешь на околицу - и только травы шумят да орел кружит в поднебесье, высматривая добычу,

И вдруг над крышами домов появляется самолет! Вы представляете себе, что это значит?

На всю жизнь запомнился мне тот апрельский день. Мы возвращались из школы, когда услышали какой-то особенный, незнакомый гул. Мальчишки как по команде бросились через плетни к речке, а я сообразил, что надо бы повыше взобраться. Вылез по шаткой деревянной лестнице на крышу своего дома. Бескрайняя ширь открылась моим глазам, захватило дух от необъятного простора. На миг показалось, что у меня за спиной выросли крылья. Стоит лишь взмахнуть рукой - и я, подобно степному орлу, стану свободно парить в небе...

Кубарем скатился вниз и помчался на выгон. По широкой улице, вздымая пыль, туда уже спешили и стар и млад. Каждому хотелось поглазеть на чудо. Впервые в нашу станицу Селивановскую прилетел самолет, вернее - "ероплан", как тогда называли.

Испытывая восхищение, мы на цыпочках ходили вокруг таинственной машины, осторожно притрагиваясь к фюзеляжу, хвостовому оперению. Человек в кожанке и огромных очках на лбу казался пришельцем из каких-то сказочных миров, и мы смотрели на него с обожанием.

Аэроплан вскоре - он, как стало потом известно, совершил вынужденную посадку в связи с какой-то неисправностью - взмыл

в небо и скрылся за камышовыми зарослями речки Березовой, оставив в мальчишечьих сердцах чувство печали и растерянности.

Возвращались мы домой молчаливые, хмурые. Я снова взобрался на крышу и долго сидел в раздумье. Все вроде бы осталось прежним. Петляют желто-коричневые дороги, из гущи зарослей вспархивает и падает на воду стайка диких уток... Но меня уже ничто не радовало. Так внезапно прилетевшая и исчезнувшая крылатая птица нарушила привычную жизнь, поманила в неведомые дали.

Медленно, томительно тянулись дни. Мне хотелось скорее стать взрослым, самостоятельным. Вот, наконец, позади остались четыре класса, и я - ученик школы-семилетки. Находилась она в соседней станице Маньково-Березовской, в десяти километрах от Селивановской. Жили мы бедно, семейка немалая одиннадцать ртов. Какая уж там учеба, прокормиться бы! Школьника ведь надо и обуть, и одеть, да еще покупать учебники, тетради, чернила, а отдача от него какая? Поэтому многие дети уже с четвертого класса оставляли школу и шли в поле помогать старшим, пасли скот, нянчили младших.

К счастью, в нашей семье, несмотря на материальные трудности, складывались другие взгляды в отношении образования детей. И тут не обошлось без влияния старшего брата Леона. Будучи совсем молодым, он воевал солдатом в первую мировую войну. В гражданскую сражался в армиях Буденного, Ворошилова, стал коммунистом. Для станичников он был уважаемым человеком.

Помню, сидели мы как-то за ужином. Разговор зашел обо мне: куда определить Алексея после семилетки. У матери была заветная мечта: она спала и во сне видела меня учителем. Отцу же хотелось, чтобы я стал агрономом. Как раз к тому времени в станице Морозовской открылась школа, готовившая младших специалистов для сельского хозяйства. Там бесплатное питание и еще стипендию платят: пять рублей в месяц!

Я все еще пребывал в нерешительности, когда в разговор вмешался старший брат. Сказал не то в шутку, не то всерьез:

- А может, позволим ему на летчика учиться... Он ведь только об этом и мечтает. Парень он смекалистый, мускулы у него крепкие, дерется хорошо. Ну, что скажешь? - озорно улыбнувшись, толкнул меня под бок.

- Тоже мне, летчик... - хихикнула младшая сестренка, и я сразу покраснел до корней волос, догадавшись, что она намекает на мой маленький рост. Я тяжко переживал этот, как мне казалось, недостаток. Но в летном деле рост, наверное, можно не брать в расчет. Да и подрасту же я еще...

И мать, словно угадав мои мысли, сказала примирительно: - Мал, да удал, и нечего насмешничать. А кем ему быть, еще решим, время терпит. Пусть пока летом отцу подсобит по хозяйству.

Так ничем разговор и закончился. Но семейная дискуссия каким-то обрезом стала известна в школе, и мои однокашники вскоре стали называть меня не иначе как летчиком. Кличка у станичников Дона все равно что второе имя, и коль раз прилепили ее тебе, будешь носить до гроба. Тек и стал я "Алешкой-летчиком". Сначала обижался и огрызался, а потом привык и даже начал гордиться. Кстати сказать, это прозвище, много раз повторяемое, как бы напоминало мне, чтобы не забывал свою мечту.

Сокровенными мыслями о том, чтобы связать свою судьбу с авиацией, делился я тогда с Васей Мацыниным, серьезным, начитанным парнишкой. В школе он был лучшим учеником. Мы с ним жили по соседству, крепко дружили, вместе выступали против обидчиков, кулацких сынков. Василий часто давал мне почитать какую-нибудь интересную книгу. Именно благодаря ему я открывал для себя замечательных комсомольских поэтов.

Однажды Мацынин сунул мне книжонку, тоненькую, страниц на десять. Прочитай, говорит, не пожалеешь. Стал я читать на переменке, да и позабыл обо всем на свете.

Вскоре знал все стихи на память. Когда водили лошадей в ночное, нравилось под цоканье копыт и звяканье уздечек без устали повторять:

Восход подымался и падал опять,

И лошадь устала степями скакать...

Казалось, что это про нас сложены строки, что сами мы не станичные хлопцы, а бойцы, спешащие кому-то на помощь. Захватывала необычайная легкость слога, песенный строй стиха и его какая-то таинственная, волнующая сила. Гренада... Для меня тогда таинственная, загадочная, она увлекала, звала на простор.

А пока что, окончив семь классов, я помогал отцу по хозяйству. Помню, как осенью тридцатого года поехали мы с ним на мельницу в станицу Меньково-Березовскую. Устало ползла наша старая бричка, запряженная парой тощих лошаденок. Время было под вечер, солнце медленно опускалось за степные холмы. И тут неожиданно из-за косогора возник столб черного дыма. Я в беспокойстве тронул отца за плечо:

- Горит что-то!

- Ребята озоруют, стог подожгли, наверное... - сказал он, взглянув в ту сторону. Но в голосе его почудилась тревога. Да я и сам точно знал, что в том месте, откуда шел дым, никаких стогов

не было.

А в полночь прискакал на мельницу работник сельсовета.

- Тихон Федорович, беда! Кулаки спалили твой дом...

- А дети, семья? - вскрикнул отец.

- Живы, живы! - поспешил успокоить гонец. Пострадали мы тогда сильно. Сгорело дотла все имущество, погибла живность - корова, две овцы, куры. Дома, к счастью, никого не было, кроме младшего братишки Петра, который чудом спасся, выбравшись через окно.

Это была месть кулаков одному из первых колхозников в станице и, конечно же, месть старшему брату, громившему кулацкие банды, принимавшему участие в раскулачивании. Мы с братишкой Павлом были комсомольцами, активно участвовали во всех делах ячейки, помогали изымать спрятанный мироедами хлеб. Стало быть, на всю нашу семью враги точили зубы и ждали случая, чтобы с нами расквитаться.

Впервые довелось тогда видеть, как плачут взрослые люди. Больно было смотреть на мать. Еще не старая, она после этого злодейского пожара вдруг как-то осунулась, поникла, сгорбилась. Сердце мое дрогнуло от жалости, и я сказал тогда себе: сколько буду жить, буду заботиться о ней, делить радость и печаль, оберегать от горестей. И еще дал себе клятву: быть беспощадным к врагам моей Родины, не жалеть себя в борьбе за правое дело.

Колхоз помог нам стать на ноги. Мы построили новый дом, обзавелись кое-каким хозяйством. Но голод по-прежнему оставался главной бедой, Колхоз только собирался с силами. Плуг и телега - вот и вся "техника", которой тогда располагали. Рабочих рук не хватало. Как-то само собой получилось, что мечта стать летчиком отодвинулась на задний план.

А вскоре колхоз командировал меня на учебу: хозяйству нужны были строители. Город Каменск, куда приехал учиться, в то время представлял собой заштатный городишко, затерянный в безбрежных донских степях. Мельница, маслобойня, кирпичный завод - вот, пожалуй, и вся его промышленность на ту пору. Но в глазах станичного парнишки городок выглядел внушительно. Здесь впервые довелось увидеть железную дорогу, автомобиль, услышать радио, о которых знал только по книгам да рассказам своего первого учителя Леонтия Матвеевича Тынянова.

В Каменске я сразу почувствовал себя повзрослевшим на несколько лет. Кормили в строительном училище не сытно, вся страна испытывала недостаток в продуктах, одевали и обували бедновато, но духом никто не падал, напротив, в коллективе царил необычайный подъем,

Будущих штукатуров, каменщиков, плотников не страшили

никакие трудности. Мы были благодарны Советской власти за предоставленную возможность приобрести профессию.

Мне полюбилось строительное дело. Сердце наполнялось радостью и гордостью, когда видел, как под руками вырастает стена, и вместе с ней, и я подымаюсь все выше и выше. Школьная кличка "летчик" давно забыта, но тайная надежда овладеть летным делом не покидала меня.

Работали мы с азартом, всегда перевыполняя нормы. Еще бы! Ведь строили социализм, и каждое новое, добротное здание укрепляло его рубежи. Многие из молодых строителей вступили в комсомол.

Однажды, закончив смену, возвращались мы с другом, тоже каменщиком, Васей Аксеновым в общежитие.

- Послушай, Алешка... Надумал я идти учиться на рабфак при Новочеркасском сельскохозяйственном институте. На агронома... - эти слова он произнес мечтательно. - Если хочешь - присоединяйся. Люди мы с тобой сельские, от земли, кому ж, как не нам, учиться, как за ней ухаживать, урожаи повышать.

Мне сразу вспомнился отец. Видно, суждено сбыться его желаниям. Буду земледельцем, буду выращивать хлеб, как деды и прадеды...

И я, недолго думая, согласился. Занятия на рабфаке вечерние, устроюсь на работу каменщиком, смогу подрабатывать на жизнь и еще родителям помогать.

То был памятный нашему поколению тысяча девятьсот тридцать третий год. Жилось трудно: в магазинах пустые полки, хлебный паек выдавали на три дня вперед, и мы, студенты, съедали его в один присест, а потом глотали соевую похлебку. Были среди нас такие, что не выдерживали, бросали учебу, но большинство, и я в том числе, стойко перенесли лишения и были зачислены на первый курс агрономического факультета. Родители одобрили мое решение. Радовались они еще и потому, что время от времени я высылал им десятку-другую, заработанную на стройке. Соседи говорили матери:

- А что, Варвара Федоровна, Алешка твой таки стал большим человеком...

"Большой" человек в то время имел одни хлопчатобумажные штаны и ботинки на резиновой подошве - зимой и летом. В редкие дни он ел досыта, экономя каждую копейку.

Дни летели, как птицы, я уже заканчивал второй курс института, когда одно незначительное обстоятельство круто повернуло мою судьбу. Прохожу как-то по коридору и сталкиваюсь лицом к лицу с парнем в летной форме. Спрашивает, где находится сорок восьмой кабинет, там заседает отборочная

комиссия.

- В летную школу набор? - голос мой срывается от волнения. Он утвердительно кивает головой и уходит, не дождавшись ответа. Какую-то минуту я стоял, стараясь привести в порядок мысли. Было над чем задуматься.,. Второй курс все-таки, и вообще я уже привык к мысли, что буду агрономом, может быть, даже в родном селе, где прошло мое детство.

И все-таки я решился. Собрал необходимые документы, взял рекомендацию от комитета комсомола, характеристику. Тут все было, как говорится, в ажуре: комсомолец, активно участвую в общественной работе, политически грамотный. А вот на медицинское обследование шел ни живой, ни мертвый. Врачи, рассказывали те, кто "сорвался", бракуют по малейшему поводу. Но мне и тут повезло. Рост во внимание не принимали (этого я опасался больше всего), зрение у меня было отличное, в строительном училище я лучше всех выполнял упражнения по стрельбе, был физически выносли...

Пройдя комиссию, я уже считал себя летчиком.

Глава II.

Предгрозье

Приятно шагать по еще влажной от ночной росы тропе, вдыхая аромат степных трав. Над головой заливается жаворонок, где-то недалеко перекликаются перепела. Иду по земле, молодой, сильный и счастливый. Кажется, мне все по плечу, любые преграды одолею на своем пути.

Одинокий У-2 разворачивается на посадку. До чего же чистое небо! Раньше мне казалось, что только у нас на Дону оно такое прозрачное, ясное. Однако и здесь, у берегов Черного моря, хоть пей его, как родниковую воду. Город отсюда виден как на ладони. Прозрачная дымка медленно плывет над заводскими трубами, постепенно тает в воздухе и совсем исчезает. Утреннюю тишину нарушает гудок паровоза. Пассажирский поезд огибает дугу и скрывается за леском, выстукивая свою бодрую песню.

Таким мне остался в памяти день 21 июня. Было это под Одессой в далеком сорок первом году. Суббота - канун выходного, когда люди настраиваются на отдых. Но у летчиков всегда рабочий день.

Командир четвертой эскадрильи капитан Жидков, серьезный и немногословный, встречает меня насмешливой улыбкой:

- Видели, видели... Шел на аэродром, пританцовывая! С чего бы это?

Уралец Аггей Елохин, хитро прищурив глаза, "подключается" к разговору:

- Я вам доложу, товарищ капитан, почему лейтенант порхает

бабочкой. У него в голове зреет гениальная думка: взять под ручку свою молодую жену и на пляж в Лузановку. Да и кому не хочется погреться сейчас на горячем песочке, особенно если запастись парой бутылок холодного пива...

Я смущенно улыбаюсь и отмалчиваюсь. В общем, мои командиры не ошибались: настроение у меня действительно приподнятое и тому есть причины. Но о них никому не признаюсь до поры до времени.

- Да-а-а, на пляж хорошо бы, - протягивает кто-то.

Желание справедливое, особенно если учесть, что вот уже два месяца у нас нет выходных. Капитан Жидков становится серьезным:

- Можно и надо отдыхать, хлопцы, да, видно, нам это пока противопоказано, - он умолк, постегивая по голенищу длинным прутиком. Обстановка, дорогие товарищи, сложная, в воздухе пахнет порохом...

Жидков был у нас, что называется, последний день. Мы все уже знали, что есть приказ о его переводе в другую часть. Четвертую эскадрилью принимал старший лейтенант Елохин.

Из здания штаба вышла и быстро направилась в нашу сторону группа офицеров. Летчики стали спешно приводить себя в порядок. И вот уже замкомандира полка майор Шестаков печатает шаг навстречу начальству.

- Товарищ командир полка, личный состав вверенной вам части по вашему приказанию построен!

Командир полка Марьинский, поздоровавшись, ставит учебную задачу: совершенствовать технику пилотирования, отрабатывать стрельбы по воздушным и наземным целям. Летать, летать! И сегодня, и завтра, и в воскресные дни! Отпуска временно отменены, увольнительные - в случае крайней необходимости.

Программа боевой подготовки в последние месяцы усложнилась. Большое внимание уделяется воздушному бою, полетам на перехват "противника", полетам над морем.

Участились проверки. В мае нас инспектировал командующий военно-воздушными силами округа генерал М. Г. Мичурин, а после этого приехала группа генералов и офицеров во главе с Маршалом Советского Союза Семеном Михайловичем Буденным.

Командир полка напоминал, что граница рядом, призывал не ослаблять бдительности.

Выступил и комиссар полка Николай Андреевич Верховец. Мы с большим уважением относились к этому человеку, вежливому, чуткому, не оставлявшему малейшей просьбы без

внимания. Был он к тому же хорошим летчиком. Блестяще вел бой, метко поражал цель. Для авторитета комиссара это значило много. В эту последнюю мирную субботу речь шла далеко не о военных проблемах. Многие наметили на воскресенье решение каких-то своих, личных дел.

День начался обычно. Команда "по самолетам!", и мы спешим к машинам. Впереди, чуть наклонившись, бежит Шестаков, За ним Верховец, Елохин, Жидков, Полоз. Самолеты спрятаны в лесопосадке, обрамляющей летное поле. Поднять их в воздух надо в считанные минуты. Полк отлично справляется с этой задачей.

Когда я подбежал к стоянке, техник Филиппов доложил о готовности самолета. Помогая надевать парашют, он скороговоркой сообщал последние новости: газета "Красная Звезда" в статье, посвященной итогам проверки боеготовности полка, отмечает нас за отличную стрельбу по воздушным целям.

Запускаю мотор и выхожу на линию старта. "Ястребок" Шестакова уже пошел на взлет. Легко оторвавшись от земли, он уходит все дальше и дальше, затем ложится на левое крыло, делает разворот. А я думаю: вот бы мне так виртуозно летать... Добрая профессиональная зависть, она заставляет летчика совершенствовать боевое мастерство. Мы, конечно, не новички, за плечами суровая школа, опыт кое-какой приобрели. И все же завидуем мастерству ветеранов, таких как Шестаков, Асташкин, Капустин, Полоз, которые уже воевали в Испании, на Халхин-Голе. Майор Шестаков любил повторять:

- Летать - все равно, что на скрипке играть! Чем больше тренируешься, тем лучше владеешь машиной.

Майор повел группу в район Аккермана, капитан Капустин - на запад. За спиной осталась Одесса, под крылом проплывает Днестр. Вот Тирасполь, Бендеры, холмистые поля, сады и виноградники Молдавии. Наконец, Прут. Узенькая желтая полоска петляет меж крутых берегов. Это - государственная граница, дальше лететь нельзя, там чужая земля.

Полк принимал участие в авиационных учениях Одесского военного округа. Проводились они в условиях, максимально приближенных к боевым. Как писал позже в своих воспоминаниях Главный Маршал авиации К. А. Вершинин, авиаторы по существу находились на положении готовности номер один, и никто из них не подозревал, что с рассветом придется уже не "играть в войну", а вступить в бой с реальным противником. "Лишь руководящему составу было известно, рассказывает К. А. Вершинин, - о возможности нападения фашистов в ближайшие двое суток. В директиве Наркома обороны и Начальника генерального штаба,

посланной в ночь на 22 июня в западные приграничные округа, предписывалось:

"...б) перед рассветом 22.6. 41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность..."{1}

Да, мы, рядовые летчики, командиры эскадрилий и звеньев, не подозревали, что там за рекой уже стоят заряженные орудия, заправленные самолеты, готовые рано утром нанести вероломный удар.

Полеты окончены. Несмотря на усталость, настроение у летчиков бодрое. А мне не терпится отпроситься в город. Мне просто необходимо там быть: дело в том, что жена должна вот-вот родить, я хотел Валентину отправить к ее родителям.

Капитан Рыкачев, к которому я обратился, посочувствовал мне, обещал упросить командира.

- Причина уважительная, - сказал он. В порядке исключения Марьинский разрешил мне отлучиться, но только после лекции комиссара Верховца о международном положении.

На поляне, окруженной молодыми вязами, негде яблоку упасть. Сквозь густую листву пробивались последние солнечные лучи, было душно и тихо, словно перед грозой. Комиссар начал речь, она была полна тревоги и настороженности. Гитлер покорил пол-Европы, перед ним падают на колени правительства, рушатся государства. Нужно быть настороже, кто знает, может, и нам придется вступить в бой. Вот почему необходимо удвоить, утроить бдительность, крепить дисциплину, повышать боевую готовность.

Пройдет много лет, прежде чем мы узнаем, что именно в этот час, когда, затаив дыхание, мы слушали взволнованные слова комиссара, Гитлер положил в свой сейф секретный документ, имевший прямое отношение и к нашему, 69-му полку. В нем, в частности, говорилось о том, что для Германии решающее значение имеет скорейшая ликвидация русских военно-воздушных баз на побережье Черного моря, прежде всего в районе Одессы и Крыма.

Военные тайны гитлеровского рейха находились пока еще за семью замками, зато нам хорошо было известно звериное лицо фашизма, его лютая ненависть к первому в мире государству рабочих и крестьян. И это заставляло нас зорко всматриваться на запад. Не мог ослабить нашей бдительности даже успокоительный тон некоторых официальных заявлений о том, что Германия, якобы, не имеет намерений развязывать войну против Советского Союза.

Лекция комиссара Верховца никого не оставила равнодушным. Он потом долго и обстоятельно отвечал на многочисленные вопросы и закончил свое выступление словами о том, что договор с фашистской Германией не снимает с нас обязанности готовиться к обороне Отечества.

После лекции я получил разрешение отлучиться в город. Уже в сумерки добираюсь до дома, вбегаю на третий этаж. Моя Валентина давно ждет. Чувствую, настроение у нее подавленное, однако, старается держаться молодцом. Мы торопливо, насколько позволяет ее положение, спускаемся вниз, прихватив самые необходимые вещи. В моем распоряжении самое большее два часа. В трамвае сидим молча, изредка перебрасываясь незначительными фразами, но оба обеспокоены будущим. Миновали поселок Ульяновку, сворачиваем на Черноморскую дорогу.

- Чем все это кончится? - тихо вздыхает Валентина.

- О чем ты? - спрашиваю, хотя и понимаю, что тревожится она не о предстоящих родах. "Что значит жена военного, - думаю я. - Понимает мое состояние..." Пытаюсь отвлечь ее, успокоить. Рассказываю какой-то комический эпизод из наших будней. Валентина вежливо улыбается кончиками губ, но чувствуется, что она напряжена.

Новые испытания устраивают мне родители супруги - Лаврентий Георгиевич и Анастасия Григорьевна. Когда женщины уходят на кухню, мой тесть, старый одесский рабочий, учиняет настоящий допрос.

- Что говорят наши комиссары относительно войны? Почему вчера перелетали куда-то наши самолеты? Почему отменены отпуска? - так и сыплет, не давая опомниться.

"Нас не трогай, мы не тронем, а затронешь - спуску не дадим!" - отвечаю словами песни. И вообще, чего раньше времени печалиться...

- Так-то оно так, - кивает старик в знак согласия. Однако по лицу вижу: не по душе ему мое легкомыслие. Петров работает слесарем железнодорожных мастерских. Человек он простой, бесхитростный, уверток не терпит, в прятки играть не любит. Немного помолчав, Лаврентий Георгиевич сказал:

- Ты смотри, чтоб не вышло так в пословице! "Пока гром не грянет, мужик не перекрестится". Песней фашиста не прошибешь. Его надо оружием усмирять...

Мне нужно было уходить, и я стал торопливо прощаться.

В нашем городке еще светились огни, из раскрытых окон доносились звуки музыки. В скверике прогуливались парочки. Возле трамвайной остановки чей-то голос выводил под гитару

песню

Любимый город может спать спокойно...

Глава III.

Сирена

На рассвете 22 июня внезапно завыла сирена. Звук ее, назойливый и тягучий, то подымался до невозможных высот, то вдруг совсем замирал, чтобы снова, набрав сил, взвиться ввысь.

Вмиг проснулся авиационный городок. Застегивая на ходу куртки, бежали к штабу летчики, инженеры, техники. В открытых окнах квартир появились встревоженные лица. Весь полк - от командира до повара - пришел в движение. Все куда-то мчались, задавали друг другу вопросы, на которые никто толком не мог ответить.

Потребовалось не более шести-семи минут - и полк в сборе. Замкомандира Шестаков выстраивает летчиков, инженер Кобельков - технический персонал. Мы по-прежнему в неведении.

- Леонид Утесов приехал в Одессу, встречать будем, - пробует кто-то шутить. Шутка повисает в воздухе. Командиры эскадрилий Капустин, Асташкин и Рыкачев о чем-то совещаются. К ним подходит Елохин. Моего комэска капитана Жидкова вчера вечером проводили в другую часть.

Увидев командира полка, строй выравнивается. С Марьинского и Верховца глаз не спускаем. Что они скажут нам? За время моей службы в Одессе это первая тревога в воскресенье. Возможно, и в самом деле нас подняли на ученья?

По лицу Марьинского можно заметить: чем-то расстроен. Прошелся вдоль шеренг, остановился, переминаясь с ноги на ногу.

- Товарищи летчики, инженеры, техники и механики! Сегодня в четыре часа утра немецко-фашистская Германия, вероломно нарушив договор, напала на нашу страну. Гитлеровские войска перешли нашу границу, самолеты бомбят мирные города и села...

Строй вдруг колыхнулся и снова замер. Командир выждал минуту и продолжал уже более спокойно:

- Объявляю готовность номер один. Без разрешения старших никто не имеет права отлучаться из расположения части. Командиры и комиссары эскадрилий, начальники служб получат дополнительные указания. У кого будут вопросы?

О чем было спрашивать? Беспокойные мысли завладели каждым из нас. Война! Вот так она началась. Утренней сиреной. Шесть лет вставал я с рассветом, спешил к самолету, подымался в небо, выполнял фигуры высшего пилотажа. Учился воевать с условным противником. Конец условному противнику! Перед нами - настоящий. Где-то он уже разбойничает в нашем небе, где-

то горят сейчас дома и пылают плодородные поля.

Ищу глазами Шестакова. Он дает наставления летчикам, говорит о порядке дежурств в воздухе. Мы со Львом Львовичем знакомы давно, с осени тридцать восьмого года, когда после окончания Сталинградского авиационного училища я прибыл в Ростов-на-Дону. Шестаков командовал эскадрильей истребителей. В свои двадцать три года он уже много успел: воевал в Испании, имел боевые награды, был в чине капитана. Признаться, ехал я с какой-то робостью. Еще в Сталинграде о комэске рассказывали всякое. Одни утверждали, что он резок, вспыльчив, другие говорили, что Шестаков отличный летчик, взыскателен, но справедлив, зря подчиненного не обидит.

Ростовский аэродром находился в северной части города. Через железнодорожную насыпь спускаюсь на равнину и быстро нахожу небольшой кирпичный домик, штаб эскадрильи. Несмело стучусь. Меня встречает среднего роста, подвижный, с искринкой в глазах капитан. Не успел доложить, как он обращается с вопросом: не проголодался ли в дороге, как самочувствие? И скованность мою как рукой сняло. Комэск беседует с новичком по-дружески, запросто. Я с восхищением смотрю на его грудь: орден Ленина и орден Красного Знамени... Кого это не взволнует?

В нашем училище орденоносцев по пальцам можно перечесть: один награжден за участие в гражданской войне, двое воевали на Халхин-Голе, один на озере Хасан. Но все это были люди в летах, а Шестаков ведь совсем молодой...

Комэск попросил у меня летную книжку, некоторое время изучал ее. Потом, в упор взглянув мне в глаза, заметил:

- А ведь самостоятельных налетов мало! Начинать надо почти все с азов...

- Такая программа была, - оправдывался я.

- Да я и не обвиняю тебя, - сказал капитан. - Наверстаем, будь спокоен. Другое тревожит: почему в наших училищах так мало внимания уделяют практике. Спрашиваешь молодого летчика по теории - любо-дорого слушать, прямо академик. А поднимешься с ним в воздух - он и спасовал, самостоятельности ни на грош... Вот и возись с таким!

Я растерянно переминался с ноги на ногу.

- Возьми, - Шестаков протянул мне летную книжку. - Припоминаю один случай. В Испании это было. Вылетели мы парой на разведку. Мой ведомый Родригес в общем был летчик неплохой, но у него как раз не хватало опыта, выдержки. Горяч был не в меру, как, впрочем, все испанцы. Из-за этого сам едва не погиб и меня подвел... Над Гренадой, понимаешь, ввязались мы в бой с шестеркой "Мессершмиттов". Одного нам удалось

прикончить. Вот тут-то мой напарник, что называется, вошел в раж: вместо того чтобы меня прикрывать, сам пошел в атаку. Уж больно ему самому захотелось прикончить фашиста. А что получилось? Увлекшись атакой, не заметил, как подставил свою машину под огонь противника и - вышел из боя: самолет его был поврежден, и пошел Родригес на вынужденную посадку, а я остался без прикрытия и тоже пострадал, снарядом повредило мотор моего "ястребка". Понял, к чему я клоню? Не всегда отвага может заменить мастерство и умение.

- Но ведь мы сейчас не на фронте... - заметил я. Капитана будто током прошило. Он строго посмотрел на меня и сказал жестко:

- Сегодня нет, а завтра - может случиться. Многие молодые рассуждают подобным образом, мол, куда спешить, успеем наверстать упущенное. Так вот знай: времени как раз у нас очень мало, придется жать на всю катушку. И запомни, лейтенант: ничего условного у нас не будет, все взаправду. Эскадрилья выполняет задачи, как в настоящем бою.

Капитан называл летчиков, с которыми сражался бок о бок, и чьи имена стали потом для нас символом мужества и отваги: Павла Рычагова, Сергея Черных, Примо Джибелли, Анатолия Серова, генерала Анатолия Гусева.

Это была беседа с человеком бывалым, обстрелянным, знающим, отличным командиром и душевным товарищем.

Я сразу же проникся к Шестакову глубоким уважением. И поскольку речь зашла об Испании, вспомнили светловскую "Гренаду".

Красивое имя, высокая честь,
Гренадская волость в Испании есть...
процитировал я. Капитан улыбнулся.

- Люблю поэзию, особенно Маяковского... Но сейчас больше приходится сидеть над военными книгами. Требования к летчику-истребителю повышаются с каждым днем. Чтобы победить в бою, нужно каждый день больше летать, больше проливать пота, не щадить себя. Нельзя забывать также, что немецкие истребители обладают неплохими летно-тактическими качествами. У них высокая скорость, большой потолок, отличная маневренность.

До сих пор я был убежден, что наша авиация - самая сильная в мире, что мы летаем выше всех, дальше всех, быстрее всех. Кто же не восторгался подвигом Анатолия Ляпидевского, Николая Каманина, Маврикия Слепнева, Ивана Доронина, Василия Молокова, Михаила Водопьянова, спасших экспедицию челюскинцев в 1934 году и первыми удостоенных звания Героев Советского Союза! Кто не был восхищен знаменитыми

перелетами Валерия Чкалова, Михаила Громова, Сигизмунда Леваневского, Полины Осипенко! И потому не выдержал и заявил, что наши И-16 не хуже, в случае чего мы это на деле докажем!

Шестаков прищурил голубые глаза, забарабанил пальцами по столу:

- Это справедливо... Вера в свою технику похвальна, но нельзя недооценивать противника.

Мы и позже не раз слышали от капитана эти слова. На "ура" воевать нельзя, надо знать противника, его сильные и слабые стороны, надо овладеть самолетом в совершенстве, все навыки довести до автоматизма. А мастерство не приходит само собой, его добывают в упорном труде, как шахтер уголь.

Сравнение мне понравилось, В пору моего детства многие наши станичники уходили на заработки в Донбассе. Оттуда прибилась к нам печальная песня о нелегкой доле людей, работающих под землей.

Шахтер пашенки не пашет,

Косу в руки не берет.

Видно, Шестаков из рода закаленных работяг, подумалось мне.

- Мы с тобой почти земляки, - оборвал мои мысли командир эскадрильи. Ты из донских степей, я из Донбасса. Есть такой город Авдеевка... - Потом вдруг неожиданно спросил: - Женат?

Я отрицательно покачал головой.

- А я, знаешь, в девятнадцать лет женился, - Шестаков смущенно улыбнулся. - И, признаться, не жалею. Семья - милое дело. Моя Олимпиада подарила мне дочь и сына... Когда долго не вижу их, тоска берет отчаянная.

...Наша беседа в эскадрилье продолжалась более двух часов. Деловые вопросы перемежались с житейскими, на первый взгляд, не имеющими прямого отношения к делу. Но это только казалось. На самом деле командир и подчиненный изучали друг друга. Отныне нам вместе служить, делить радости и неудачи.

Может быть, не во всем можно было согласиться с капитаном, слишком категорично он судил о людях, был нетерпим к слабостям, но из первой встречи с комэском я вынес твердое убеждение, что он человек целеустремленный, настойчивый, прямой.

В первый день приезда у меня состоялась беседа и с комиссаром эскадрильи Юрием Борисовичем Рыкачевым. Встретил он меня приветливо, много расспрашивал о моей прежней жизни, ознакомился с летной книжкой. И снова я почувствовал себя виноватым в том, что мало налетал часов.

- Что верно, то верно, у новичков совсем мало практики, -

согласился Рыкачев, но тут же поспешил успокоить:

- Полетаете с командиром на учебно-тренировочном самолете, а там получите боевую машину, будете наверстывать.

На третий день мы с Шестаковым поднялись в воздух. Как положено, капитан сидел во второй кабине, контролируя мои действия. Можете представить мое тогдашнее состояние: боялся допустить малейшую неточность, каждое движение выверял трижды. Но когда человек напряжен, не миновать ошибки. Во время виража я, что называется, перестарался, перетянул ручку. Машина задрожала и едва не свалилась в штопор. Капитан вовремя вмешался, отжал ручку управления от себя, и все обошлось. Но после этого он заставил меня несколько раз повторить упражнение, пока не отработал по всем правилам.

Посадку произвел хорошо. Выхожу из кабины, обращаюсь по уставу:

- Какие будут замечания, товарищ командир?

Комэск для начала сказал несколько слов в похвалу и начал разбирать недостатки: спешка, торопливость, нервозность. Капитан советовал выработать в себе хладнокровие - это необходимое для летчика качество. Потребовал отточить выполнение виража, переворота через крыло, петли Нестерова. Под конец сказал:

- Плохо летать не позволю. Летать будешь только отлично, у тебя есть для этого все данные.

Я воспрянул духом, почувствовал уверенность в себе. Поставил перед собой задачу: в самый короткий срок в совершенстве овладеть техникой пилотирования.

Позже на базе нашей эскадрильи и был создан 69-й полк. Майор Шестаков стал заместителем командира полка.

...Сбор по тревоге закончен, дежурные звенья поочередно взлетают и патрулируют над Одессой. Под нами уже военное небо, летаем с полным боекомплектом, ищем противника. Перегнувшись через борт, гляжу вниз. По дороге к городу тянутся повозки, машины. Беспокойные мысли одолевают меня. Там, на западе, уже идет война, а у нас еще тихо. Не проглядеть бы... Тишина на войне всегда обманчива.

После полета докладываю новому комэску капитану Елохину:

- Противник не обнаружен, в воздухе все спокойно.

- Боятся фашисты показываться над Одессой, - замечает кто-то.

- Да, тебя, верно, испугались, - ворчит Аггей. - Такие они пугливые... - он закуривает и опускается на траву. Мы рассаживаемся вокруг, как цыплята возле наседки. Разговор идет о том, скоро ли начнутся воздушные бои. Рядом натужно гудят

бензовозы, техники заправляют машины. Над аэродромом кружит тройка "ястребков". Вдруг прибегает запыхавшийся посыльный:

- Все свободные от полетов в штаб! Ожидается правительственное сообщение.

Правительственное сообщение! Значит, будет выступать Сталин...

Собрались не в штабе, а в столовой. Небольшое помещение битком набито. Протиснувшись ближе к репродуктору, замечаю Асташкина, Голубева, Маланова, Серогодского. У всех застывшие, напряженные лица, ни улыбки, ни веселого словца.

12 часов дня. С обращением к советскому народу по радио выступил заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов.

"Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда, говорилось в обращении. - Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом". Обращение заканчивалось словами: "Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами".

Короткая речь, всего несколько минут. Никто не хочет уходить, ждем еще каких-то слов, но вот уже льются из репродуктора звуки марша в исполнении духового оркестра. Начальник штаба Никитин приказывает разойтись по своим местам.

Мы выходим из столовой. Ярко светит щедрое июньское солнце, на небе ни единого облачка. Как и вчера, поют в лесопосадке птицы, на поляне колышутся под дуновением ветерка алые маки. Мирная картина. И все-таки война... Трудно с этим смириться.

Согласно разработанному начальником штаба графику, экипажи каждой эскадрильи знают свое время полетов. Но дежурят все. Никто не уходит с поля. Звено за звеном взлетают в небо самолеты. Посты воздушного наблюдения, оповещения и связи 15-й бригады ПВО сообщают: в воздухе чисто,

Мое звено в предстоящую ночь было свободно от вылетов, и я решил навестить семью. Особенно беспокоился за Валентину, надо бы ее утешить, успокоить...

Комэск согласился отпустить меня, попросив заодно узнать городские новости. Ребята вручили пачку писем, я должен был опустить их в почтовый ящик.

На попутной машине добрался до вокзала. Город бурлил,

клокотал. Вместе с капитаном интендантской службы мы соскочили с машины и сразу попали в окружение женщин: засыпали вопросами, требуя новостей. Капитану все же удалось вырваться, а меня не отпускали: как же, летчик, он все знает, ему далеко видно.

- Скажи, сынок, вы их, гадов, не допустите к Одессе? - обратилась ко мне пожилая женщина.

Полный уверенности и с чувством собственного достоинства я ответил:

- На летчиков можете положиться! Не допустим к городу ни одного фашистского стервятника!

Женщины продолжали свои расспросы, теребя за рукав. Их волнение было понятно: война ворвалась в наш советский дом внезапно, как бандит врывается в квартиру, чтобы ограбить ее, учинить разбой.

Наконец, выбравшись из толпы, спешу домой, времени в обрез. Встречают меня радостно. У них спокойно, никакой паники, и на душе становится теплее. Слушали речь Молотова по радио. Старик побежал в свои мастерские, у них там должен митинг состояться. Валентина вполне серьезно задает вопрос, сколько мы уже сбили фашистов. Я снисходительно улыбаюсь: ишь, какая скорая! Да их тут еще и не видели.

- Как же так? - удивляется жена. - Тревогу уже дважды объявляли...

- Где-то севернее пролетали, а в нашем районе пока затишье.

Меня усаживают за стол, и беспокойная теща начинает информировать о том, что школы отводятся под госпитали, заводы начинают готовиться к эвакуации. В парке имени Шевченко ночью поймали шпиона.

- Так-таки и шпиона? - улыбаюсь я,

- Да-да, говорят, фонариком сигналил, - не унимается теща.

- Кому сигналил? Самолетов еще не было, а вы... Паниковать раньше времени не стоит.

- Люди говорили... - обиженно поджимает губы Анастасия Григорьевна.

Жена умоляюще смотрит на меня, и я говорю примирительно:

- - Давайте лучше обсудим, что будете делать во время налета вражеской авиации. Обязательно спускаться в бомбоубежище! И с Валентиной поосторожнее, смотрите уж тут за ней... Непременно сообщите, когда отправите в родильный дом.

Громыхая по железной лестнице, сбегаю с третьего этажа вниз, мчусь переулком и на ходу вскакиваю в трамвай. Тащится он медленно, и меня все время подмывает спрыгнуть. Кажется, пешком дошел бы быстрее. Земные скорости раздражают

авиаторов.

Налетов на город пока не было. Но Одесса готова была отразить нападение, промышленность быстро перестраивалась на военный лад. Перестраивалась и жизнь города, и сами люди. Военкоматы штурмовали сотни добровольцев: просили немедленно отправить на фронт, в действующую армию. На митинге в Черноморском пароходстве моряки приняли резолюцию: "Каждый из нас будет самоотверженно продолжать работу на своем участке и в любую минуту, когда это потребуется, грудью станет на защиту социалистической Родины".

На цеховых митингах судоремонтного завода № 1 многие рабочие-стахановцы подали заявление с просьбой принять их в ряды Коммунистической партии. Сотни женщин, мужья которых ушли на фронт, стали на их место у станков.

Военная обстановка еще больше сплотила, сроднила людей.

...Мы ждали последних сведений с фронтов. Половина двенадцатого ночи. Заговорило радио. Сводка, и опять тревожная. Начальник штаба водит по карте карандашом, передвигает флажки. Красный флажок, синий флажок. Жирная линия протянулась от Мурманска до впадения Дуная в Черное море. Да, это уже не игра в "красных" и "синих", - думаю я, покидая помещение штаба. А ночь - как в мирное время. Блещут равнодушные звезды, чуть шелестят листья на ветвях деревьев. Тишина. Раньше с курганчика мы любовались залитой огнями Одессой. А сейчас город погрузился во мрак.

Глава IV.

Первый экзамен

День за днем мы все основательнее вживаемся в обстановку военного времени, летаем с рассвета до поздней ночи. Прикрываем город и порт, ведем разведку. Но пока что противник не появляется в поле зрения.

Между тем от начальника штаба Никитина мы знаем, что летчики нашей 21-й смешанной авиадивизии за Днестром уже ведут бои. 67-й полк во главе с командиром майором Рудаковым за эти несколько дней отразил несколько налетов на аэродром, сбил тринадцать самолетов противника.

Около трех десятков Ю-88 в сопровождении "Мессершмиттов" появились воскресным утром в районе Грасулово. Бомбы разорвались в полукилометре от рассредоточенных самолетов, не причинив никакого вреда. Командир эскадрильи капитан Афанасий Карманов первым взмыл в небо и устремился в атаку. В неравной схватке ему удалось сбить вражеский бомбардировщик, а затем и истребитель. Но и его самолет был обстрелян. С большим трудом удалось Карманову оторваться от

преследователей и посадить изрешеченную машину.

Фашисты пытались бомбить аэродром в Бельцах, где базировался 55-й истребительный полк под командованием майора В. П. Иванова. Однако благодаря бдительности постов ВНОС и активным действиям летчиков вражеская атака была сорвана.

Зная об успехах боевых товарищей, мы сетовали на свое бездействие. По-прежнему полеты в заданный район, по-прежнему охрана объектов...

Но однажды, патрулируя севернее Одессы, мы обнаружили два "мессера". Пытались навязать им бой, однако противник уклонился. Так и вернулись ни с чем.

Командир полка, выслушав донесение, сказал, иронически улыбаясь:

- Видно, не приняли вас за серьезных противников, слабаками посчитали...

Возвратились с полета Алексей Алелюхин и Михаил Шилов. Тоже безрезультатно. Раздражение их было сильно еще и потому, что, пролетая над знаменитым одесским пляжем Ланжерон, они обратили внимание на усыпанный людьми берег: купались, загорали, будто ничего особенного не произошло.

- Нашли время нежиться на солнце! - возмущался Шилов.

- Раз народ отдыхает, значит спокоен, чувствует за собой силу, А сила это мы: пехота, моряки, авиаторы. Ясно, комсомолия? - возражал Иван Королев. - Что ж теперь, по-твоему, сесть в подвал и нос не высовывать?

Шилов промолчал, и в наступившей тишине все отчетливо услышали далекое гудение. Дремавшие под тенью акаций летчики насторожились. Вытянув шеи, всматривались в голубое небо, но оно было чистым. Между тем гул нарастал, становился все отчетливее, резче.

По звуку мы определили, что это не наши. Но тогда почему молчат посты и не открывают огонь зенитчики? В это время дежурило звено лейтенанта Василия Мистюка из третьей эскадрильи. Мистюк опытный летчик, куда же он исчез со своей тройкой?

Пока мы строили догадки, прислушиваясь к подозрительному гулу, над аэродромом послышался пронзительный свист, земля под нами дрогнула, а небо словно раскололось пополам. Все произошло в считанные секунды, внезапно. Мы выскочили из укрытий, чтобы своими глазами увидеть противника. На высоте 600-700 метров развернутым строем удалялись на запад шесть "Хейнкелей".

Как же случилось, что враг подкрался незамеченным?

Однако рассуждать некогда, звено в составе Михаила Стешко, Ивана Пескова и Петра Гуламенко пошло на взлет. Надо настичь, атаковать и сбить противника.

Юркие "ястребки" в одно мгновение набрали высоту и скрылись за редкими облачками. Но догнать вражеские самолеты оказалось все же задачей непосильной, не позволяла скорость. Майор Марьинский нервничал: куда запропастился Мистюк, Окажись он со своей тройкой вблизи, и врагу несдобровать бы.

Нас всех охватило чувство вины. Еще бы, среди бела дня позволили врагу свободно гулять в нашем небе, сидели прислушивались, гадали... Но что же служба оповещения?

Начальник штаба Никитин звонил, выяснял, ругался. Оказалось, все-таки зевка дали посты ВНОС. Они не ждали противника со стороны моря, а когда опомнились и начали звонить в полк, "Хейнкели" уже были над аэродромом. Наш дежурный принял сообщение под грохот разрывающихся бомб.

Но это не снимало с нас вины, вернее - с лейтенанта Мистюка. Оказывается, он, увлекшись поиском, уклонился далеко на север от Одессы. Связаться с ним и навести на цель не удалось из-за плохой погоды. Вот так одно к одному и сложились неблагоприятные обстоятельства.

Это был предметный урок и для летчиков, и для связистов, и для зенитчиков. Правда, противник своей задачи не выполнил, полк не понес потерь, если не считать десятка воронок на взлетном поле. Их тут же засыпали и разровняли.

Первый налет был предпринят, очевидно, для того, чтобы вызвать в наших рядах смятение, панику, но враг просчитался. Были, конечно, перепуганные, но это в городке, где бомбежка произвела некоторые разрушения.

У одного жилого дома фугаской отбит угол, вместо окон зияют дыры, под сапогами неприятно похрустывает битое стекло.

Я поспешил на свою квартиру. Здесь все было перевернуто кверху дном. Оконные рамы болтались на железных петлях, дверь перекосило. Попытался навесить ее, но ничего не получилось. Пол был усеян осколками битой посуды, осыпавшейся штукатуркой. Пыль еще не осела и неприятно щекотала ноздри. Мне не захотелось ни к чему притрагиваться и наводить порядок. Вдруг показались ненужными вещи, предметы, которые еще вчера веселили душу и радовали глаза. Я отобрал несколько фотографий, прикрыл дверь и сошел вниз. Но не успел сделать нескольких шагов, снова услышал пальбу зениток. Неужели опять налет? Пригибаясь, мимо штакетника пробежала женщина с мальчуганом, и почти в тот же миг раздался оглушительный взрыв. Женщина мгновенно упала, накрыв своим телом ребенка.

По земле скользнула зловещая тень "Хейнкеля" и исчезла за домами. По крышам забарабанили пули. Я глядел в бездонное синее небо, и ненависть вскипала в моей душе. Так ли они сильны, чтобы безнаказанно летать над нашими жилищами, разрушать города, калечить людей? Не позволим осквернять нашу землю!

Посты ВНОС и зенитчики на этот раз оказались на высоте, атака противника была отбита. И мы сделали для себя выводы. Был установлен четкий порядок дежурств на земле и патрулирования в воздухе. Днем и ночью в небе Одессы барражировало звено "ястребков", В случае появления воздушного противника немедленно поднималось подкрепление.

Наша 4-я эскадрилья еще в мирное время считалась ночной. Сейчас командир полка поставил перед Елохиным задачу организовать непрерывное ночное дежурство над городом. Ночной полет сложный. Летчик должен отлично ориентироваться, по мельчайшим объектам на земле определять свое местонахождение. Над Одессой не так уж трудно ориентироваться: море, залив, лиманы, дороги. Они - надежные помощники летчика.

Мы гордились оказанным доверием, рвались в полет, тем более, что противник все чаще стал появляться в ночном небе. Первый мой бой произошел именно глубокой ночью. В паре с лейтенантом Шиловым мы патрулировали над акваторией порта. Погода отличная. Упорно ищем противника. На ловца, как говорят, и зверь бежит. Неожиданно замечаю впереди себя два силуэта. Сомнений быть не может - фашисты. Спешу на перехват, а ведомому даю команду, качнув крыльями: - Прикрой, атакую!

Тот сразу понял. Мы развернулись и пошли на сближение. Приблизившись на дистанцию действительного огня, я поймал в перекрестие прицела самолет противника, нажал кнопку. "Мессершмитт" вздрогнул, повалился на крыло. Душа моя запела от радости, влепил, думаю, сейчас он вспыхнет факелом...

Но "мессер" вдруг пошел на разворот, и не было видно ни дыма, ни огня. Выходит, я промахнулся? Снова ловлю в прицел и выпускаю длинную очередь. Самолет вроде бы задымил, однако упрямо продолжал полет.

Видно, я оказался во власти азарта. Понимаю, что это плохо, горячиться в бою, - не признак мастерства. Но никакая сила не могла уже меня удержать. Снова набираю скорость, продолжаю вести огонь. Шилов неотступно следует за мной, и тоже изредка с большой дистанции бьет короткими очередями.

Так мы преследовали противника минут пятнадцать. Разъяренный, в последний раз беру на прицел "мессера". Но что за

черт - выстрела не последовало. И тут опомнился: горючее-то у нас на пределе, надо возвращаться.

Встретили нас, как ни странно, с ликованием. "Разыгрывают, насмехаются", - подумалось мне. На душе и так кошки скребут, ведь бой оказался безрезультатным, враг ушел...

Да нет, без шуток нас считали чуть ли не героями дня. Многие наблюдали перипетии боя с земли и видели, как мы преследовали противника, прижимали его к земле, и он вынужден был удирать. Стало быть, мы показали свое превосходство.

Похвалу мы принимали сдержанно: как бы там ни было, а самолет все-таки не сбили. Попало от меня оружейнику Каримову. Не откажи в последней атаке оружие, наверняка добил бы фашиста. Но надо же быть самокритичным, вначале сам промазал, только признаться духу не хватает. Вспомнил слова Шестакова, сказанные в Ростове после первого учебно-тренировочного полета:

- Не нравится мне твоя спешка. Зачем торопишься?

Каримов недолго копался в машине. Выстрела не последовало потому, что заело пулеметную ленту. От главного инженера Кобелькова, и особенно от Шестакова, досталось многим, в том числе и инженеру полка по вооружению Ивану Андреевичу Орлову, человеку степенному, серьезному, хорошо знающему свое дело. Я стал на его защиту, при чем тут он, когда главная вина летчика да оружейника.

Забегая наперед, хочу сказать, что тот злополучный самолет все-таки оказался подбитым и упал, о чем и сообщил наблюдательный пост. Однако ругать нас с Мишей Шиловым было за что. Ведь воздушный бой - это прежде всего искусство, детальный расчет, выдержка, хитрость.

Уроком для всего полка стал бой, проведенный вскоре командиром третьей эскадрильи капитаном Капустиным. Это был человек старше многих из нас, опытнее, он сражался в Испании, как и Лев Шестаков, был награжден орденом Красного Знамени. В сорок втором году он погиб под Сталинградом смертью героя.

Так вот, патрулируя северо-западнее Одессы, группа Капустина встретила девятку "Хейнкелей" и с ходу ринулась в атаку. Те не выдержали стремительного напора, изменили курс и начали удирать, продолжая вести огонь по "ястребкам", Наши ребята, пользуясь преимуществом в высоте, атаковали противника. Один самолет удалось подбить, и он рухнул в поле.

В полку все были в приподнятом настроении. Еще бы, первая ласточка, она должна нам принести весну. Фашисты считали Хе-111 неуязвимым и потому, наверное, шли без прикрытия

истребителей. Слов нет, машина прочная, хорошо вооружена, развивает скорость более четырехсот километров в час! И все-таки "ишачки" - как это доказала группа капитана Капустина - могут сбить такой самолет.

Командир полка назначил на вечер разбор полетов. Капустина попросил выступить как бы основным докладчиком. Он сначала отказывался, мол, какой там у меня опыт. Но потом согласился, понял, что сам факт победы имеет большое моральное значение.

Комэск самым подробнейшим образом разобрал бой, нарисовал схему боевых порядков противника, показал, с какой стороны группа вела атаку, наше прикрытие. Точные расчеты и выкладки. Прямо тебе академия! Такой разбор принес нам всем большую пользу. Во время ужина неожиданно слышу: Череватенко, на выход!

Что бы это могло случиться, на ходу стараюсь сообразить - кто и зачем? Оказывается, пришел мой тесть Лаврентий Георгиевич с радостной вестью: Валентина родила сына.

Вот так новость! Честно признаться, я как-то совсем забыл, что жена в родильном доме находится, голова была другими заботами наполнена.

Меня качали с таким же энтузиазмом, как и Капустина. Поздравляли, желали на этом не останавливаться. Холостяки Шилов, Серогодский, Педько снисходительно посмеивались.

В самый разгар этого неожиданного "семейного" торжества к нам подошел комиссар полка Николай Андреевич Верховец с каким-то незнакомым офицером. Невысокого роста, в ладно пригнанной форме, он сразу привлек наше внимание.

- Вот, товарищи, прошу любить и жаловать! Комиссар эскадрильи Семен Андреевич Куница! - представил нам новичка Верховец.

- Примите и мои поздравления! - сказал новый комиссар, протягивая мне руку.

Говорил он с заметным украинским акцентом, слегка заикаясь, но этот маленький дефект не только не мешал ему, но придавал его речи какое-то неуловимое очарование. Семен Андреевич с первых минут расположил к себе летчиков. У него была приятная, открытая улыбка и привычка во время беседы плавно водить рукой.

Он сразу стал расспрашивать, как нам воюется, а мы выкладывали свои огорчения: дескать, не везет нашей четверке, зря небо утюжим.

Комиссар проинформировал о положении дел на фронтах. Советские войска с боями отходят на восток, нанося врагу

огромные потери в живой силе и технике. Гитлер просчитался, надеясь легко и быстро расправиться с Красной Армией.

- Так что работенка вам будет! - улыбнулся Куница. - Предстоят жестокие сражения. Но дело наше правое, победа будет за нами!

Комиссар эскадрильи просто и естественно вошел в коллектив. Сын бедного крестьянина из Черкасской области, он работал секретарем райкома комсомола, принимал активное участие в коллективизации села.

Закончил Качинское летное училище, работал там инструктором, из Качи и приехал в 69-й полк на должность комиссара эскадрильи.

На следующий день вражеская авиация совершила налет на Одессу. Было сброшено десятка два фугасных бомб на жилые дома по улицам Ленина, Дерибасовской, в Малом переулке. Никаких военных объектов там не было. Очевидно, и этот налет был предпринят с целью посеять панику, подавить волю одесситов к сопротивлению. Но люди не дрогнули. Мне как раз довелось быть в те дни в городе. Проходя через парк имени Шевченко, я увидел большую группу - в основном женщин и стариков. Сгрудившись под кроной широкого платана, они слушали агитатора. Вокруг была изрыта земля, видно, люди работали - рыли окопы и в перерыве собрались послушать сводку о положении дел на фронтах.

Повязанная по самые брови платком женщина, сидя на брустверe, читала статью о боях за Одессу, Услышав знакомую фамилию, я остановился. "Летчик Капустин... Вместе с пехотинцами, артиллеристами, моряками храбро сражаются и славные соколы, отражая воздушные атаки противника..."

Налеты на город все учащались. Бывало, что на день по несколько раз объявлялась воздушная тревога, в разных местах падал на город смертоносный груз. Но нигде не наблюдалось паники, растерянности. Заслышав отбой, жители выходили из бомбоубежищ, и улицы снова заполнялись пешеходами.

И снова - деловые, уверенные лица, шутка, смех. Спешили автомашины, громыхали по булыжной мостовой подводы, батальон морской пехоты, печатая шаг, следовал на передовую, и песня рвалась в небо, заставляя учащенно биться сердца:

Полетит самолет, застрочит пулемет,

Загрохочут железные танки...

Город напряженно трудился, готовясь к долгим и тяжелым боям. Среди трудящихся развернулось широкое движение за создание истребительных батальонов и народного ополчения. Бойцы батальонов патрулировали улицы, охраняли важные в

военном отношении объекты, вылавливали вражеских лазутчиков, диверсантов и провокаторов. Народные ополченцы систематически овладевали военными знаниями, готовясь по первому зову выступить против врага с оружием в руках, девушки готовились стать медсестрами.

Глава V.

Счет открыт

Счет сбитых фашистских стервятников изо дня в день увеличивался. Воздушные бои проходили, как правило, при количественном перевесе противника, но мы воевали не числом, а умением.

Вскоре с победой возвратился командир первой эскадрильи капитан Асташкин. Михаил Егорович принадлежал к поколению старших, уже обстрелянных летчиков. Он участвовал в финской войне, был награжден. Докладывая майору Шестакову о результатах полета, скупой на слова, неразговорчивый Асташкин сказал коротко;

- Задание выполнено, потерь нет.

Зная характер капитана, Шестаков усмехнулся:

- Меня интересуют подробности, Михаил Егорович... Асташкин молча поднял два пальца, что означало: сбили двух.

Все, кто находился в землянке, рассмеялись, а Михаил только плечами повел: мол, к чему слова тратить, и так все ясно.

Подробности этого боя уточнили лейтенанты Тележенко, Рожнов и Кузяров, летавшие с капитаном.

Патрулируя над передним краем, наша группа встретила девять "Юнкерсов", шедших курсом на Одессу. Ведущий сбил одного с первого же захода. Противник растерялся, начал сбрасывать бомбы куда попало. Прикрытия у него не было, и это во многом облегчило положение наших ребят. Асташкин вторично атаковал с близкой дистанции и послал второго на землю. Враг был окончательно деморализован и поспешил поскорее убраться,

Мастерски проведенный бой четверки Асташкина прославил 69-й полк на всю страну: в последних известиях о нем вскоре сообщило Советское информбюро. Агитаторы провели беседы о подвиге летчиков второй и третьей эскадрилий, а Михаилу Егоровичу пришлось выступить на разборе полетов. Ассистентом у него был Иван Рожнов, один из лучших учеников комэска, летчик смелый, находчивый и решительный. К сожалению, провоевал Иван недолго. В конце июля он погиб в неравном воздушном бою восточнее Аккермана.

Разборы полетов проводились после каждого боя, они помогали нам усваивать опыт старших товарищей, лучше

распознавать повадки врага. Способным учеником оказался Виталий Топольский, он вскоре отлично проявил себя.

Дело было так. Наблюдательный пост сообщил, что с юго-востока курсом на город идут шесть "Хейнкелей". В воздух поднялись Топольский, Серогодский, Педько. Они попытались расстроить боевые порядки противника, но те яростно отбивались. Наконец, Виталию удалось несколькими короткими очередями сбить ведущего. Громадная серая махина рухнула на берег и взорвалась, экипажу спастись не удалось.

Бой на этом не закончился. Противник рвался к порту, и нужно было во что бы то ни стало преградить ему путь. Неподалеку от Воронцовского маяка Топольскому удалось настичь вторую вражескую машину. Самолет вспыхнул, как спичка, но экипаж - вся четверка - спустился на парашютах.

Вот уж Топольский охотно рассказывал обо всех подробностях этого сложного боя. По натуре общительный, веселый и приветливый, он любил песню, шутку. Печаль овладевала им только тогда, когда он вспоминал свою родную Винницу: в то время город уже топтал гитлеровский сапог.

Четыре вражеских летчика с подбитого Топольским самолета были схвачены. Они спустились на залив, и дежурный катер направился к месту их приводнения. Фашисты в бессильной злобе стали отстреливаться. Их подняли на борт, обезоружили. Двоих пришлось откачивать: нахлебались морской водички и едва не отдали богу душу.

Мы отдыхали после трудного боя, когда посыльный из штаба полка пришел за Топольским: привезли на допрос пленных летчиков. Их командир хотел бы посмотреть на того, кто его подбил.

Мы все отправились в штаб посмотреть на представителей "арийской расы". Они походили на ощипанных петухов, хотя и хорохорились отчаянно. Как выяснилось, геббельсовские пропагандисты внушали им, что в России, дескать, летают на фанерных самолетах и воевать с русскими - все равно что игрушками забавляться... Все это выболтал словоохотливый веснушчатый штурман. Переводчик едва поспевал за ним. Он же поспешно заявил, что в победу Гитлера не верит и рад, что попал в плен. Конечно, ему не верили, от страха за свою жизнь он мог что угодно наговорить. Многие пленные, вчерашние разбойники и убийцы мирных людей, оказавшись в плену, пытались вызвать к себе сострадание, заявляя, что не по своей воле пошли воевать, Гитлер послал...

Однажды ранним утром старший лейтенант Виктор Климов, заместитель командира третьей эскадрильи, перехватил в районе

станции Выгода "Хейнкеля", летевшего на малой высоте. С такими "одиночками" приходилось иметь дело часто, они по-разбойничьи подкрадывались к цели, сбрасывали несколько бомб и спешили на всех парах убраться. Летали они в строго определенное время: ранним утром или же в вечерние сумерки, для лучшей маскировки.

Климов атаковал противника, но сбить самолет с первого захода не удалось. Раненый враг поспешно уходил на бреющем. Его заметили летчики Шевченко и Давыдов. Они-то и помогли добить фашиста. Самолет, не выпуская шасси, плюхнулся в пшеницу. Летчики попытались скрыться, Им бросилась наперерез группа красноармейцев. Завязалась перестрелка, в которой двое летчиков были ранены и прекратили сопротивление. Но командир машины не пожелал сдаваться, засел в кустах и продолжал отстреливаться. Однако и его вскоре укротили: связав руки, привели в штаб.

Злющий оказался этот гусь, шипел, брызгал слюной, кусал себе губы в кровь. Как же, его убеждали, что в предстоящей войне он будет совершать на самолете что-то вроде утренних прогулок над степями, и вдруг - плен. Гитлеровец ругался по-своему, отворачивался, когда к нему обращались с вопросом.

Тихий, всегда уравновешенный Алешка Маланов долго молча смотрел на беснующегося фашиста, а потом сказал, ни к кому не обращаясь:

- Странное дело, будто и человек с виду: нос, уши, глаза... А изнутри зверь. Вот ведь как получается...

Сбитый Виктором Климовым и двумя его помощниками вражеский самолет сослужил нам неплохую службу. Техники поставили его на колеса, прибуксовали на аэродром, замаскировали ветками. Все, кто был свободен от полетов, приходили изучать технику противника.

Машина была изрядно покорежена, побита осколками снарядов, лопасти погнуты, на плоскостях дыры, но приборы, оружие, оборудование остались целы, и мы ощупывали каждую деталь, стараясь найти уязвимые места. "Хейнкель" крепкий орешек, но мы трезво оценили его достоинства. По тактико-техническим данным наши самолеты все же превосходили немецкие. Беда заключалась в том, что у нас просто мало было машин.

Глава VI.

Виктория - значит победа

К концу июля Молдавия и все Заднестровье были оккупированы, фронт приблизился к Одессе. Два истребительных и один бомбардировочный полки 21-й смешанной авиадивизии

отходили вместе с войсками Южного фронта на восток.

К 13 августа ценой больших потерь противнику удалось потеснить наши войска на правом фланге обороны и выйти к черноморскому побережью в районе села Аджиаски восточнее Тилигульского лимана. В результате этого Одесса оказалась окруженной неприятельскими войсками с суши.

69-й истребительный авиаполк, вошедший в состав Приморской армии, стал в сущности единственной авиационной частью, которая защищала небо Одессы, если не считать морской эскадрильи тихоходных самолетов МБР-2 под командованием майора Чебаника. Вначале эта эскадрилья имела около десятка боевых машин, летавших на задания под нашим прикрытием, но вскоре почти все они вышли из строя. Между тем противник наседал, и мы остро ощущали на себе его численное превосходство. Трудности усугублялись еще и тем, что группа летчиков второй и третьей эскадрилий в течение первого месяца находилась на правом берегу Днестра, на так называемых аэродромах подскока, откуда они наносили удары по войскам противника, пытавшимся переправиться через Прут.

Аэродромы-пятачки, где стояли замаскированные истребители, находились буквально в нескольких километрах от линии фронта. Можно представить себе, в каких условиях приходилось нашим ребятам выполнять боевые задания. Но они хорошо справлялись.

Тройка лейтенанта Михаила Гулибина - сам Гулибин, Николай Никонов и Михаил Твеленев - получила приказ разбомбить переправу, возле которой скопилось много войск и техники противника. Под сплошным огнем зениток наши летчики сделали несколько заходов, но тут из облаков вынырнула восьмерка "Мессершмиттов". Силы оказались неравные, и неизвестно, чем бы закончился бой, не подоспей на помощь Гулибину тройка МИГ-1 из нашей же дивизии. Фашисты потеряли в этом бою два самолета. Боевое задание было выполнено: мост разрушен, движение войск противника на несколько часов приостановлено.

Второе звено под командованием лейтенанта Дмитрия Иванова до последних дней охраняло переправу наших войск в районе Бендер. В непрерывных боях летчики третьей эскадрильи сбили пять бомбардировщиков и один истребитель, но и сами понесли потери. Геройской смертью погиб Борис Карпенко. Были сбиты в бою машины Алексея Филиппова и Николая Хомякова. Летчикам удалось спастись - они выбросились с парашютами.

Я был свидетелем гибели еще одного нашего летчика. В тот раз по заданию командира авиадивизии полковника Д. П.

Галунова привез в Тирасполь почту. Едва зарулил самолет, как над головой со свистом пронеслась четверка "Мессершмиттов", поливая огнем стоянки и сбрасывая бомбы-"хлопушки". Противник пытался блокировать аэродром, чтобы дать возможность своим "Юнкерсам" нанести очередной удар по бендерскому мосту. Тройка Иванова немедленно поднялась в воздух. Предположения подтвердились: вражеские бомбовозы вскоре появились над целью. "Ястребки" дружно атаковали врага. Завязался бой. Вдруг кто-то из техников воскликнул:

- Иванов! Кажется, Иванов горит!

Объятый пламенем самолет беспорядочно падал, а мы кричали, не помня себя:

- Прыгай, Димка, да прыгай же!

В ту же секунду от горящей машины отделился темный комок, он стремительно приближался к земле и скрылся за верхушками тополей. К сожалению, парашют не раскрылся. Деревья смягчили удар, но у Иванова оказались перебиты обе руки, он скончался.

Летчики выполнили свою задачу, ни одна бомба не упала на мост, пока последний советский воин не переправился через реку.

А тем временем у села Парканы, выше по Днестру, авиаторы из подразделений, оборонявших столицу Молдавии Кишинев, с таким же мужеством сдерживали натиск врага, который рвался к Одессе.

К концу июля, когда весь полк уже собрался вместе, мы недосчитались пятерых наших боевых товарищей: Ивана Рожнова, Федора Шумкова, Бориса Карпенко, Дмитрия Иванова, Алексея Симкина. Несколько раненых товарищей тоже выбыли из строя. Значит, на каждого из нас увеличивалась нагрузка, число вылетов. Бои вели чаще всего в меньшинстве и только благодаря мастерству, взаимной выручке мы выходили победителями. Маленькие "ишачки" храбро противостояли "Мессершмиттам", не раз вступали в смертельную схватку с бомбовозами, громили врага на земле. Смелости советским летчикам не занимать, мы были сильны верой в правоту святого дела освобождения родной земли.

Обстановка с каждым днем усложнялась. 5 августа 1941 года Ставка Верховного Главнокомандования дала директиву Главнокомандующему Юго-Западным направлением Маршалу Советского Союза С. М. Буденному: "Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот".

Для летчиков наступила пора особенных трудностей. Пополнения не было, материальная часть давно не обновлялась.

А тут еще организационные перестановки. В первой половине августа майор Марьинский передал командование авиачастью майору Шестакову. Новый командир установил прочные связи с зенитчиками, службой ВНОС, связистами. С комиссаром Верховцом они быстро нашли общий язык, что, как известно, имеет большое значение для успешной боевой работы, Своими характерами они словно дополняли друг друга: горячий, порой даже вспыльчивый Шестаков и спокойный, уравновешенный Верховец. Шестакова, к тому же, располагало к комиссару то обстоятельство, что Верховец великолепно знал технику, мог наравне с командиром повести группу в бой.

И забурлила, заработала творческая мысль. Вблизи главного аэродрома был создан ложный: расставили фанерные макеты самолетов, соорудили временные постройки. И противник не раз попадался на эту удочку.

По инициативе инженера полка Николая Яковлевича Кобелькова была увеличена огневая мощь И-16. Вместе со своими товарищами - инженером по вооружению Иваном Андреевичем Орловым, заместителем по эксплуатации Петром Константиновичем Спиридоновым, оружейниками Иваном Жуком и Владимиром Кашперуком, техниками Дмитрием Кислягиным, Григорием Вихоревым, Алексеем Буланчуком они пристроили к плоскостям истребителей систему подвесок для реактивных снарядов и авиабомб. Новшество поначалу встретили настороженно, но первые же полеты рассеяли сомнения: система действовала безотказно, боевая мощь самолета увеличивалась в два раза.

Молодой командир полка предложил новую тактику ведения воздушного боя: мы стали располагать свои машины "этажеркой", то есть двумя-тремя ярусами по высоте, что позволяло полной мерой использовать все лучшие качества наших самолетов в боях против "Мессершмиттов", превосходивших И-16 по вертикальному маневру и скорости.

Весной сорок третьего года в воздушных боях на Кубани летчики успешно использовали наш опыт и добились блестящих побед. Да и на других фронтах шестаковская "этажерка" была чрезвычайно популярна, о чем рассказывали позже в своих воспоминаниях многие выдающиеся авиационные командиры.

Много помогал нам разбор каждого боя, будь он удачным или неудачным, обсуждение тактических приемов противника. И всякий раз, когда мы собирались на такое занятие, командир и комиссар были рядом.

Николай Андреевич Верховец не упускал случая, чтобы поднять боевой дух авиаторов. Время было тяжелое, с фронтов поступали неутешительные сводки. И почти каждый в душе переживал свое личное горе: у одного без вести пропали родители, у другого брат был ранен и навсегда остался инвалидом, а третий потерял любимую девушку. Кто поможет им, кто утешит, кто обнадежит и поведет в бой?

Большую работу проводил и комиссар эскадрильи Куница. Однажды после разбора боя уселись мы с ним в тени, под акацией. Начал Семен Андреевич издалека: о моей комсомольской юности, о семье, товарищах. Человек он новый, еще не успел присмотреться к каждому. А до его прихода я временно исполнял обязанности комиссара эскадрильи. К тому

же я, можно считать, ветеран полка, знаю людей.

- В партии ты давно? - поинтересовался Куница.

- Два года.

- Прекрасно! У нас большинство летчиков - коммунисты, да и комсомольцы крепкие парни, положиться на них всегда можно.

Я рассказал о тех, с кем летал на боевые задания, - Алелюхине, Шилове, Маланове, Тараканове, Королеве. Комиссар внимательно слушал, изредка задавая вопросы. Потом сказал:

- Ты коммунист и должен разъяснить другим обстановку. Нам сейчас неимоверно трудно. Одесса блокирована, единственная связь с Большой землей море. Некоторые наши товарищи приуныли... А нам нельзя распускаться, нельзя падать духом. Иначе - какие же мы бойцы?

Если бы меня спросили сейчас, какая наиболее яркая черта была присуща характеру Семена Андреевича, я бы, не задумываясь, ответил: любовь к человеку. Мы никогда не видели Куницу одного, он всегда был в окружении летчиков, всегда готов был идти навстречу, помочь в любой беде. Он умел поддержать в тяжелую минуту человека, зажечь в нем огонек надежды, вселить уверенность в будущем. С ним всегда делились самым сокровенным.

Нравилась в Кунице и его жажда летать. Однажды жарким августовским полуднем я лежал в тени деревьев, на мягкой душистой траве в ожидании сигнала на вылет. Мимо по тропинке, чуть пошатываясь от усталости, прошел Семен Андреевич. Я окликнул его.

- А-а, это ты, старший лейтенант, - сказал комиссар, опускаясь на траву рядом. - Драка была настоящая, а вот результаты плохие, - огорченно протянул он. - Результат - ничья...

Он сломал с куста упругую веточку и стал рисовать на земле схему боя: положение противника и наших самолетов, с какой стороны и под каким ракурсом велась атака. - Все дело в том, что я был ведомым, - с сожалением произнес Куница. - Будь я ведущим, ей-богу, действовал бы решительнее. Надо навязывать свою волю противнику.

Эту мысль комиссар повторял часто и на разборах, партийных собраниях, в личных беседах с летчиками. А в тот день комиссар неожиданно перевел разговор на личную тему. Строго отчитал меня за то, что я все еще тянул с отправкой семьи в тыл.

Уже многие офицеры позаботились об этом. Некоторые жены решили не оставлять мужей и делить с ними все тяготы военного времени. Отказывалась покидать Одессу и моя Валентина. Мне стоило больших трудов уговорить ее. С Борисом Леонтьевичем Главацким, пропагандистом полка, на которого была возложена

ответственность за доставку семей в порт и устройство их на корабль, мы договорились, что моя семья должна быть отправлена немедленно. Документы были оформлены.

Пароходы, несмотря на частью бомбежки, уходили регулярно. Однако мне не пришлось заниматься отправкой семьи: в тот день нас разбудили по тревоге в четыре часа утра. Весь полк готовился подняться в воздух: ожидался массированный налет противника на город и порт.

Едва добежали до стоянок, как услышали монотонное гудение вражеского разведчика, он пролетел южнее аэродрома. Появился разведчик - жди налета, это уж закон.

Сидим в кабинах, ждем. Наконец, ракета рассекла небо. Взлетаем один за одним, набирая высоту. Кружим над городом, заливом. Но противник не показывается. Может быть, это уловка, рассчитанная на то, что, израсходовав горючее, мы вынуждены будем возвращаться, а немец, гляди, тут как тут,..

Но вот прозвучала команда Шестакова:

- Приготовиться!

Сделав правый разворот, я заметил в яснеющем небе двенадцать "Юнкерсов", они шли вдоль берега на высоте около двух тысяч метров, курсом на порт. Выше над ними кружили, словно купаясь в первых лучах солнца, девять "Мессершмиттов". Их двадцать один, нас всего восемь, остальные ждут сигнала на аэродроме.

Майор распределил силы следующим образом: пятерка завязывает бой с "мессерами", сковывает их, а тройка во главе с ведущим обрушивает удар по "Юнкерсам".

При таком численном превосходстве противника мы вели бой впервые. Минут пятнадцать-двадцать над заливом продолжалась беспрерывная пальба. Вражеские бомбардировщики в который раз заходят на цель, но тройка Шестакова сбивает их с курса. Используя преимущества в высоте, длинной очередью поджигаю "мессера". Он задымил и круто пошел на снижение.

Представьте радость летчика, впервые одержавшего победу.

- Сбил! Сбил!! - кричу от восторга, и мне хочется, чтобы это услышали все.

Второй самолет подбил Елохин. Вражескую машину поглотили морские волны неподалеку от Воронцовского маяка.

Выхожу из атаки и вижу: майор Шестаков врезается в самую гущу вражеских бомбардировщиков. Черные сосульки отрываются от плоскостей "Юнкерсов", падают в воду, вздымая высокие фонтаны. Бомбы рвутся на пирсе и дальше, между портовыми строениями. Иван Королев сорвался в штопор, а два "мессера" пытаются прикончить его. Сердце мое замирает: спасти машину и

себя в таком положении шансов мало. Но тут происходит чудо: Иван выравнивает самолет и сам устремляется в атаку. Аи да Ваня! Мастер высшего пилотажа!

Помощь нам не потребовалась. Справились сами, сбили две машины, сами потерь не понесли. Приземлились, оглядываем друг друга, словно сто лет не виделись. Живы, черт побери! А ведь кое-кто мог бы уже быть гостем Нептуна...

"Старики", как называли двадцатипятилетних, хвалят молодых - Засалкина и Осечкина. Смело действовали ребята, не растерялись. По оценке Шестакова, никто в грязь лицом не ударил. Похвалу от командира приятно услышать, мне особенно: сбил первого "мессера". Пусть эта скромная победа будет в честь рождения сына, названного по предложению товарищей Виктором. Виктория значит победа! Все мы чувствовали себя в этот день победителями: звонили из штаба армии, поздравляли друзья-зенитчики.

Меня встречает мой неизменный помощник Алексей Филиппов. Лицо встревоженное. Показывает в сторону соседнего капонира: "скорая помощь"... Спешу туда. На пожухлой траве сидит Иван Королев, бледный, как бумага. Фельдшер Лена Семенова пытается стащить с его ноги сапог. Подбегает доктор Шаньков и решительно разрезает голенище ножницами.

- Ранен, Ванюша? - задаем бессмысленный вопрос, ведь и без того ясно.

- Новенькие сапоги угробили, - говорит Королев, морщась от боли. - Ведь только-только получил у интенданта...

- Ногу жалей, сапоги будут, - ворчит доктор Шаньков.

Ивану помогли встать, но ехать в санитарной машине он отказался категорически. Держа в одной руке разрезанный сапог и припадая на забинтованную левую ногу, он пошел в окружении товарищей, рассказывая им подробности боя.

Был ранен и Алексей Алелюхин. Однако опасаясь, как бы его не госпитализировали, он пошел на хитрость. В санитарной части попросил сестру сделать тайком перевязку и молчать. Но кто-то заметил у Алексея на гимнастерке пятна крови. Дошло до Шестакова, и Алелюхина отчитали за попытку скрыть ранение.

Летчики живо обсуждали результаты боя. В центре внимания был, конечно, Королев. Он проявил все качества отличного летчика; волю к победе, хладнокровие, выдержку.

Командир полка не совсем доволен, ругает наблюдателей:

- Близорукие они, что ли? Не замечают противника, опаздывают с информацией. Ведь достаточно было подняться на каких-нибудь пять минут раньше, и бой закончили бы с лучшими результатами.

Досталось и нам: огонь вели с дальних дистанций, попусту тратили боеприпасы, Не было четкого взаимодействия, самолеты иногда далеко отдалялись один от другого. Отдельно Шестаков отметил мастерство молодых летчиков.

День ото дня наша жизнь осложнялась. Противник почти круглосуточно вел воздушную разведку, все ощутимее становились потери летного состава. 23 августа в неравном бою над городом погиб Иван Засалкин. Был ранен и выбыл на некоторое время из строя Петр Осечкин. Теперь можно только удивляться, как мы ухитрялись сдерживать бешеный напор врага. И авиация, и пехота фактически дрались на пятачке, зажатые с трех сторон. Причем, пятачок непрерывно сужался. Если к концу июля Приморская армия занимала оборону по реке Днестр, от Тирасполя до Днестровского лимана, то 10 августа передний край проходил по рубежу Коблево - Александрова - станция Буялык - Каролино-Бугаз. Не успеешь подняться с аэродрома, как сразу оказываешься на территории, занятой противником. По дорогам идут автомашины, обозы, кавалерия, пехота. По показаниям пленных, на 7-8 августа гитлеровское командование намечало массированный налет на Одессу, после чего должно было начаться наступление. На десятое августа назначался парад гитлеровских войск.

Парад был перенесен на 20, потом на 25 августа и еще раз - на 1 сентября. Но он так и не состоялся. Наш полк наносил по войскам врага мощные штурмовые удары, тем самым срывая замыслы противника.

Большие потери понесли гитлеровцы на переправе возле города Дубоссары. Операцией руководил старший батальонный комиссар Верховец. Она тщательно готовилась и была рассчитана на внезапность. На маршруте мы не встретили самолетов противника, но когда над тихим молдавским городком пошли на снижение, земля словно ощетинилась против нас. Казалось, стрелял каждый куст, каждое деревцо. Белые шапки разрывов сплошь усеяли небо. Тут уж некуда сворачивать, увертываться.

Под крутым углом бросаем машины на цель. Снова набираем высоту, снова удар. По команде ведущего переходим на штурмовку с бреющего полета. Теперь зенитные снаряды не опасны, они рвутся выше. Еще и еще раз атака и сигнал: "Заканчивай!"

Курс на базу. Вдруг замечаю, планирует на посадку наш "ястребок". Оглядываюсь вправо, влево: все мои ребята на месте, вижу по номерам машин. Кто же пострадал?

Тем временем подбитый самолет исчез из виду, видимо, приземлился. Хорошо, если дотянул до своей территории, если не

взорвался при посадке... Рельеф здесь сложный, сплошные овраги, балки, холмы...

Мысль о пострадавшем "ястребке" не дает покоя, наверное, его все заметили. На аэродроме, едва успеваю выключить мотор, мои неизменные помощники Алексей Филиппов Изот Фитисов тут как тут;

- Товарищ старший лейтенант, а капитана Голубева где оставили?

Значит, это Николай Голубев... Тяжелая потеря. И хотя понимаешь, что ты здесь ни при чем, на то и война, чувство такое, будто ты лично виноват в случившемся.

Верховец докладывает командиру полка, голос его звучит устало и глухо. Мы дополняем ведущего: столько-то сожжено танков, автомашин, разбито орудий, уничтожено живой силы... Цифры, разумеется, условные, но главное: полк выполнил задание командования оборонительного района, задержал переброску войск неприятеля на левый берег Днестра.

Шестаков благодарит за выполнение приказа. Отличившиеся будут представлены к правительственным наградам. Но кто сейчас думает о наградах, капитана Голубева вернуть бы...

- Череватенко! - подзывает меня майор. - Давай-ка по карте покажи хотя бы приблизительно район, где приземлился Голубев.

Мы садимся на траву, раскладываем карту. Шестаков, вдруг резко повернувшись, обращается к начальнику штаба:

- Свяжитесь со штабами пехотных частей. Если Голубев сел на своей территории, они должны знать... Будем надеяться, - это майор уже мне говорит.

Я иду немного отдохнуть и привести себя в порядок. Ко мне подстраивается комиссар эскадрильи Куница.

- Семью-то отправил? - спрашивает он.

Да меня и самого это обстоятельство неотрывно тревожит. Но полеты не оставляют ни минуты свободного времени. Так складывается обстановка, что и на следующий день снова подъем до рассвета, даже позавтракать не успели. Инженер эскадрильи Петр Федоров торопит механиков, заставляет оружейников еще раз проверить оружие. Все готово, остается получить инструктаж от командира полка. Шестаков после вчерашней потери как-то притих, побледнел. Просит вынуть из планшеток карты.

- В западном секторе обороны фашисты не дают нашим поднять головы. Командир дивизии генерал-майор Воробьев просит помощи. - Он помолчал, оглядывая нас.

- И вот еще что... Будьте осмотрительны, "мессеров" там чертова тьма... Вопросы есть?

На подходе к переднему краю встречаем шестерку вражеских

истребителей. Странно, они развернулись и ушли. Преследовать их мы не стали, поскольку у нас иная задача. Через несколько минут новая встреча: два "Мессершмитта-110" с бреющего обстреливают дорогу, по которой движется к передовой наш обоз. Пытаемся взять противника в клещи, и он улепетывает. Проходим вдоль линии фронта. Из окопов бойцы приветственно машут нам пилотками.

Однако поведение вражеских летчиков остается загадкой. Обычно они лезут на рожон, а сегодня почему-то пассивны. По возвращении докладываю командиру полка. Шестаков высказывает предположение: видимо, готовится наступление, поэтому авиация ведет усиленную разведку, не вступая в бой.

Мне предстояло снова лететь в составе группы под командованием комиссара эскадрильи Куницы. Поэтому я наспех перекусил и прилег в посадке отдохнуть. Незаметно погрузился в сон. Проснулся от громких криков. Гляжу на часы - пора. Семен Андреевич с крыла машет рукой:

- Поторопись, вылетаем!

Надеваю парашют, ищу глазами Филиппова. Вижу, он спешит через взлетную полосу, в нарушение всех правил.

- Командир приказал лететь на вашей машине Григорию Сечину, - говорит он запыхавшись. - А вам отдыхать. Предстоит ночной полет.

Снимаю парашют, передаю машину:

- Лети, дружище, ни пуха, ни пера...

Григорий весело чертыхается.

Сидим на краю кукурузного поля, шестерка Куницы улетает вслед заходящему солнцу. Конечная их цель - Раздельная, где шли тяжелые наземные бои, где кишмя - кишели "мессеры".

Летний вечер долог, и хотя огненный шар солнца давно скрылся за верхушками леса, еще совсем светло. Мы нетерпеливо поглядываем на юго-запад. Пора бы возвратиться Кунице... Мысленно мы там, над станцией, вместе с шестеркой. Только бы возвратились, только бы дотянули...

Вот доносится еле различимый гул. Мы вскакиваем, вытягиваем шеи.

- Наши! - объявляет Михаил Шилов,

- Наши, наши! - слышны радостные возгласы.

На фоне перистых облаков, освещенных золотистым закатом, отчетливо вырисовываются знакомые силуэты. Пересчитываем: кажется, все... Нет, не все.

- Одного нет, - говорит начальник отдела кадров капитан Нетривайло. Может быть, отстал?

- А может, сел на вынужденную? - высказывает кто-то

предположение.

Группа между тем делает круг над летным полем, и теперь уже не остается сомнений: одного нет.

Шестой был сбит над Раздельной.

Глава VII.

Пароходы идут на восток

Многие из нас, если не сказать - все, ждали в ближайшее время решительного перелома в ходе войны. Эта вера особенно окрепла после выступления Сталина по радио 3 июля. Печать сообщала о налетах советской авиации на Берлин и другие промышленные и политические центры государств гитлеровской коалиции. Эти короткие информации становились темой для митингов и собраний.

Много ходило и всяческих слухов, не подтвержденных никакими достоверными источниками. Люди выдавали желаемое за действительное: будто бы на севере наши высадили большой морской десант, а где-то наша Красная Армия прорвала линию фронта и сейчас воюет на вражеской территории...

Но проходили дни, недели, месяцы, а желаемых перемен на фронтах не наступало. Напротив, положение все ухудшалось. Враг наступал на Москву, создал угрозу блокады Ленинграда, приближался к Киеву. Одесса с трудом сдерживала бешеный напор фашистских дивизий.

8 августа начальник гарнизона контр-адмирал Гавриил Васильевич Жуков издал приказ о введении в городе осадного положения.

Наши части в это время отошли на новые рубежи. В южном секторе, на участке 25-й стрелковой дивизии противник по несколько раз в сутки переходил в атаку, и наши войска с огромным трудом отражали их.

В середине августа жаркие бои проходили в районе села Кагарлык. Неся большие потери, неприятель подбрасывал все новые силы и предпринимал атаку за атакой. Мы с воздуха поддерживали отважных воинов.

Утром шестерка наших истребителей, ведомая Юрием Рыкачевым, взяла курс на юго-запад: предстояло нанести штурмовой удар по противнику и помочь нашим войскам отбить село. Шестерку сразу же перехватили "Мессершмитты". Завязался жестокий бой. Михаил Твеленев сбил одну вражескую машину, но и сам был ранен осколком снаряда в лицо. Серьезные повреждения получил и истребитель: отказал двигатель, был разбит "фонарь", повреждено шасси. С большим трудом Михаил дотянул до своего аэродрома и посадил самолет на брюхо. Летчика вытащили из кабины полуживого. Он весь был залит

кровью...

Твеленева на пароходе "Абхазия" отправили на восток. Жизнь ему спасли, он потом вернулся в строй, снова воевал, заслужил звание Героя Советского Союза,

Одесса жила заботами и помыслами участников обороны города. Однажды комиссар полка Николай Андреевич Верховец привез из города листовки, которые получил в горкоме партии. Это было обращение одесситов к воинам, в котором говорилось:

"Мы, одесские граждане, рабочие и работницы, служащие и интеллигенция, домохозяйки, обращаемся к вам, героическим воинам нашей страны, защищающим Одессу от вражеских извергов, с чувством глубокой признательности и искреннего восхищения вашим мужеством, стойкостью, отвагой... Громите и дальше фашистских разбойников так, как это делаете сейчас!"

Наша эскадрилья "ночников" получила на этот раз короткую передышку. Командир батальона авиационного обслуживания майор Погодин только что возвратился из порта: провожал свою семью. Ко мне он подошел со словами:

- Командир полка приказал предоставить вам машину для отправки семьи. Поспешите, товарищ старший лейтенант, сами знаете, положение тяжелое...

Документы у меня давно подготовлены, ждал только, когда выздоровеет Валентина... Главное - машину дают, остальное уже не так сложно, - думалось мне.

Однако пришлось добрых два часа потратить на беготню из штаба в штаб, пока отпустили в мое распоряжение шофера Николая Трегуба. Лишь в пятом часу вечера подъезжали мы к Вознесенскому переулку, неподалеку от вокзала. Переступаю порог. Коридор сплошь завален корзинами, чемоданами, узлами. Жена кормит сына, сестра ее Мария еще что-то укладывает в чемодан.

- Граждане дорогие! - говорю им с отчаяньем. - Кто же будет тащить все это хозяйство? Да с таким багажом и на пароход не пустят!

Жена умоляюще смотрит на меня:

- Да ведь малыш... И не на один же день едем, - и заливается слезами.

И все-таки половину груза пришлось оставить, отобрали самое необходимое. Присели на дорожку по обычаю. И снова жена в слезы.

- Ну успокойся! Что еще?

- Тяжко дом оставлять, как ты не понимаешь... Может, обойдется? Неужели город сдадут?

- Да и не собираемся сдавать! - с жаром убеждаю,

- Тогда зачем уезжать? - набрасывается она на меня. - Жены Асташкина, Орлова, Пискунова не испугались, ты сам говорил, что они помогают оружейникам набивать патронами ленты. Чем я хуже, я тоже хочу помогать полку!

И я снова долго и терпеливо уговариваю ее, положив руку на плечо. Дескать, все правильно, была бы ты мне боевой помощницей и никуда бы не уезжала, но ведь о Викторе, о сыне нашем нужно подумать!

Валентина покорно соглашается, но снова и снова оттягивает время. Нет отца, ушел в свои мастерские, он остается с предприятием, но нужно же попрощаться... Может, последний раз видимся, - глаза моей Валентины снова наливаются слезами, и это становится нестерпимым.

Наконец, Коля Трегуб решительно произносит:

- Больше ждать нельзя!

- Да, да, - подхватываю я, - можем опоздать! Отец напишет...

Очутившись на Пушкинской, в бесконечном потоке машин, лошадей, тележек, обо всем говорим уже в прошедшем времени. Что было, чему радовались, того уж нет. Дома, цветы на клумбах, каштаны, платаны, бирюзовое море - все расплывалось, теряло свои конкретные очертания.

Подъезжаем к порту, и Мария испуганно восклицает:

- Боже! Сколько народу? Да разве сможет корабль всех вместить?

Да, действительно, город стал кочевым. Трудно протиснуться в этом потоке. Громыхают повозки, нагруженные скарбом, стреляют выхлопными трубами грузовики, кричат дети. Зной, пыль, запах гари. Грустным, укоризненным взглядом провожают нас стоящие вдоль дороги старухи. И мне кажется, что упрекают именно меня. И хочется крикнуть: я остаюсь и буду до последнего вздоха защищать город, защищать вас!

В порт мы все же успели вовремя. Однако, когда я стал наводить справки, оказалось, что теплоход "Ленин", на котором должна была отплывать моя семья, снялся с якоря полчаса тому назад. Я растерянно переступал с ноги на ногу, и дежурный стал объяснять, что "Ленин" ушел раньше, так как погрузка была закончена досрочно, а оставаться в порту небезопасно: фашистские самолеты не дают покоя.

Опоздавших комендант порта распорядился отправить на танкере "Ворошилов". Мы воспрянули духом: танкер уходит сегодня и приблизительно через час начнется посадка. Не успели спустить трап, как на берегу началось нечто невообразимое. Сотни людей с чемоданами и узлами, словно подгоняемые вихрем, ринулись через проходные ворота к пирсу. Вскоре,

однако, установился относительный порядок. Шаг за шагом продвигалась очередь. Но когда мы почти уже подошли к трапу, надрывно завыли сирены. Воздушная тревога! И все поспешили в укрытия. Мы спрятались за высокой каменной стеной. Самолеты появились со стороны города. Послышался свист летящих бомб, внезапно земля вздрогнула, к небу взметнулись оранжевые столбы. Когда утих грохот и немного посветлело, я увидел небо, густо усеянное хлопьями разрывов зенитных снарядов. "Юнкерсы" вразброд уходили в сторону Лузановки. Четыре наших "ястребка" наседали сверху, ведя по противнику интенсивный пушечный и пулеметный огонь.

Объявили отбой, и люди снова прихлынули к трапу. Наконец мы на палубе. Отыскали уголок между горами канатов и ящиков, сложили скарб. Можно немного отдышаться. Палубы, узкие коридорчики, корма буквально впритык заполнены людьми, Всеми овладело нетерпение: почему стоим, чего ждем, надо сниматься с якоря, ведь стервятники могут снова налететь... Разговоры о хлебе, воде, бомбежке.

Но вот переполненный корабль внезапно замирает и в наступившей тишине разносится:

- Провожающим оставить танкер!

Я прощаюсь, на душе пустота, ни грусти, ни отчаяния, какое-то отупение охватывает все мое существо. Боль придет там, на берегу.

Перегруженный, скрипящий и стонущий танкер медленно отходит.

Глава VIII.

Что такое героизм

Наши корабли, несмотря на грозную опасность, регулярно совершали рейсы Одесса - Большая земля и обратно. Теплоходы "Армения", "Грузия" увозили раненых, "Ташкент" подвозил войска, продовольствие, боеприпасы, оружие для осажденного города. Это были переходы, полные смертельного риска, но Родина требовала: "Моряк, чем можешь, помоги Одессе!"

Мы тревожились за судьбу близких и родных. Еще свежа была в нашей памяти трагедия "Кубани", следовавшей в Новороссийск с тремя тысячами женщин, стариков и детей на борту и разбитой в районе Евпатории. Издеваясь над беззащитными людьми, гитлеровцы долго кружили над мирным судном, сбрасывая бомбы и обстреливая корабль из пулеметов. На помощь пострадавшим пришли пароходы "Пестель" и "Чатыр-Даг" и подобрали оставшихся в живых. Буксир дотянул израненную "Кубань" в Севастополь.

После этого случая летчики должны были встречать и

сопровождать, сколько позволял запас горючего И-16, транспортные суда. Эти обязанности в основном выполняла первая эскадрилья Михаила Асташкина. Опытный, заслуженный воздушный боец Михаил Егорович пользовался авторитетом среди личного состава. В эскадрилье был налажен отличный порядок, и может быть, поэтому меньше было потерь, о чем не однажды напоминал нам на разборах командир полка. Однако на войне никто не застрахован от неожиданностей. Как-то возвратился Асташкин с задания - сопровождал тройкой корабли - и мы узнаем: наш неуязвимый Миша ранен в ногу. К счастью, кость не была задета, но летать ему пока запретили. Доктор Шаньков настаивал, что самое меньшее неделю Асташкин должен отлежаться.

Вернуться в строй пришлось досрочно: Виктор Климов, заместитель командира первой эскадрильи получил тяжелое ранение и был срочно отправлен в тыл, врачи опасались за его жизнь. Шестакову пришлось скрепя сердце уступить Асташкину.

Рана, правда, не зажила как следует, но капитан уже с небывалым подъемом готовился к вылету на боевое задание. Мы с Мишей Шиловым в то утро отдыхали после ночных полетов и после завтрака решили навестить старого друга. Идем полевой тропкой, навстречу техник Петр Романюк. Улыбается во всю ширь, завидя нас. Комедия, говорит, с нашим Егорычем.

- В чем дело? - спрашиваем.

- Да попросил он побрить ему голову. А я успел только до половины обработать, как тут тревога: вылетать на Дальник. Ну, комэск вырвался из моих рук, обтер полотенцем голову и был таков!

Романюк давился от хохота, рассказывая об этой комичной ситуации;

- Пошли, пошли, сами посмотрите, он скоро должен вернуться...

Прошло минут тридцать, и тройка Асташкина приземлилась.

Жаль, не было кинооператора запечатлеть для истории этот момент. Все, кто был на аэродроме, хохотали до слез. Вид у Михаила действительно вызывал улыбку: левая часть головы блестела, как полированная кастрюля, а на правой чернела пышная шевелюра. Но это еще не все. Правая нога Асташкина была обута в сапог, левая, забинтованная, красовалась в тапочке. А на груди комэска серебрился под солнцем орден Красного Знамени.

В окружении свиты капитан направился к землянке, где располагался штаб эскадрильи, чтобы доложить о выполнении задания.

Завидев Асташкина, комиссар не мог удержаться от смеха.

- Ну и ну, Михаил Егорович, - сказал Верховец, протягивая обе руки навстречу комэску и прижимая его к себе. - Комедия да и только! Воображаю, что сказали бы гитлеровские солдаты, увидев тебя такого: большевики-де посылают в бой летчиков, предварительно обрив им половину головы, и выдают один сапог!..

- Да-да, что-то вроде психической атаки! - ничуть не смутился Асташкин.

Верховец поздравил комэска с успешным выполнением боевого задания: Михаил сбил "Мессершмитта".

Фельдшер сменил ему повязку на ноге, и Асташкин попытался все-таки натянуть сапог. Лицо его покрылось испариной от боли, и он, махнув рукой, снова надел растоптанный шлепанец.

Закончился этот день печальным событием; в воздушном бою был ранен командир звена лейтенант Верянский. Крошечный осколок попал в глаз, кровь заливала лицо, но Верянский не вышел из боя, продолжая прикрывать командира. Приземлился он последним, с трудом выбрался из кабины, прижимая к глазу платок. И только тут техник поднял тревогу.

Лейтенанта отправили в госпиталь, однако все попытки врачей спасти глаз остались безуспешными. Уезжать на Большую землю он отказался, и, хотя знал, что летать уже не сможет, настоял на том, чтобы вернуться в родной полк. Его назначили адъютантом первой эскадрильи. Летчик, которому уже не летать, а только провожать тоскливым взглядом своих товарищей... Но Верянский не падал духом, шутил, подсмеивался над своим видом:

- Пират, вот я кто теперь... - на глазу он носил черную повязку.

А через несколько дней после ранения Верянского нас постигла новая беда: возвращаясь на базу после штурмовки в западном секторе обороны, первая эскадрилья была атакована из-за облаков "Мессершмиттами". Удар пришелся по Пискунову, который шел замыкающим. Машина загорелась и стала стремительно падать. Николай Алексеевич не выбросился с парашютом, очевидно, был тяжело ранен.

Так полк потерял замечательного воздушного бойца, комиссара первой эскадрильи.

Произошло это в полдень восьмого августа. А девятого в воздушном бою под хутором Карповка был сбит лейтенант Андрей Ольховский. На следующий день неподалеку от Дофиновки эскадрилья потеряла старшего лейтенанта Ивана

Семенова.

Потери не только тяжело отражались на моральном состоянии личного состава, они затрудняли выполнение задач, поставленных командованием оборонительного района. Пополнения не было, и летчикам приходилось нести двойную и тройную нагрузку. Особенно ощутимы были потери в нашей, четвертой эскадрилье. Хоть мы и числились ночниками, но летали и днем после ночных полетов. Единственная привилегия: командир разрешит поспать во второй половине дня. Просыпаешься после захода солнца, наскоро поешь и бегом в кабину самолета, пока не раздастся сигнал на вылет. Сидишь, прислушиваешься напряженно. Вот со стороны Днестра доносится характерный гул: завывает и словно захлебывается. Это "Хейнкель". А если легкий звон с переливами - то "Юнкерс". Прислушавшись, пытаюсь разгадать, куда направляется гитлеровский разбойник. Южный небосклон, откуда доносится монотонное завывание, вдруг озаряется яркими вспышками. Это противник навешивает "фонари". Они почти тотчас гаснут. Сразу после этого дружно ухают зенитки. Гул отдаляется и вскоре совсем замирает.

Техник Алексей Филиппов всю ночь дежурит на аэродроме. Выбравшись из кустов, где у него оборудована постель, он вглядывается в ту сторону, что и я, и говорит:

- Там капитан Елохин работает...

- Знаю, знаю!

Комэск в паре с лейтенантом Михаилом Тараканом ходил сейчас над городом, видимо, они и отогнали "Хейнкеля". Аггей Александрович - мастер ночного воздушного боя, у него необычайно остро развито ощущение пространства, он отлично ориентируется в темноте. Совсем недавно, патрулируя над Одессой в два часа ночи да еще и при низкой облачности, капитан сбил вражеский бомбардировщик. Самолет упал на городском кладбище. Мы горячо поздравляли комэска: это была первая победа ночью, Может, и сегодня нашему дорогому Аггею повезет?

По краям летного поля вспыхивают красные огоньки, показывая место посадки. И вскоре Филиппов торжественно сообщает:

- Пор-рядок, наши дома!

Мне положено взлетать, дежурство над городом установлено непрерывное. Жду сигнала. С юга доносится легкое жужжание, потом за леском вспыхивают прожектора, рассекая темное небо. В скрещении лучей мечется, словно хищник в капкане, "Хейнкель". Я взлетаю, набираю высоту. Прожектора погасли, осталось черное

небо, звезды - хоть руками греби... Но вот впереди и ниже описывают параболы трассирующие пули. Там передний край. Но мой участок здесь. Описываю круги, захватывая и пространство над морем. Противника нет, пустынное небо, тишина...

Приземлившись, гляжу на часы: три ноль-ноль. В голове шумит, днем отдохнуть не удалось. Теперь, кажется, смогу вздремнуть до утра. Филиппов намостил сухого сена, расстелил сверху плащ-палатку. Я кладу под голову куртку и с наслаждением вытягиваюсь. Алексей заботливо накрывает меня шинелью.

- Отдыхайте, товарищ старший лейтенант, я вам сейчас свежей водички принесу...

Но сон вдруг пропал. Переворачиваюсь с боку на бок, курю, вздыхаю. Тревожные мысли одолевают меня. Благополучно ли дошел переполненный танкер в Новороссийск?

В короткие минуты полудремоты мерещится мне бомбежка в порту, крики детей, грохот прибоя. Скорей бы получить хоть какие-нибудь известия...

Утром, выйдя из столовой, встречаю сержанта Николаева, писаря штаба. К нему обычно шли за новостями.

- Что слышно о танкере "Ворошилов"? - с ходу набрасываюсь на него.

- Понимаете, это пока не проверено... - начал он робко.

- Да не томи ты душу, говори! - сердце мое едва не выскочит из груди.

- Говорят, что под Севастополем пароход попал под бомбежку... Но точно ничего не известно, - торопливо добавляет он, заметив мое состояние.

Спешу к комиссару полка Николаю Андреевичу Верховцу, уж ему-то, наверное, доподлинно известно, что с танкером.

Но, оказывается, комиссар на боевом задании - под Визиркой штурмует вражеские танки. Ждать? Нет, я должен знать сейчас же! Кто еще может быть информирован?

На душе у меня по-прежнему неспокойно, и я хожу как неприкаянный. В таком состоянии меня находит Аггей Елохин.

- Будешь тут мрачным, - сердито отвечаю ему на вопрос, что со мной. - А никто ничего определенного сказать не может...

- Терпение, терпение, дружище! - успокаивает он меня. - На войне, конечно, всякое может случиться, но надо надеяться на лучшее, паниковать не следует!

Эти добрые слова оборачиваются в моей душе черным подозрением: утешает - значит, готовит к худшему, что-то знает...

- С какой стати ты меня подбадриваешь, Аггей Александрович, говори уж прямо!

- А это моя обязанность, - отвечает, - поддерживать высокое морально-политическое состояние личного состава. Возьми себя в руки! Расклеился совершенно, а если сейчас на задание вылетать?

Надо бы отдохнуть перед ночным патрулированием. Направляемся к своим "сеновалам" в лесопосадке. Навстречу нам бежит запыхавшийся техник Николай Лысенко.

- Алексей Тихонович, - обращается он ко мне, - вас там разыскивают...

От посадки по тропинке нам навстречу идут двое мужчин. Гости представились: корреспондент армейской газеты "За Родину" капитан Феодосии Саввич Ревенко и редактор областной газеты "Большевистское знамя" Василий Иванович Беримец. Неожиданный визит журналистов не особенно радует. Делать, однако, нечего, будем беседовать.

Располагаемся под крылом самолета на брезенте, отвечаем на вопросы. Журналисты буквально продыху не дают, оба готовят срочно статьи о ночных воздушных боях.

Капитан Ревенко, оказывается, уже побывал на месте падения "Хейнкеля", сбитого Елохиным ночью во время патрулирования над городом. Он также разговаривал с теми, кто наблюдал этот поединок с земли. Теперь его интересовали ощущения самого летчика, психология, детали.

- Видите ли, - подмигнув мне, начал Елохин. - Ночной бой - дело темное... Я даже затрудняюсь вам сказать, кто именно сбил самолет противника. Правильно было бы разделить победу пополам - половина лейтенанту Ивану Королеву, а половина мне. Ведь мы оба вели огонь, - уже серьезно закончил Аггей,

Но собкор, кажется, и не обратил внимания на иронический тон капитана, рука его торопливо бегала по блокноту.

Закончив писать, капитан Ревенко обратился ко мне:

- А что вы можете сказать относительно специфики ведения ночного боя?

- Вот-вот, - снова насмешливо подхватил Елохин. - Старший лейтенант у нас считается профессором по этой части. Он вам сейчас изложит теорию, практику и специфику.

Ревенко строго взглянул на него.

- Да вы не обижайтесь, товарищ журналист! Не привыкли мы под ваш "обстрел" попадать! Какие мы герои? Просто выполняем свой долг. Ночью - так ночью, днем - так днем... - Он задумался, устремив взгляд на темнеющий в стороне лес. А когда заговорил, в глазах его снова прыгали смешинки:

- У нас к вам просьба: придерживайтесь точных уставных формулировок, когда пишете об авиации. А то один ваш коллега, забыл его фамилию, написал однажды: "Он взял ручку на себя, и

"ястребок" стремительно понесся к земле". Смешно, ей-богу! Да если ручку потянуть на себя, так самолет небо пронзит! Это, по-моему, известно каждому школьнику...

Редактор газеты смущенно пробормотал:

- М-да, случается еще с нашим братом...

- И вот еще что... - Елохин посерьезнел, - поменьше громких слов: героизм, героический подвиг и всякое такое. Обыкновенная работа. Вы пишете статьи, мы сбиваем вражеские самолеты. Каждый выполняет свой долг. А на войне все подвергаются опасности. Я бы, например, не о героизме писал, а скорее - о мастерстве. Оно и в бою помогает разить врага, и от опасности спасает. Вот я расскажу такой случай...

Ревенко с благодарностью посмотрел на него и, умостившись поудобнее, приготовился записывать,

- Большая группа наших истребителей, - начал между тем комэск, вылетела на штурмовку переднего края. Иван Павлович Маковенко, комиссар второй эскадрильи, тоже был в составе этой группы, но взлетел последним: с машиной у него были какие-то неполадки, и техники самую малость задержали с ремонтом. Догоняя своих, Иван Павлович заметил идущую параллельным курсом четверку истребителей. Сначала он принял их за своих, но внимательно присмотревшись, обнаружил, что это "Мессершмитты". И они заметили Маковенко и решили расправиться с одиноким "ястребком". Комиссар не стал уклоняться от боя, он понимал, что, отвлекая на себя "мессеров", таким образом дает группе возможность выполнить основную задачу. В неравном бою ему, конечно, пришлось нелегко: он сбил одного фашиста, но и сам был тяжело ранен, с большим трудом дотянул все же машину до своей территории и благополучно посадил. Позже стало известно, что комиссар остался жив благодаря портсигару: пуля ударилась о него, изменила направление. Однако рана оказалась настолько серьезная, что комиссара отправили на Большую землю. После он получил назначение в другую часть. Вы скажете - героизм? - обратился Елохин к журналистам, - Да, конечно, нужно быть не робкого десятка, чтобы принять бой с превосходящими силами противника. Но что толку сразу подставить себя под удар, погибнуть, не принеся пользы? Значит, храбрость храбростью, а победили все же трезвый расчет, мастерство Маковенко, - закончил Аггей Александрович.

Журналисты и сами рассказали нам немало интересных новостей. Например, о том, что колхозник Цебренко из Коминтерновского района отправил четырех сыновей защищать Одессу и сам ушел в ополчение. И этот случай был не

единственным. Весь народ, охваченный единым патриотическим порывом, встал на защиту своего Отечества.

Держал нас в курсе всех событий комсорг полка Алибек Ваниев. Этого общительного и остроумного осетина любили все. Где бы ни появлялся Алибек, там всегда - даже в дождливый или туманный день - появлялось солнце. Он олицетворял собой все молодое, жизнерадостное, всегда в трудную минуту оказывался рядом. Меня он поддержал в часы горестных раздумий о судьбе семьи,

Ваниев поистине был вездесущим: проводил комсомольские собрания в полку и эскадрильях, выступал на них с докладами, сообщал сводки Совинформбюро, доставлял почту в эскадрильи, следил за своевременным выпуском стенных газет и боевых листков. В мирное время Алибек собирался стать сельским учителем. Но его мечте не суждено было осуществиться. Началась война, и пришлось парнишке надеть военную форму. Придя в авиационный полк, комсорг начал изучать боевую технику: ведь без специальных знаний какой ты вожак!

Ваниева везде видели с блокнотом. Он вел записи на разборах полетов. Когда техники готовили самолеты - он всегда оказывался рядом, расспрашивал, что к чему. Потом, если случались неполадки с машиной и молодого механика критиковали на комсомольском собрании, Ваниев, что называется, был в курсе дела.

Как-то раз, возвратившись с боевого задания, мы увидели старшину Ваниева с пачкой газет. Он стоял возле штабной землянки, накрытой свежими ветками, и что-то горячо доказывал старшему политруку Кунице. Мы с Алелюхиным подошли к ним, и Семен Андреевич поинтересовался, свободны ли наши техники и механики.

- После пяти вечера у них будет отдыха часика полтора... А что? поинтересовался я,

- Тогда, значит, соберемся в половине шестого, - сказал Куница, - все, кто свободен от полетов. Почитаем статью, опубликованную в "Правде".

Статья рассказывала о подвиге командира эскадрильи бомбардировщиков капитана Николая Гастелло. Эскадрилья громила танковую колонну фашистов по дороге Молодечно - Радошковичи. Снарядом зенитки был поврежден бензиновый бак головной машины, и ее командир капитан Гастелло направил охваченный пламенем самолет в гущу вражеских танков, бензоцистерн и автомашин...

Очерк читал Ваниев. Низкий, хрипловатый голос Алибека выдавал его волнение. И мы слушали, затаив дыхание. Скорбь о

трагически погибшем товарище и восхищение его героическим поступком переполняли наши сердца.

Газета с очерком потом была вывешена на специальном щите, и возле него долго толпились летчики, механики, мотористы...

День ото дня все более ожесточенными становились бои. Храбро сражались мои товарищи: они шли в лобовую, дрались с превосходящими силами противника, сквозь плотную завесу зенитного огня пикировали на батареи, заставляя их замолчать. И умирали. Велики были потери первой эскадрильи. Вторая тоже таяла с каждым днем. Были серьезно ранены в бою и отправлены в тыл Виктор Шелемин, Василий Мистюк, Петр Фролов. Николая Голубева, севшего на вынужденную во время штурмовки переправы возле Дубоссар, спасли наши пехотинцы, но у него оказалась переломанной нога. Его тоже отправили в тыл.

Командир второй эскадрильи Юрий Рыкачев (вскоре его назначили заместителем командира полка) повел шестерку на сопровождение бомбардировщиков МБР-2. На обратном пути они были атакованы "мессерами". Завязался бой. Один фашистский пират был сбит, но и наши понесли потерю: был тяжело ранен лейтенант Иконников. Чудом дотянул летчик свою машину до аэродрома, однако силы его покинули. "Ястребок" на глазах у всех врезался в землю.

Вечером состоялся митинг. Прощальные речи, клятва отомстить врагу за гибель товарища, троекратный салют из винтовок...

А на следующий день, задолго до восхода солнца вылетаем на задание. Группу ведет командир полка Шестаков. Мы полны решимости отомстить и за Сашу Иконникова, и за комиссара эскадрильи Николая Пискунова, за всех погибших.

В районе села Каторжино мы встретили двенадцать "Юнкерсов", следующих курсом на Одессу. Всей девяткой набросились на врага, нарушили строй, а затем начали расправляться с каждым в отдельности. Один за другим падали охваченные огнем бомбовозы. Девять факелов горели на земле. Это была расплата!

Возвращались домой победителями. На аэродроме царило настоящее ликование. Все поздравляли нас. Шестакова встречали пропагандист полка Борис Главацкий, парторг Константин Пирогов, комиссар Верховец. С переднего края уже успели позвонить в штаб оборонительного района о результатах воздушного боя над селом Каторжино, оттуда сообщили в штаб полка. Наше внимание привлек плакат, вывешенный на здании: "Бить врага по-шестаковски!" Лев Львович смущенно почесал затылок:

- Почему "по-шестаковски"? Не я же один сбивал... Нас было девять и уничтожили девять "Юнкерсов". Значит, каждому по ореху.

Глава IX.

Пополнение

Соотношение сил и средств под Одессой сложилось далеко не в пользу наших войск. Враг обладал шестикратным превосходством в людском составе и пятикратным - в артиллерии. Если противник имел здесь 100 самолетов и 100 танков, то в распоряжении защитников города было лишь 30 самолетов и ни одного технически исправного танка. Поэтому фашистское командование самонадеянно верило в то, что Одессу удастся захватить с ходу.

Но советские войска неизмеримо превосходили противника в морально-политическом отношении. Глубокое сознание правоты нашего дела, безграничная любовь к социалистической Родине и священная ненависть к врагу заряжали воинов неистощимой силой и энергией, отвагой и самоотверженностью, воодушевляли на массовый героизм.

Одесса встала на пути врага грозной, неприступной крепостью. Свыше ста тысяч человек работали на строительстве оборонительных сооружений. Вокруг города были созданы три пояса обороны, возведены баррикады, построены противотанковые препятствия. Большую помощь защитникам города оказывала и бомбардировочная авиация Черноморского флота. Летчиков-черноморцев мы часто встречали в море и сопровождали до цели. Многих знали лично - Майорова, Цурцумия, Акуратова, Гнедого, Бондаренко.

В один из жарких дней августа на нашем аэродроме приземлились два И-16. Мы решили, что прибыло долгожданное пополнение. Оказалось, что ребята прилетели с запада. Мы взялись за головы: как же так, ведь там оккупанты!

Летчики загадочно улыбались. Вскоре, однако, все разъяснилось: перед бомбардировщиками стояла задача не только оказывать поддержку защитникам Одессы, но и громить объекты в тылу врага. Ночные полеты исключались, выйти точно на цель с помощью тогдашнего навигационного оборудования было делом чрезвычайно трудным, а днем, опять-таки, вражеские истребители мешают. Как тут быть?

Черноморцы нашли выход: они подвешивали под плоскостями тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 по истребителю И-16 и шли на задание в глубокий тыл врага. На подходе к цели "ястребки" отделялись и действовали в зависимости от обстановки. Основная же задача состояла в том, чтобы

прикрывать свою "матку". Возвращались бомбовозы в Крым уже самостоятельно, а истребители садились для дозаправки в Одессе. Горючего до Крыма у них не хватало.

Наши ребята острили:

- Гляди, как приспособились! Вроде кенгурят, которых мамаша носит под брюхом... Не продувает, не сквозит?

- Уютно и тепло, как у бога за пазухой! - смеялись в ответ черноморцы.

Вскоре они улетели. Мы с надеждой глядели им вслед. Оттуда, с Крымского полуострова, давно уже ждали подкрепления, но его все не было. А наши ряды редели. После гибели Саши Иконникова и комиссара первой эскадрильи Николая Пискунова мы потеряли Петра Гуманенко, Бориса Зотова. Не вернулся с задания лейтенант Николай Хомяков. Пропал без вести Александр Федотов, Позже стало известно, что он остался жив, был схвачен фашистами. Несколько раз бежал, но все неудачно. Из концлагеря его освободила Красная Армия в 1944 году. Сейчас Александр Григорьевич работает в системе Аэрофлота.

С утра на задания ходила вторая и четвертая эскадрильи. Теперь пришла очередь лететь первой. Над черноморской степью нещадно палило солнце, слабый ветер с моря едва шевелил ветви деревьев, не уменьшая зноя...

Михаил Асташкин повел четверку на Беляевку. Туда мы наведывались довольно часто: за водокачку, снабжающую Одессу водой, шли тяжелые бои. Сейчас этот поселок, расположенный в сорока километрах от города, находился в руках противника, разведка доносила о крупных передвижениях войск в районе Беляевки. И первой эскадрилье предстояло нанести по ним мощный удар.

Задание было выполнено, но Асташкин с трудом привел своих ребят. Машины были изрешечены пулями и осколками. Там настоящее пекло, рассказывал комэск, вырвались каким-то чудом...

Попала в переплет и наша четвертая, ночная. Вылетели на Раздельную штурмовать войска противника. Над объектом сделали первый заход, набираем высоту.

И тут из облаков вывалились одиннадцать истребителей. Елохин и Куница сработали мгновенно: атаковали по одному. Я увидел, как два факела стремительно понеслись к земле и упали почти рядом, застилая степь дымом.

Но почти тотчас в бой ввязалась подоспевшая шестерка "мессеров". Теперь нашей восьмерке пришлось драться с пятнадцатью самолетами противника. Но отступать, как

говорится, некуда. Мы начали изматывать фашистов на виражах и вертикалях, оттягивая бой на свою территорию и не забывая прикрывать друг друга. Храбро сражались Алексей Алелюхин, Алексей Маланов, Иван Королев. Защищая ведущего, Королев меткой очередью сбил врага. Тот пытался пикированием погасить пламя, но не рассчитал и врезался в землю.

И все-таки количественный перевес давал о себе знать. Два "мессера" насели на лейтенанта Ивана Засалкина, зашли ему в хвост. И вот тут Иван, смелый и находчивый летчик, допустил ту самую ошибку, на которую когда-то указывал мне Шестаков. Он резко взял ручку на себя, свалился в штопор. С большим трудом выровнял машину, но при выходе из пикирования попал под огонь противника и был сбит.

В этом неравном бою и мне пришлось круто, и был момент, когда небо с овчинку показалось... Прошло уже много лет, а эта картина стоит у меня перед глазами. Преследую "мессера", он делает переворот, проваливается далеко вниз, потом резко выводит машину и идет на вертикаль. Я тем временем выбираю момент для атаки, а он увеличивает угол, пошел свечой, берет меня на прицел. Ну, думаю, так долго не протянешь, свалишься, ухлопают тебя, как куропатку. Но, видимо, летчик оказался опытный, ухитрился с большой дистанции дать по мне очередь. Слышу оглушающий треск - и вот уже кабина наполняется удушливыми парами, горючее потекло на ноги: снаряд пробил бензобак.

Открываю "фонарь" и выхожу из боя. К счастью, высота есть, и я планирую в сторону своего аэродрома. Такая досада, оказаться в глупом, беспомощном положении. Бывает, конечно! Теперь уж хотя бы дотянуть любой ценой, добраться, спасти машину...

И тут вижу - за мной увязались двое, как видно, учуяли легкую добычу. Жму на всю железку, но не отстают пираты, кажется, крышка тебе, Алексей...

Моим ангелом-хранителем оказался Алелюхин. Словно орел из поднебесья, налетел он на моих преследователей. Одного сбил с первой очереди, второй поспешил ретироваться. Я смог благополучно дотащиться до своего аэродрома.

Кстати сказать, Алексей Васильевич Алелюхин, ставший впоследствии дважды Героем Советского Союза, генералом, в дни обороны Одессы проявил себя бесстрашным бойцом, не однажды выручал из беды товарищей, вступая в единоборство с превосходящими силами противника.

Так вот, значит, повезло мне, посадил я своего тяжело раненного "ишака", а вот выйти из машины уже не было сил. Ребята вытащили меня из кабины, стянули напитавшуюся

бензином одежду. Я с наслаждением вдыхаю свежий воздух, а ребята ощупывают меня всего: не ранен ли.

- Пор-рядочек! - произносит свое любимое словцо улыбающийся Филиппов. Всадник жив, кости целы, а лошадку подлатаем - и хоть завтра в бой.

- Что-то ты уж очень веселый, как я погляжу... - говорю ему, все еще наслаждаясь острым счастьем миновавшей опасности.

- А у нас почти что праздник! - отвечает Алексей Филиппов, живо поблескивая глазами.

Вижу: у ребят настроение приподнятое, ухмыляются довольные. Значит, приятные новости все же есть. Какие?

И вдруг замечаю: вдоль посадки стоят замаскированные ветками "ястребки". Пополнение! Ну, так тут мало улыбаться, надо "ура" кричать!

Быстро привожу себя в порядок и бегом на поляну, где собираются летчики. Долго же мы ждали этой счастливой минуты! Майор Шестаков представляет командира эскадрильи черноморцев, прибывших из Крыма нам на помощь. Капитан Федор Иванович Демченко, его заместитель Василий Николаевич Вальцефер, комиссар Валентин Петрович Маралин.

Жмем друг другу руки. Демченко представляет всех своих подчиненных: Серафим Лузиков, Григорий Бакунин, Иван Беришвили, Владимир Мирончук, Михаил Дмитрусенко, Дмитрий Мягков, Петр Николашин, Хайдула Ченкунов, Виктор Шевченко, Иван Яковенко... На левом фланге - молодые, как на подбор, парни, штурмовики, летавшие на самолетах Ил-2, тогда еще только поступивших на вооружение: Кутейников, Суслин, Аленицкий, Давыдов.

Ребята что надо: ладные, в отлично пригнанной форме летчиков морской авиации. Просто невольно завидно становится и с сожалением думаешь: "Такими бравыми молодцами и мы выглядели недавно. Война стерла с нас парадный лоск. Спим под кустами, на промасленном брезенте, бреемся раз в три дня, да и то кое-как, бывает, что и есть приходится на ходу... Эх, да что говорить, запарились мы тут, может, теперь облегчение почувствуем".

Такие мысли проносятся в моей голове, когда меня окликает Елохин. Рядом с ним смуглый лейтенант, настоящий щеголь, с аккуратно подстриженными усиками, протягивает мне руку:

- Лейтенант Беришвили!

- Очень приятно, - отвечаю я, - а зовут вас как, лейтенант?

- Очень даже по-русски - Иван.

Откуда ни возьмись, в разговор врывается Серогодский:

- Это тебя, друг, Иваном зовут? Из Костромы или из

Вологды? - хитро улыбается он.

- Нет, я из Тбилиси.

- Тогда, значит, ты Вано, - назидательно говорит Серогодский, - но мы согласны и Иваном величать.

- Я слышал, что Тбилиси - красивый город, - говорит Елохин.

Серогодский снова взвихрился:

- Может, и красивый, но не лучше моей Костромы... Ах, Кострома! - он мечтательно прикрывает веки. - Какая нетронутая природа вокруг! Сосновые леса, а в них грибы! А животных сколько: медведи, дикие кабаны, лоси!..

- А слоны у вас, случайно, не водятся? - ехидно ввертывает Шилов.

- Бывают, - не растерялся Серогодский, - в цирке! Беришвили во время этой перепалки курил папиросу, посмеиваясь в усики.

- Всем известно, что самый красивый город Одесса! - торжественно провозгласил он, бросая окурок в бочку с песком, - но... дорогие друзья, приезжайте после войны в мой родной Тбилиси, и вы сами признаете, что равных ему нет на свете. Самый лучший в мире проспект - имени Руставели, самый лучший театр - имени Палиашвили...

Знакомство наше впоследствии переросло в крепкую боевую дружбу. Русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, молдаване, башкиры - все мы были братьями единой семьи, сражались за Родину-мать, приближая победу. Только жаль, не все дожили до нее. Василию Серогодскому не пришлось поехать в гости к другу в Тбилиси. Он погиб под Сталинградом, а Иван Беришвили так и не увидал прекрасных костромских лесов, он отдал жизнь в боях за Одессу...

Летчики-черноморцы, быстро освоившись с обстановкой, начали готовиться к боям. В эскадрилье царила строжайшая дисциплина. Не услышишь грубого окрика, пренебрежительно-повелительного тона или ругательства. Одним словом - морская школа. Комиссар эскадрильи черноморцев Валентин Петрович Маралин чем-то напоминал нашего Семена Андреевича Куницу. Такой же подтянутый, аккуратный, внимательный и чуткий к подчиненным.

Черноморцы на второй же день начали облет района боевых действий. Но перед тем Шестаков распорядился, чтобы моряки понаблюдали за взлетом и посадкой тройки наших истребителей, которых поведет на разведку сам командир полка.

Полет начался, как обычно. Тройка дружно поднялась в воздух и, набирая высоту, ушла на запад. Мы вернулись к своим обычным занятиям - кому отдыхать, кому готовиться к вылету.

Прошло некоторое время, и кто-то воскликнул:

- Возвращаются!

Все разом повернули головы на запад и увидели низко идущих над лесом "ястребков": их возвращалось двое...

Молча стояли мы, полные самых тревожных предчувствий, ожидая, пока они приземлятся, когда с вышки донесся голос наблюдателя:

- Третий, третий летит!

Третий не летел, он почти падал, резко идя на снижение. За ним тащился хвост черного дыма. Все, кто наблюдал за этой посадкой, замерли: казалось, что через секунду самолет вспыхнет и раздастся оглушительный взрыв.

Но пламени не было видно. "Ишак" плюхнулся в траву и покатился, переваливаясь с крыла на крыло. На ходу из дымящейся машины вывалился летчик - лейтенант Педько. Одежда на нем горела. Мы все бросились ему на помощь. С Григория быстро стащили куртку, сапоги, гимнастерку. И вот он стоял босой, в одних трусах и майке. Больно было смотреть на обгоревшую шевелюру, покрытые багровыми волдырями руки, Педько с жадностью выпил поданную кем-то кружку воды, выливая остатки на голову. Врач Шаньков уже суетился возле него, оказывая первую помощь. Гриша, не то усмехаясь бледными губами, не то кривясь от боли, бормотал:

- Черт побери, малость перетрусил... Обидно ж погибнуть ни за понюх табаку, а сгореть заживо, да еще и у себя дома, и вовсе глупо...

Пострадавшего увезли в санитарную часть.

Подробности полета мы узнали от капитана Асташкина, летавшего с этой тройкой. Разведчики встретили на маршруте восемь истребителей "мессершмитт-109". Избежать боя не удалось. Но трое против восьми...

Какое-то время звено "ястребков" оборонялось, но потом, овладев ситуацией, стало наступать. Два вражеских истребителя были сбиты. Победа воодушевила нашу тройку, и она решила повторить атаку. Но тут оказалось, что машина командира полка получила повреждение, и майор приказал выходить из боя. Не тут-то было! Противник решил взять реванш. "Мессеры" набросились на Асташкина, и ему на помощь поспешил Педько. Товарища он спас, но сам пострадал.

Для майора Шестакова этот бой послужил хорошим уроком. Он пришел к выводу, что боевая единица - звено из трех истребителей - изживает себя, ее следует менять. Надо переходить к паре, к звену из четырех самолетов. Жизнь подтвердила правильность этих выводов.

Глава X.

Под акациями

Эпизод с Шестаковым и двумя его ведомыми послужил поводом для серьезного разговора на разборе полетов. Командир полка крепко отчитывал летчиков за их ошибки. Но и свои просчеты проанализировал самокритично. Черноморцам Лев Львович обстоятельно рассказывал об опыте полка, не скрывая досадных накладок. Были, конечно, отмечены и положительные стороны. Поступок лейтенанта Педько говорил о том, что летчики усвоили главное правило в бою: сам погибай, но товарища выручай.

Вскоре после этого капитан Демченко повел свое звено 8 разведку. Ведомыми взял Серафима Лузикова и Владимира Мирончука. Задачей воздушных разведчиков было засечь расположение артиллерийских позиций, направление передвижения вражеских войск, обнаружить зенитные установки и наблюдательные посты. Разведка прошла успешно. Возвращаясь, тройка обстреляла колонну автомашин и подожгла бензоцистерну.

Командир полка остался доволен результатами. Когда он доложил в штаб оборонительного района о только что полученных разведданных, оттуда услышал голоса одобрения:

- Аи да хлопцы, это как раз то, что нам нужно! Шестаков объявил благодарность капитану Демченко:

- Действуй и дальше в таком же духе! А еще утверждают, что первый блин комом... Выходит, не всегда пословица правду говорит!

Федор Иванович молча кивнул головой. Говорил он мало, восторгался еще меньше. И вообще, с виду капитан казался угрюмым и даже неприветливым. Но тот, кто долгое время знал его, начисто отверг бы такое мнение. В серых глазах Федора Ивановича, спрятанных под густыми рыжими бровями, всегда светилась доброта. Летчики знали его как замечательного воспитателя, чуткого и доброго командира. Да, он был строг и требователен и в то же время благорасположен к подчиненному. Подобно Шестакову, Демченко строго взыскивал с нарушителей летной дисциплины.

Как-то в разгар тяжелых боев за город пара летчиков-черноморцев вылетела на разведку дорог, ведущих к Беляевке. Выполнив задание, летчики на обратном маршруте заметили двух кавалеристов, следующих вдоль посадки, и стали гоняться за ними, обстреливая из пулеметов короткими очередями. В этот момент в воздухе появились вражеские "охотники". Нашим ребятам пришлось удирать; горючее было на исходе.

Федор Иванович Демченко строго поговорил с "партизанами",

ведущий на несколько дней был отстранен от боевых вылетов, а это самое строгое наказание у авиаторов. Но, зная честность парня и учитывая его искреннее раскаяние, Демченко не стал ходатайствовать о разжаловании офицера. Летчик потом сам сделал правильные выводы. Однако этот случай послужил еще одним напоминанием, что война не терпит лихачества, которое, как правило, заканчивается печально.

Заместитель Федора Ивановича капитан Василий Вальцефер был под стать своему командиру - строгий, требовательный и внимательный к подчиненным. Опытный летчик, он в бою показывал образцы хладнокровия и выдержки, что не раз отмечал на разборах Шестаков.

Гордостью моряков являлась четверка "илов". Эти грозные "воздушные танки" наводили страх и ужас в стане противника. Лейтенант Николай Кутейников, командир звена "Илюшиных", водил свою четверку на самые трудные участки фронта, выполнял наиболее сложные задания, причем его изобретательность не знала границ. Он придумал, например, подвешивать на тросе крюк, с помощью которого разрушал связь противника, валил столбы, наблюдательные вышки. "Илюшины" ходили на малых высотах, огнем пушек и пулеметов уничтожали колонны автомашин, обозы, артиллерийские упряжки. Был случай, когда в пере с Михаилом Аленицким Кутейников рассеял вражеский кавалерийский полк, двигавшийся к линии фронта.

На задание штурмовики летали и самостоятельно, и вместе с "ястребками", Без прикрытия им приходилось нелегко. Враг обрушивал на "илы" бешеный огонь из всех видов оружия, но наши ребята были неуязвимы и счастливо выходили из самых сложных ситуаций. В черноморской эскадрилье было два десятка новеньких "ишаков", четверка могучих "илов". Шутка ли! И хотя по-прежнему летать приходилось каждому по пять-шесть раз в день, сознание того факта, что нас стало больше, удесятеряло силы.

Разместили черноморцев неподалеку от глазного аэродрома, вблизи полезащитной лесополосы. В течение дня солдаты вырыли землянки, оборудовали КП, провели от штаба полка телефон.

С восхода солнца и до заката над степью, опоясанной редкими лесками, стоит неумолчный рокот моторов. Взлетают и садятся самолеты, не утихает деловая суета в штабах. Но вот спадает зной, подует с моря прохлада, и начинается иная жизнь. Летчики устраиваются где-нибудь в укромном месте покурить, поделиться наиболее яркими впечатлениями минувшего дня, спеть под гитару, вспомнить доброе старое время... Есть среди нас свои весельчаки и острословы, есть песенники, музыканты,

танцоры, любители ошеломить самым что ни на есть свежим анекдотом, который всегда оказывается "с бородой". Оживленный говор, шутки, взрывы смеха! Так дороги редкие минуты отдыха! И как обойтись без шутки, меткого словца человеку, которому двадцать или немногим больше...

В такие минуты всегда собираются вместе все свободные от полетов. А где же Михаил Шилов? С таким вопросом ко мне обращается Беришвили. Я и сам не знаю, куда запропастился мой друг. Мы вместе возвратились из полета, ужинали, чистили сапоги, собираясь на "вечорницы", как называют на Украине веселые сходки. И вдруг Миша как сквозь землю провалился.

Возвращаюсь в общежитие, койка Шилова пуста. Начинаю тревожиться не на шутку. Дневальный, хитро щурясь, успокаивает меня:

- Жив-здоров ваш друг...

Увиделись мы только утром. У проходной ко мне подошла девушка, почти подросток - в лице детская припухлость, косички-хвостики - спрашивает, не знаю ли я, где Миша. Я и не сразу сообразил, о ком речь, у нас Михаилов добрый десяток наберется: Асташкин, Саркин, Тараканов, Стешко...

- Шилов. - тихо произносит девушка и краснеет до корней волос. Потом поднимает на меня открытый, доверчивый взгляд и говорит:

- Я - Светлана, разве вы меня не помните? Выясняется, что мы знакомы. За несколько дней до начала войны Алибек Ваниев организовал коллективный поход в оперный театр. Шла "Кармен". Во время антракта Миша познакомил меня со своей девушкой. Сейчас мне казалось, что с тех пор прошло по меньшей мере три года. Светлана стала какой-то другой: худенькая, под глазами синие круги, с виду ей нельзя дать больше шестнадцати лет. Беспокойно теребит в руках платочек, просит разыскать Шилова. Он ей нужен по какому-то срочному делу. Пока я сообразил, в каком же направлении идти разыскивать Михаила, вижу, перепрыгивая через траншеи, бежит мой Шилов, на ходу пилотку поправляет.

- Вот он, - говорю, - ваш Печорин, - а на Шилова с упреками набросился, где пропадал столько времени. Но вижу, ему не до меня. И я поспешил ретироваться.

С Шиловым приключилась тогда неприятная история, и причиной тому была Светлана. Он из-за нее опоздал к сбору. Правда, командир полка сделал вид, что не заметил того проступка.

Перед самым взлетом в самолете Михаила была обнаружена техническая неисправность. Вот и получилось, что мы уже

набирали высоту, а Шилов только оторвал машину от земли. Старался он изо всех сил, выжимал из "ишака", как говорится, последний дух. Все-таки догнал группу, пристроился и наравне со всеми участвовал в штурмовке.

Летали мы вместе в тот день, и во второй, и в третий раз, вечером к морякам не пошли: надо было отдохнуть перед ночными полетами. А Шилов вместо этого незаметно ушел из расположения части, ушел, никого не предупредив. Шестаков, по обычной своей привычке проверяя, отдыхает ли четвертая эскадрилья, обнаружил пустую кровать. Еще не успел майор что-либо предпринять, как техник Мина Подгорецкий - он обслуживал машину Шилова, кинулся на поиски своего командира. По дороге и мне успел шепнуть, мол, неприятности ожидаются. Я сразу побежал на поляну, где всегда вечера самодеятельности у нас проходили, - нет. А уж после этого сообразил, где его разыскивать. За трамвайной линией, в неглубокой впадинке, росла ветвистая акация. Под ней в свое время комендант городка соорудил несколько скамеек, место вокруг расчистил, песочком посыпал. Здесь летчики встречались со своими девушками, с родными.

Я еще и дойти туда не успел, как Шилов мне навстречу.

- Да знаешь ли ты, что тебя вот уже полчаса разыскивают?! Ну, задаст тебе майор по первое число!

Шилов молча шагал рядом со мной, пока я не выговорился, а потом тихо произнес:

- Не шуми, ишь, раскипятился, как самовар... Светка моя пришла, пятнадцать километров протопала от города. Думаешь, легко мне было оставить девчонку? Она родителей потеряла, одна осталась. Теперь я у нее надежа и опора... - он помолчал. - А что, сильно злится наш Лев?

- И не спрашивай! Ты уж придумай какую-нибудь уважительную причину, посоветовал я.

- Ничего не стану придумывать! Как было, так и доложу. Куда уж уважительнее... Надо подумать, как со Светкой быть, куда пристроить...

Подошли к землянке. Остановившись в трех шагах от Шестакова, лейтенант Шилов вскинул правую руку к виску. Майор оборвал его на полуслове.

- Вижу, что явился, - сказал он тоном, не предвещавшим ничего хорошего. - То, что ты нарушаешь дисциплину, это одно, а вот почему ты сегодня в хвосте тянулся, когда Елохин водил группу на штурмовку под Свердлове?

- В самолете обнаружилась неисправность, товарищ майор! - отчеканил Шилов.

- И конечно же, обнаруживается перед самым вылетом! Черт знает, что творится! - возмущался майор. - За такое разгильдяйство Подгорецкого придется наказать. Но и ты хорош! Летчик не имеет права отлучаться от своего самолета дальше, чем на сто метров. Мы тут спим, тут отдыхаем, отсюда уходим в небо, чтобы защищать свою страну. А ты... Ваше воспитание, товарищ капитан! - с укоризной кивнул в сторону капитана Елохина. - И ваше тоже, товарищ старший политрук!

Комэск и комиссар попытались вступиться за Шилова, дескать, никакого серьезного проступка Михаил не совершил, но Шестаков был резок и беспощаден, обвинил командира и комиссара в снижении требовательности к подчиненным.

Постепенно он остыл, попросил у Елохина папиросу, прикурил от зажигалки. Михаил все еще стоял по стойке "смирно", ожидая решения своей участи.

- Товарищ майор, - обратился к Шестакову Куница, - разрешите все же Шилову объяснить причину отсутствия... Я так полагаю, что он все-таки не заслужил такого разноса, И вообще следует учесть, что четвертая эскадрилья несет на своих плечах двойную нагрузку.

- Ладно, ладно, - отрезал Шестаков, но уже мирным тоном, - наговорил! Что ж теперь - молиться на него? Я все же считаю, что Шилова следует отстранить от полетов на три дня. Пусть проштудирует уставы, наставление по производству полетов. Зачеты примет начальник штаба. А потом уже решим, что с ним делать. Может, оставим в полку или переведем на другую должность. Помощником интенданта, например... Пойдешь помощником интенданта? - спросил он Шилова, не скрывая улыбки. - Ну рассказывай, что за личная история... Может, нужно чем-нибудь помочь твоей девушке?

Наказание Шилову было смягчено, не летал он всего два дня, на третий ушел в разведку с Малановым и Алелюхиным.

Глава XI.

Чрезвычайное происшествие

С тех пор, как враг окружил Одессу с трех сторон, порт стал главной артерией, связывающей город с Большой землей. Отсюда шло пополнение войсками, снабжение оружием, боеприпасами, продовольствием. Отсюда вывозили раненых, эвакуировали гражданское население. Вот почему враг обрушил на порт самые страшные удары. Из 360 воздушных налетов, совершенных фашистской авиацией за 73 дня обороны, три четверти пришлось на порт. Днем и ночью, почти непрерывно сыпался на него смертоносный груз. Рушились припортовые здания, горели деревянные постройки, корежило а кольца стальные фермы, в

пыль превращался камень. Парализовать жизненно важный нерв города - вот к чему стремился противник.

Но порт жил, он не сдавался. Теснились у причалов корабли, прибывшие с востока, сновали проворные буксиры, колонны грузовиков стояли в очереди за грузами.

Большую помощь портовикам оказывали летчики. В моем старом потертом блокноте сохранилась запись, сделанная 2 сентября 1941 года - события одного дня, так похожего на многие другие. Лаконичная запись, по которой можно восстановить картину боев за порт.

В полдень прибыл пароход "Белосток". В его трюмах - вооружение, снаряды, взрывчатка. Из штаба обороны звонят командиру полка: прикройте "Белосток" с воздуха!

Майор Рыкачев поднял шестерку и взял курс на море. Не успели они набрать высоту, как узнаем о новой опасности: противник начал артиллерийский обстрел порта. Необходимо подавить вражескую батарею в районе Крыжановки.

- Череватенко, твоя очередь! - отдает приказ Шестаков.

Пролетая над Пересыпью, видим, как десятка два "Юнкерсов" заходят на бомбардировку судна. Помочь бы Рыкачеву разогнать стервятников, уж очень большой численный перевес, но нельзя, у нас своя, не менее ответственная задача. К тому же подобные вольности строго наказываются.

Батарею мы обнаружили, отбомбили, обстреляли. Возвращаемся. Рыкачев уже дома, К счастью, у него тоже потерь нет. Это кажется почти невероятным, ведь шестеркой сражался против двадцати! Комиссар полка Верховец, летавший в составе рыкачевской шестерки, рассказывает, что руководители порта, узнав о приближении "Юнкерсов", решили отвести судно на рейд для безопасности. Но когда появились над заливом "ястребки", распоряжение было отменено. "Белосток" отшвартовался у одного из пирсов. Бригада грузчиков вместе с экипажем вела разгрузку под свист бомб и закончила ее в рекордные сроки - за три с половиной часа. Снаряды укладывали в автомашины и прямым ходом отправляли на передовую.

С душевной болью узнали мы позже о том, что среди моряков и портовиков были жертвы: погиб военком "Белостока" Руденко, несколько грузчиков и матросов получили ранения. Но приказ был выполнен, снаряды своевременно поступили в артиллерийские части, и в этом деле велика была наша помощь.

Вечером комиссар полка проводил политинформацию: о положении дел на одесском участке фронта, о том, как неземные части отражают атаки противника. Верховец рассказал нам и о бесстрашном снайпере Людмиле Павличенко. Слава о ней

разошлась по всему фронту. Людмила была кадровым бойцом Красной Армии и начала войну на рассвете 22 июня. Отходила со своим 54-м полком до Одессы. Здесь полк закрепился и сражался до последнего дня обороны.

О дальнейшей судьбе этой смелой русской женщины мне довелось узнать значительно позже из газет и журналов. Оказывается, и муж ее Алексей Киценко был снайпером, и в Одессе они воевали вместе. Потеряла Людмила своего боевого друга под Севастополем: Алексей был убит осколком снаряда на позиции, откуда вел огонь.

...Сгустились над землей тревожные сумерки, закончился еще один напряженный день. Мы готовились к отдыху, ночных полетов не предполагалось, погода не позволяла, когда вошел штабной писарь Хуторной и не говоря ни слова, положил мне на койку письмо. Торопливо разрываю конверт, читаю и перечитываю долгожданные строчки: доехали благополучно, все живы-здоровы. Хотя и не обошлось без неприятностей - потеряли денежный аттестат.

Я делюсь новостями с Елохиным (он тоже давно ждет вестей из родного Новосибирска), спрашиваю, как восстановить аттестат, семья попала в затруднительное положение...

- Слышишь, Аггей, дружище!

В ответ молчание. Оказывается, спит мой комэск. Спят Шилов и Маланов, утомленные дневными полетами. И не с кем поделиться переполняющей меня радостью: живы, живы мои родные! И сын растет, и все будет хорошо! Вот только проклятых захватчиков надо прогнать с родной земли...

С такими мыслями выхожу побродить. Совсем рядом, кажется, вон за той темной грядой глухо стрекочет пулемет, в отдалении ухает пушка. Близится рассвет, с его наступлением возобновятся бои. Нужно и мне отдохнуть. Не раздеваясь, ложусь на койку: все равно скоро подниматься. Приятные мысли все еще кружат в моей голове, сердцу тепло от воспоминаний, и, убаюканный сладостными надеждами на будущее, я погружаюсь в сон.

Казалось, что и не спал. Открыв глаза и увидев полуодетого Елохина, сидящего на койке, быстро вскочил и стал натягивать сапоги. За окном наступал серый рассвет, однако было тихо, никакой тревоги. Из соседней комнаты доносился неторопливый, спокойный разговор. Я прислушался: речь шла о погоде - летная или нелетная... Елохин усмехнулся:

- Не спеши, пока на Шипке все спокойно! Подошел Виталий Топольский, попросил бритву:

- Хочу прихорошиться, у меня сегодня день особенный!

- Небось, именинник? - спросил я, протягивая бритву.

- Сколько ж тебе стукнуло, старик? - спросил Маланов. - Это дело надо взбрызнуть! Не каждый день на нашей улице праздник!

- Двадцать три! - с гордостью протянул Виталий. Все вокруг оживились: надо же как-то отметить день рождения товарища. И вдруг в оживленный говор, будто колокол, ворвался бас Рыкачева:

- Выходи строиться!

- Сейчас отпразднуем! - крикнул кто-то на ходу. - Рванем, чтобы небу стало жарко!

Инструктаж был коротким: в районе совхоза "Авангард" идут тяжелые бои, враг предпринял вчера психическую атаку, пытаясь прорвать оборону. Артиллеристы 265-го корпусного полка майора Богданова отразили атаку. Необходимо помочь с воздуха.

На помощь Богданову летит Рыкачев, комиссар третьей эскадрильи Феодосии Дубковский ведет группу на штурмовку в район обороны 59-й стрелковой дивизии генерала Воробьева, а мне снова "брить" передний край в юго-западном секторе. Гитлеровцы там засели основательно, и наши бойцы никак не

могут выкурить их из окопов.

Район этот мне хорошо знаком, знаю, где стоят зенитки, где замаскированы танки, склады горючего, боеприпасов. С нами летит' и Семен Андреевич Куница. У фашистских пропагандистов этот человек был на особом счету. Не раз они трубили во все трубы, что когда одолеют Одессу, то в первую очередь расправятся с композитором Данькевичем, комиссаром авиации Куницей.

Летал Куница много и неутомимо, на его счету было 150 боевых вылетов, шесть вражеских машин сбил в бою славный сокол, - так писал о нем командующий оборонительным районом контр-адмирал Г. В. Жуков.

Пока мы готовились, возвратились Рыкачев и Дубковский.

- Дан приказ: ему на запад, ей - в другую сторону... - сказал Рыкачев. - Летишь с другим заданием, Алексей. Сейчас Шестаков тебя проинструктирует. Пока...

Мне и Маланову нужно было идти двумя звеньями на юг с заданием тщательно разведать дороги: по показаниям пленных противник стягивает войска, готовясь к наступлению.

Задание вроде бы и простое, но сложность состояла в том, что дороги в тех местах обсажены каштанами, акациями, кленами, сплелись вверху кронами и заметить транспорты трудновато. Однако нам удалось кое-что обнаружить: от сел Тузлы и Староказачье двигались обозы, орудия на конной тяге.

Звенья выполняли задачу самостоятельно и возвращались каждое своим курсом. Мы с Королевым и Осечкиным прилетели в точно назначенное время. Маланов же со своими ребятами запаздывал. Шестаков, выслушав мой доклад, нахмурился: все хорошо, да только вот где второе звено?

А что я мог сказать? Майор нервно грыз спичку, то и дело поглядывая вверх. Он опасался, что противник навяжет звену неравный бой, горючего не хватит, и ребят перещелкают по одиночке.

Прошло еще несколько томительных минут, когда с вышки сообщили:

- Вижу! Идут!

Возвращался один самолет, судя по номеру машины, то был Маланов. Повеселевший было Шестаков снова приуныл. Все, кто находился возле него, молча глядели на приземлявшегося "ястребка". Маланов соскользнул по крылу на землю, снял парашют и пошел поперек летного поля к нашей группе. Приблизившись, он выпрямился, чтобы начать доклад, но командир полка разом выдохнул короткое:

- Ну?!

- Живы, - сказал Маланов.

У всех вырвался вздох облегчения, а нетерпеливый и все еще недоумевавший Шестаков произнес:

- Давай, давай!

Алексей рассказал, что произошло. Пролетая над Днестровским лиманом, он заметил, что с машиной Алелюхина творится что-то неладное. Все трое шли на одной высоте развернутым строем, и вдруг Алелюхин начал быстро снижаться и вскоре сел на песчаную косу. За ним произвел посадку и Григорий Сечин. Приземлились благополучно. Маланов сделал круг над местом посадки и взял курс на свой аэродром. "И вот я тут..." - закончил он растерянно.

Шестаков немедленно отдал приказ принять все меры для спасения летчиков. Были вызваны инженеры Добрецков и Федоров, и после короткого совещания группа механиков И. Сидоренко, С. Бутенко, И. Канзюба, С. Шапран, Б. Ляпунов, К. Анисимов, вооруженные домкратами, тросами, на двух грузовиках отправились на место происшествия.

ЗиСы возвратились поздно ночью. Но никто не спал, все переживали за исход операции. Ведь самолеты приземлились близко от переднего края, их могли обстрелять артиллерийским огнем, могли разбомбить...

"Ястребки" оказались изрядно помяты, но уже к утру техники и механики привели их в порядок. Алексей Алелюхин, как выяснилось, пошел на вынужденную из-за нехватки горючего. А Сечин принял решение взять товарища на борт своего самолета. Но с песчаной косы поднять И-16 оказалось делом невыполнимым...

На этом злоключения Алексея Алелюхина не кончились. На следующий день во время штурмовки вражеских войск у села Дальник самолет Алелюхина был подбит: снаряд угодил прямо в мотор его машины. Летчик начал планировать к линии фронта. Самолет удалось благополучно посадить "на брюхо"... в расположении противника.

Дальше все начало развертываться, словно в приключенческом фильме. Двое наших ребят прошлись у самой земли над приземлившимся товарищем, бессильные чем-либо помочь. Но сам Алелюхин не растерялся и воспользовался этим прикрытием. По полю бродили оседланные кони, и Алексей в мгновение ока поймал одного, вскочил на него и помчался галопом. Вдогонку ему неслись автоматные очереди, но он уже был неуязвим.

Мы, конечно, всего этого не знали. Товарищи только могли сообщить, что он жив, при посадке не разбился. Лейтенант

Сапронов даже уверял, что видел его уже на своей территории, но наверняка никто ничего не мог утверждать: линию фронта перейти было делом сложным, Шестаков не находил себе места, а то нападал на ведущего группы Елохина, повторяя:

- Такого парня потерять! Такого парня! Начальник штаба Никитин и начальник связи полка

Носычев обзвонили все наземные части, расположенные в районе обороны Дальника. Летчика никто не видел.

Гнетущую обстановку разрядил сержант Худяков, дежуривший на вышке:

- Кавалерист на дороге!

Шестаков мгновенно взобрался на вышку и приложил к глазам бинокль.

- Он? - летчикам не терпелось услышать подтверждение своим догадкам.

- А кто же еще! - обрадовано произнес Шестаков. - Он, лихой наездник! Кто бы мог подумать, что он еще и кавалерист!

Вздымая клубы пыли, по дороге от леска мчался всадник! У самой штабной землянки он круто осадил коня, соскочил на землю и, одернув гимнастерку, звонким голосом доложил:

- Товарищ майор! Во время штурмовки вражеской кавалерии возле села Дальнин прямым попаданием зенитного снаряда вывело из строя мотор. Вынужден был произвести посадку вблизи нейтральной полосы. Самолет полностью вышел из строя. Самочувствие отличное, готов выполнять очередное задание!

- Готов-то готов... - сказал Шестаков, пожимая руку Алелюхину. - Да только на чем летать будешь? "Ишака" на мерина обменял?

Летчики взорвались хохотом.

Трофейного коня механики кормили несколько дней, потом под расписку передали артиллеристам майора Богданова.

Глава XII.

Нелетная погода

Утро обещало летную погоду, но правы оказались синоптики: к полудню с северо-запада потянулись набрякшие синие тучи, послышались раскаты грома, разразилась гроза.

Это был первый настоящий дождь за все сухое и знойное лето. Дышать стало легче, повеяло прохладой. Но на душе по-прежнему было тревожно. Под боком ухали тяжелые батареи, это вели обстрел артиллеристы майора Богданова.

Слава Богданова, пушкари которого нещадно громят врага, перешагнула линию фронта. Фашисты охотились за командиром артиллерийского полка, обещая за его голову крупную денежную награду. Однажды начальник штаба майор Никитин приехал к

Богданову согласовать какие-то вопросы и оказался свидетелем любопытного эпизода. Разведчики привели в землянку командира полка пленного, младшего офицера, и он, узнав, что перед ним тот самый Богданов, в страхе попятился назад.

- Мы представляли Богданова каким-то гигантом с бородой до пояса, рассказывал пленный унтер-офицер, - с красным лицом и огромными ручищами... Нам говорили: кто попадет к русским в плен, берегись - Богданов одним ударом кулака на тот свет посылает!

Николай Васильевич ухмыльнулся:

- Да ведь мы не кулаками воюем, а пушками!

Что верно, то верно, крепко доставалось врагу от артиллеристов. Когда одна из стрелковых дивизий противника, поддержанная танками, атаковала наши части на участке Кагарлык - Беляевка, артиллеристы обрушили на них такой сильный огонь, что оккупанты вынуждены были показать спины.

Трудное положение создалось после выхода войск противника в район Большого Аджалыкского лимана. Враг получил возможность держать под обстрелом Одесский порт. Однако артиллеристы метким огнем подавили батареи противника и открыли нашим судам путь к причалам.

Мы часто завидовали нашим друзьям: ни туманы, ни ливни им не помеха, а летчики только и мечтают о погоде.

В тот ненастный день мы долго поглядывали на небо, ожидая прояснения. Но тучи ползли и ползли - угрюмые, равнодушные, им и дела не было до наших переживаний. Дождь все не унимался, а мы все звонили метеорологам. Но ничего утешительного они не могли сказать,

- Циклон перемещается с северо-запада на юго-восток, - передразнил кого-то Шестаков, бросая трубку. - Как будто нам от этого легче... Придется загорать, ребята. - Он тяжело вздохнул.

Шлепая по раскисшей траве, все поплелись в общежитие, Асташкин и Елохин тихонько перебранивались. Потом Аггей сказал:

- Ну что ж, не стоит киснуть. По крайней мере можно кое-что осуществить за время вынужденного безделья. Например, отоспаться - раз, написать письма - два, поиграть в шахматы - три, повысить интеллектуальный уровень путем чтения стихов...

Я жил тогда в Одессе пыльной.

Там долго ясны небеса...

продекламировал он.

- Ясны, ничего не скажешь, - ехидно вставил Маланов.

Но комэск не обращал внимания на его язвительный тон, он уже сел на своего конька: поэзия - его вторая радость, его

увлечение. Стихи Пушкина, Маяковского, Иосифа Уткина, Александра Жарова у него под подушкой, в планшетке, в кабине самолета. И нам он часто предлагал в свободные минуты сборники стихов, а иногда и сам увлеченно и с подъемом читал любимых поэтов.

У входа в летную столовую, которая во время дождей была нам и клубом, Елохин сказал:

- Гляди, Череватенко, кажись, твоя родня! Худощавый пожилой мужчина в чесучовом пиджаке и клетчатой потертой кепчонке двинулся нам навстречу, и я с трудом узнал в нем своего тестя. С тех пор, как отправил семью, мы с ним так и не виделись. Петров был целыми сутками занят в своих железнодорожных мастерских, да и у меня свободного времени почти не выпадало.

Мы поспешили укрыться от дождя в помещение, и тут летчики тесно обступили старика, наперебой задавая ему вопросы, смысл которых сводился к одному: что делается в городе?

- Торгуют на Дерибасовской пивом? - выскочил никогда не унывающий Филипп Шумилов. На него шикнули.

- Не до жиру, быть бы живу, - горько пошутил Петров. - Какое пиво, воды не хватает...

Ведя напряженную жизнь, мы не очень хорошо были осведомлены о положении в городе. И теперь трудно было представить баррикады на улицах и площадях, пустующие парки и скверы, заколоченные крест-накрест двери магазинов, кафе, ресторанов. Все, кто не был занят на производстве, и стар и млад, работали на строительстве оборонительных сооружений. На улицах с шести вечера, кроме патрулей, никого не встретишь... Да, невеселая картина обрисовалась.

Пришел мой тесть узнать, нет ли вестей с Дона, где теперь поселились наши женщины вместе с крошечным моим сыном, а его внуком. К счастью, я не только мог его успокоить, но и обрадовал, дав письмо от Валентины. Повлажневшими глазами Лаврентий Георгиевич посмотрел на конверт и осторожно опустил его в карман пиджака.

- Я уж потом прочту, - виновато сказал он, и я подумал, что отец будет читать письмо каждое утро, как молитву, пока не выучит наизусть. И будет оно согревать и поддерживать его в трудную минуту.

- Ну, а это вам, ребята, - старик торжественно положил на стол какой-то сверток. - Подарок, можно сказать, от рабочего класса, - он смущенно улыбнулся.

В свертке оказалась бутылка водки, настоящая, с этикеткой

довоенного времени.

- Уважил, батя! - обрадовано хохотнул Шестаков. - Приятно смотреть на продукт мирной жизни. - Ну что ж, помянем погибших, за победу выпьем... За чистое небо над нашей страной!

Официантка подала на стол котлеты, яблоки. И все стали сосредоточенно жевать, думая каждый о своем.

На какое-то время в столовой воцарилась тишина. Низкие облака сплошь закрыли небо, стало совсем темно. За стеной раздался мерный стук движка, и почти тотчас под потолком зажглась лампочка. Лев Львович вышел из-за стола, глянул в окно:

- Да-а-а! Загорать придется долгонько. Никакого просвета, - задумчиво протянул он. - Вот уж поистине разверзлись хляби небесные..,.

- Дак ведь осень на дворе, ничего удивительного, - ввернул кто-то. Против природы не попрешь!

Помещение постепенно пустело: кого ждали дела, а кто пошел в общежитие, на боковую. Несколько человек, и среди них Шестаков, все еще сидели за столом. На миг воцарилось молчание, и в наступившей тишине слышно было, как монотонно барабанят в окно дождевые капли.

- Так что ж, друзья, - сказал майор, - давайте споем, щоб вдома не журились, як кажуть на Україні... Раскроем душу в песне.

Кто-то принес гитару, Олег Зюзин уселся поудобнее и стал настраивать инструмент.

- Дребезжит, как старая телега, - проворчал он.

- Золотареву ее на ремонт, - смеясь, посоветовал Ёлохин. - Он и переберет, и смажет, будет звенеть, как мотор на самолете Торбеева!

Наконец, Зюзин взял первые аккорды.

В далекий край товарищ улетает,

За ним родные ветры вслед летят,

тихо, медленно, словно проговорил, а не пропел Олег.

Любимый город в синей дымке тает,

Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд...

Каждый из нас вкладывал в эту песню свою тревогу, свою печаль. И надежду. Песня ширилась, крепла, все больше и больше мощных голосов вплеталось в нее.

"Когда ж домой товарищ мой вернется..."

- раздумчивая мелодия принимала отголоски победного марша. Будет, будет так, они завоюют победу, улыбнется, встретит их любимый город, и синее небо над головой станет чистым навсегда.

Глава XIII.

Коммунисты

Все свободные от полетов расположились на открытой поляне. Комиссар полка Николай Андреевич Верховец представил собравшимся худощавого мужчину средних лет:

- Знакомьтесь, товарищи! Секретарь Одесского обкома партии Иван Алексеевич Сосновский!

Летчики оживились. Новому человеку всегда рады. А секретарь обкома разносторонне осведомлен, расскажет подробнее об Одессе, о трудных буднях города и порта...

Едва только Сосновский начал говорить, как в отдалении послышалось характерное гудение вражеского разведчика. Шестаков предложил перейти в лесопосадку. Земля здесь была влажной после недавнего обильного дождя, ветви еще сбрасывали с себя тяжелые капли.

От имени партийной организации Одессы и всех трудящихся Иван Алексеевич поблагодарил личный состав полка за храбрость и мужество, проявленные в боях с гитлеровскими оккупантами.

С волнением слушали мы суровую правду о положении в городе. Тяжело было с продовольствием, не хватало воды, но население мужественно переносило лишения. Место ушедших на фронт братьев, отцов, мужей заняли женщины. Создан женский истребительный батальон в составе 900 человек. Женщины гасят пожары, возникающие в результате бомбежек, строят баррикады, роют противотанковые рвы. Город защищает поголовно все население. Но в первых шеренгах - и на передовой, и в цехах предприятий, в отрядах, строящих оборонительные сооружения, находятся коммунисты. Молодые стараются быть достойными старших, проявляя в бою образцы смелости и отваги. Батальон под командованием 22-летнего коммуниста Якова Бреуса уничтожил в одном только бою тысячу вражеских солдат. Впоследствии Бреусу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Пулеметчик комсомолец Иргаш Тимиров уничтожил триста вражеских солдат, краснофлотец Бегельфор, защищая своего командира, заколол в штыковом бою двадцать два гитлеровца, снайпер Сучков истребил 85 захватчиков. Мы узнали о новых подвигах Людмилы Павличенко, о пулеметчицах Зое Медведевой и Нине Ониловой.

Оборонять город уходили целыми семьями. В полку майора Богданова служила семья Демерза: отец Василий Карпович, его шестнадцатилетняя дочь Галя - рядовыми бойцами. Сын Петр был командиром взвода. В одном из боев пали смертью храбрых отец и дочь. Коммунист Петр Васильевич Демерза защищал Одессу до

последнего дня обороны города.

Начальник автопарка Одесского порта Петр Яковлевич Кушнир на партийном собрании зачитал свое заявление, в котором просил направить его на передовую водителем танка. Братьев своих просил назначить к нему в экипаж - башенным и стрелком-радистом.

В первые дни войны из порта ушли защищать Родину 238 коммунистов и 141 комсомолец. Всего партийная организация города, сказал Сосновский, направила в ряды Красной Армии 20 тысяч коммунистов. Комсомол послал 73 тысячи комсомольцев.

После этой беседы летчики еще глубже осознали, какую большую заботу проявляют о нас, воинах, партийные органы, местные Советы, все население. Мы ни в чем не испытывали нужды, были обуты, одеты. Мирное население, само терпящее недостатки, обеспечивало нас всем необходимым. В ответ на эту заботу народа мы клянемся еще яростнее бороться с врагами нашей Родины, отстаивая ее честь и независимость.

Много потерь понес наш полк, и никто не мог сказать, когда прекратится горький перечень погибших летчиков. Совсем недавно мы потеряли лейтенанта Алексея Сидорова. Война помешала ему закончить полный курс летной подготовки в училище, и поэтому командир полка не допускал Алексея к полетам в сложных метеорологических условиях. Парень очень переживал свое положение: недоучка... Когда случалось быть на замене, Сидоров старался показать высокое мастерство, в бою вел себя храбро. Так постепенно он привел всех нас, а главное Шестакова, к мысли, что ему можно доверить машину, послать на выполнение ответственного задания.

Хороший летчик, отличный парень, мой друг лейтенант Сидоров погиб совершенно нелепо: при взлете, из-за дефекта бомбодержателя.

Наши латаные-перелатанные "ишаки" требовали осторожного обращения. У меня, например, был случай срыва бомбы, и только чудо спасло от катастрофы, хотя чудес, конечно, не бывает... Просто, летая долго на одном самолете, мы привыкали считаться с его капризами, знали недостатки своей машины.

Сидоров пренебрег советами, душа его ликовала перед вылетом: как же, ведь его признали достойным, равным среди равных! Летчик со старта дал большую скорость, боясь отстать от группы, колесо попало в выбоину, машину сильно тряхнуло, от этого сорвалась бомба. Раздался взрыв.

...Сентябрьские дожди продолжались почти непрерывно в течение двух недель. Все чаще дули холодные ветры. Осень вступала в свои права.

Сырость и вечерняя прохлада загоняют нас в помещение. С наступлением ночи летный и технический состав собирается в общежитии. Бренчит гитара, выводит печальную трель мандолина,

В тот день низкие тучи еще давили землю, однако дождь прекратился, и партийное собрание решили провести на открытом воздухе. Техники Поветкин и Ткачев притащили длинный стол, Хицун и Внуков расставляли скамейки под деревьями.

Прибывал личный состав эскадрилий. На старом "газике" подкатил со своими ребятами капитан Демченко. Парни загорели, обветрились, у многих воспаленные от бессонницы глаза, но по-прежнему выглядели браво, щеголевато. Особенно выделялись Иван Беришвили и комиссар эскадрильи Валентин Маралин: начищенные до блеска ботинки, белые подворотнички... Наши хлопцы кинулись обнимать моряков: хоть вроде бы и близко, а сколько дней не виделись!

Мы снова вместе. Смеемся, вспоминаем забавные случаи из нашей многотрудной боевой жизни. Многих, которые присутствовали на последнем собрании, среди нас нет. Но я не вижу унылых лиц: люди веселые, жизнерадостные. Разговор ведется вокруг главного - как бить врага, как выигрывать победу при меньших силах. Мы закалились, окрепла наша воля к победе. Мы успели убедиться в том, что не так страшен черт, как его малюют...

Наконец слышим голос:

- Рассаживайтесь, товарищи, будем начинать! Константин Семенович Пирогов, наш парторг, объявляет собрание открытым. Избирается президиум.

Первый вопрос повестки дня: прием в партию летчиков Василия Серогодского и Алексея Алелюхина. Они сидели рядышком, молчаливые, сосредоточенные.

- Партийное бюро рассматривало на своем заседании заявление кандидата в члены партии товарища Алелюхина, - сказал парторг. - Я зачитаю его. "Прошу принять меня в члены ВКП(б). Даю слово, что, пока бьется в груди сердце, буду беспощадно громить немецко-фашистских захватчиков, а если потребуется, не пожалею своей жизни для полной победы над врагом". - Парторг сделал паузу. - Бюро приняло решение: рекомендовать партийному собранию принять Алексея Алелюхина в члены ВКП(б). Теперь за вами слово, товарищи!

- Пусть биографию расскажет! - раздались голоса. Алелюхин поднялся, одернул гимнастерку, прошелся ладонью по шевелюре.

- Родился в селе Косова Гора Калининской области в семье

крестьянина-бедняка. Учился в семилетке. Работал в колхозе. В комсомоле с тридцать седьмого года. В сороковом закончил Борисоглебское летное училище и получил назначение в 69-й полк. За это время совершил девяносто шесть боевых вылетов, сбил четыре самолета противника. Вот вроде и вся биография... Клянусь громить гитлеровцев, пока не очистим родную землю!

- Садитесь, - сказал Рыкачев. - Хочу тоже сказать два слова. Летчик Алелюхин дисциплинирован, в бою храбр, партии Ленина предан. Мнение партийного бюро: достоин быть членом партии.

В поддержку решения партийного бюро выступили комиссар полка Верховец, заместитель командира третьей эскадрильи капитан Стребков, инженер Федоров. Собрание единогласно проголосовало за то, чтобы принять Алексея Алелюхина в члены партии.

Когда зачитали заявление Василия Серогодского, собрание зашумело, будто легкий вихрь пронесся по лесу.

- Тише, тише, товарищи, - призвал к порядку председательствующий. - В чем дело?

Оказалось, шумно реагировали черноморцы, у которых Василий пользовался симпатией не только как смелый летчик, но и как душа-человек, гитарист, песенник, вообще веселый парень, Когда Рыкачев обратился с вопросом, кто желает выступить, сразу поднялось несколько рук; многим хотелось сказать хорошее о Серогодском. Первым выступил Иван Беришвили.

- Как летчика, вы знаете Василия лучше меня, - начал Беришвили. - Но я хочу сказать о нем, как о человеке, Василий Александрович замечательный товарищ. За друга он в огонь и в воду пойдет, в беде не оставит. Вы можете сказать: ты, Беришвили, не съел с ним пуд соли... Но мне кажется, не обязательно есть пуд соли. На войне, в суровых обстоятельствах скорее узнается человек. Тут он весь перед тобой и по тому, как он ведет себя в минуту опасности, уже можно судить - хороший это человек или плохой. Здесь мы все на виду, со всеми своими недостатками и достоинствами. Так вот, достоинств у Василия очень много... По рядам прокатился одобрительный гул.

Слова попросил спокойный, медлительный комиссар третьей эскадрильи Феодосии Никитович Дубковский. Серогодского комиссар знает давно, имел возможность наблюдать за ростом и совершенствованием мастерства летчика. Дубковский не однажды летал вместе с подчиненным и успел составить о нем мнение как о человеке отважном, хладнокровном и решительном в бою. На счету Василия уже было пять сбитых вражеских самолетов, он удостоился высоких правительственных наград.

Майор Шестаков как командир был более пристрастен при

обсуждении кандидатуры летчика Серогодского. Да, способный, старательный, да, храбр и отважен, однако можно - да и нужно! - привести факты нарушения боевой дисциплины. В рядах послышались возгласы.

- Да, да, нарушения дисциплины! - с нажимом повторил Шестаков, и собрание утихло. - Вспомните, как Серогодский, желая выделиться, "показать себя", оторвался от группы, один ввязался в бой, когда разумнее было пройти мимо и выполнить свою задачу. Сколько ошибок совершил он в результате такой самодеятельности! Во-первых, он пикировал под таким углом, что "ишак" мог развалиться! Ведь самолеты наши изношены и не выдерживают больших нагрузок. Во-вторых, - беспощадно продолжал Шестаков, - он оставил без прикрытия ведущего! И неизвестно, как обошлось бы, не подоспей на выручку к майору Капустину лейтенанты Шагинов и Жедаев! Такие факты, товарищи, свидельствуют о том, что Серогодскому надо поработать над собой.

Пока выступал майор, Василий, весь пунцовый, стоял, опустив голову. Прав командир, тысячу раз прав. Но не в погоне за личной славой совершал лейтенант подобные поступки. Ненависть к врагу кипела в его жилах, звала отомстить за поруганную землю. Так и постарался он это объяснить. В торжественной тишине Василий Серогодский дал слово четко и неукоснительно выполнять боевые задания, повышать свой политический уровень, укреплять дисциплину.

Собрание единогласно проголосовало за то, чтобы лейтенанта Василия Серогодского принять в ряды Коммунистической партии.

Слово для доклада по второму вопросу - о поведении коммуниста в бою председательствующий предоставил командиру полка Шестакову.

Лев Львович развернул маленький блокнот, откашлялся.

- Ну, сейчас нам достанется... - прошептал сидевший рядом техник Сергей Холошенко.

Начал командир спокойно, но чувствовалось, что внутренне он напряжен, собран. Он говорил о наших упущениях, об ошибках, которых можно было бы избежать, критиковал тех, кто допускал хотя бы малейшее нарушение дисциплины.

- В нашем деле мелочей нет, - резко сказал он. - Анализ потерь позволяет сделать вывод, что их могло быть в два раза меньше, если бы летчики не "партизанили", а прикрывали друг друга. Есть случаи, когда, желая выделиться, летчики отрываются от группы, и это приводит к гибели пилота и машины.

Напомнив о недавнем выступлении в полку секретаря обкома

партии Сосновского, Шестаков обрушился на нытиков, жалобщиков:

- Запасные части им, видишь ли, подавай! А где их взять? Запомните, товарищи! Время трудное, мирное население работает под пулями, бомбами, сидит на скудном пайке, но старается обеспечить нас всем необходимым. Так что у нас сейчас одна задача: беспощадно истреблять захватчиков, показывать пример организованности, дисциплины, четкого выполнения заданий. И еще: мы должны удвоить удары по врагу. На старой, изношенной технике выигрывать победы меньшими силами и без потерь!

Юрий Борисович Рыкачев в своем выступлении поддержал докладчика. Он тоже обрушился на "партизан", которые отрываются от командира, стараются во что бы то ни стало лично сбить противника. Такое поведение приносит не пользу, а вред.

Взволнованно прозвучали выступления парторга эскадрильи Лотыша, инженера полка Кобелькова. Они сказали доброе слово в адрес инженеров Бутова и Федорова, техников Карахана, Фитисова, Ботникова, Кацена, Касака, Пеньковского, Фата. Эти люди трудились, не покладая рук, спали по три часа в сутки, забывая о еде и отдыхе. Выступающие призывали всех следовать их примеру. Время было горячее.

Глава XIV.

Дни как годы

Первый осенний месяц оказался необыкновенно тяжелым для участников обороны Одессы. То в одном, то в другом секторе обороны противник предпринимал попытку сломить сопротивление наших войск и прорваться к городу. Гитлеровские генералы из кожи лезли вон, чтобы выполнить данное фюреру обещание: в ближайшие дни взять город.

Планы фашистских вояк лопались, как мыльный пузырь. Родина не забывала Одессу. Большая земля прислала на помощь 25 маршевых батальонов. 18 сентября в порту высадилась 157-я стрелковая дивизия и с ходу отправилась на боевые позиции. Большую помощь оказывали корабли Черноморского флота. Огнем своих пушек крейсер "Червона Україна" подавил фашистские батареи у села Новая Дофиновка.

А вот 69-й полк пополнялся далеко не достаточно. Официально мы именовались Военно-воздушными силами Одесского оборонительного района. Но какие там силы! Четыре-пять десятков потрепанных И-16... Черноморская эскадрилья была для нас большой поддержкой, летчики-моряки капитана Демченко дрались великолепно, но и у них вскоре начались потери. Что же касается эскадрильи майора Чебаника, то она к

этому времени фактически перестала существовать: часть машин вышла из строя в результате значительных повреждений, несколько самолетов были сбиты зенитками противника.

Командующий Военно-воздушными силами оборонительного района комбриг Катров, начальник штаба Шанин и комиссар Мельшанов, приезжая к нам, собирали летчиков и задавали, как правило, вопрос: какие есть претензии или жалобы?

Какие могут быть жалобы? Война. Этим все сказано. А вот просьбы просьбы были: подбросить самолетов.

- Летчику - что... Летчик выдержит, - рассуждал капитан Елохин. - А вот машины трещат по всем швам, не под силу им такая нагрузка, товарищ комбриг...

Катров понимающе кивнул головой:

- Да, просите вы действительно немного, - он улыбнулся. - Верховное главнокомандование крепко поддерживает Одессу, пехоту присылает, артиллерию. А вот насчет авиации туговато, придется еще немного потерпеть. Но при первой же возможности учтем.

К Василию Петровичу мы относились с большим уважением. Старый, заслуженный авиатор, человек разносторонних знаний, высокой культуры, он, конечно, и сам прекрасно понимал нужды полка, но в тех невероятно трудных условиях, когда обнаглевший враг рвался к Москве, Ленинграду, выполнить наши требования не мог.

Как раз в это время наша четверка улетала на задание и командующему представили летчиков Дубковского, Топольского, Серогодского и Егоркина. Комбриг принял участие в инструктаже, дал летчикам несколько практических советов и предупредил, чтобы избегали ненужного риска.

- А вы, товарищ старший лейтенант, - обратился он к Василию Серогодскому, - выглядите так, словно на парад собрались... То есть, это, конечно, похвально, - Катров поспешил объяснить свою мысль. - В любой обстановке надо быть аккуратным, подтянутым... Я вот как-то в первые дни войны был в 67-м полку, так у них, знаете, не все следили за собой. Некоторые заросли бородами, с виду старики, а им по двадцать два года...

Серогодский смущенно улыбался:

- Так меня недавно в партию приняли, товарищ комбриг...

- Тогда разрешите от души поздравить вас, - Катров крепко пожал Василию руку. - Желаю всему звену успешно выполнить боевую задачу. А вас я помню, обратился Василий Петрович к Топольскому. - Ведь это вы сбили в одном бою двух "Хейнкелей"? Ну, желаю удачи и на сей раз...

Четверка уходила на штурмовку войск противника в район

хутора Красная Поляна, ставший для нас печально известным. Мы потеряли здесь Николая Жедаева. Там был тяжело ранен комиссар второй эскадрильи Иван Павлович Маковенко.

И на этот раз нас не миновала беда. Комбриг Катров еще беседовал с командиром полка и комиссаром, когда прибежал техник Стреколовский. Он был явно чем-то встревожен. Все тотчас поднялись и пошли встречать Дубковского. Он-то и рассказал, что произошло.

Четверка штурмовала колонну вражеских танков. Набирая высоту для нового удара, наши летчики неожиданно увидели "мессеров". Они, очевидно, маскируясь за облаками1 ждали удобного момента, чтобы атаковать внезапно. Сразу был подбит самолет Топольского. Видимо, сражен был и летчик, потому что машина стала беспорядочно падать. Катров и Шестаков допытывались у Серогодского и Егоркина, не видели ли они белого купола. Нет, парашюта никто из них не заметил. Они увидели полыхающий костер в открытом поле - все, что осталось от самолета, - и сделали над ним прощальный круг, помахав крыльями...

За что нам так жестоко мстит Красная Поляна? - спрашивали мы друг у друга. Нет, предрассудки здесь ни при чем. Прав был Лев Львович, когда на партийном собрании говорил о дисциплине в воздухе, об осмотрительности. Увлекшись боем, нельзя забывать, что рядом враг, коварный и изворотливый, что он может появиться там, где ты его не ждешь,

В полку траур. Топольский был всеобщим любимцем. Кто хоть раз видел этого замечательного парня, общался с ним, тот уже не мог его забыть. Летать для Виталия было все равно, что дышать, жить. Казалось, он родился в сорочке летчика и самой судьбой ему предначертано стать отважным воздушным бойцом. Перед войной Топольский, будучи летчиком, исполнял еще и обязанности адъютанта эскадрильи. Деятельная его натура не мирилась с этой второй должностью, и он настоятельно просил: "Хочу больше летать!" Комэску Капустину, комиссару Дубковскому пришелся по душе молодой, энергичный летчик, и они стали чаще брать его ведомым. Присмотрелись и разгадали в нем сокола. Ему уже часто и самому поручали водить группы на боевое задание.

Виталию Тимофеевичу Топольскому было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Мы долго не могли смириться с мыслью о том, что потеряли его навсегда. В душе жила надежда, нам казалось, что вдруг однажды откроется дверь в общежитие, на пороге появится статный густобровый красавец и скажет:

- А вот и я, здравствуйте...

К нам часто приезжали шефы - рабочие и служащие предприятий и учреждений города. И на войне бывают маленькие радости. Женщины привозили нам шерстяные носки, связанные собственноручно, носовые платки, трогательно расшитые кисеты, портсигары.

Особенно радовали нас концерты самодеятельности. После каждого такого посещения шефов мы ощущали прилив новых сил, которые были так необходимы в эти тяжелые дни.

Однажды у нас гостила делегация со швейной фабрики имени Воровского. Смешливые девушки окружили нас, интересуются, бывают ли после полетов танцы.

- А как же! - восклицает лейтенант Павел Эсаулов. - Двадцать четыре часа в сутки летаем, остальное время вальсируем!

Девушки заразительно хохочут, хотя по всему видно, что живется им несладко: усталые, бескровные лица, И только в глазах искрится задор. Алибек Ваниев приносит наш старенький патефон, осторожно накручивает ручку, и вот уже звучит в столовой модная песенка:

Эх, Андрюша, нам ли быть в печали,

Не прячь гармонь, играй на все лады...

Кружатся пары, слышны шутки, смех. Война на время отодвинута в сторону, жизнь берет свое.

Эсаулов водружает на столе огромный арбуз, приглашает отведать.

- На моей родине, - балагурит он, разрезая на части эту чудо-ягоду, арбузы выращивают весом до сорока килограммов. А что уж сочные, сахаристые и не передать, только нож поднесешь, сразу разламывается на две половины...

Девушки устремляют на него восхищенные взгляды. Пашка, чувствуя себя в центре внимания, продолжает тараторить.

- А слышали вы, что произошло в одном полку? Прелюбопытнейшая история! Спрашивает адъютант своего командира: "Разрешите, говорит, ночью за трофеями сходить? Тут поблизости такой баштан роскошный, что просто грех давать добру пропасть! Арбузы, говорит, что моя башка!" А того не сказал, что баштан на территории, занятой противником. Ну, а командир ему - иди! Днем, конечно, туда не сунешься, пошел адъютант ночью, товарища с собой прихватил. Долго шарили они в темноте, покрупнее выбирали... Утром майор вызывает своего помощника и спрашивает, где же обещанный арбуз. Адъютант говорит: сию минуту доставлю. И приводит командиру рослого детину, солдата, значит, гитлеровского, мы, говорит, его на баштане и сцапали. Тоже хотел колхозным добром полакомиться!

Смеху было... Но майор был рад, конечно. Кто "языку" не обрадуется!

И снова шутки, смех! Но вдруг все разом замирает. Воздушная тревога! Ярким пламенем вспыхивает и тотчас же гаснет ракета.

- На старт!

Минут сорок летали в заданном районе. Самолеты противника прошли стороной, на Николаев. После возвращения командир полка дал нам отдых. В половине седьмого с трудом открываю глаза.

- Подъем, товарищ старший лейтенант, подъем! - грохочет над ухом дежурный.

За чаем в столовой обмениваемся новостями. На участках 451-й и 95-й дивизий противник проявляет активность. Ведет артподготовку, видимо, замышляет новое наступление. Грохот орудий становится все сильнее.

В столовую влетает заместитель начальника штаба полка Богач:

- Четвертая, кончай бал! На выход!

Елохин резко поднимается, поправляя планшетку. Выскакиваем на улицу. Сейчас нас десять вместе с командиром и комиссаром эскадрильи, четырех потеряли, один ранен. Командир полка перед вылетом обращается к нам со словами:

- Давайте честно, ребята: кто не успел выспаться, кто неважно себя чувствует - два шага вперед...

Никто не двигается с места. Понимаем: если уставших ночников подняли раньше обычного, значит, происходит что-то серьезное.

- Лейтенант Королев! А ты что-то пасмурный сегодня... Может, отдохнешь? - настаивает Шестаков.

- С какой стати? Что я - хуже других? Порядок... - обиженно говорит Иван.

Шестаков начинает объяснять задачу. Старается казаться бодрым, но мы видим, что сам Лев Львович еле держится на ногах. Осунулся, постарел, под глазами темные круги... Глядя на него, не скажешь, что ему едва исполнилось двадцать пять.

Снова на Сухой Лиман, это рядом, три минуты лету. Не успеешь набрать высоту, а уж под крылом чернеет вода. С высоты тысячи метров перед нами открывается панорама боя. Южный берег лимана и все видимое пространство до самого моря напоминает кипящий котел. Стреляют танки, орудия, минометы, по ним ведут огонь с северного берега наши батареи.

Проходят столетия, а война по-прежнему всегда страшна. "Смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в

протяжный вой..." описывал Лермонтов Бородинский бой. И вот он сейчас под нами, такой же бой, и не только в одном месте. Стонет родная земля, дрожит от гнева и возмущения. Но никогда и никому не поработить ее!

Мы строим так называемую "карусель" и бомбим танки, скопления живой силы. Затем на бреющем прочесываем траншеи. Нас поливают зенитным огнем. Под градом снарядов и пуль вывожу машину из пике и вижу: Елохин подает сигнал, надо уходить. Пока мы разворачиваемся, шестерка "мессеров" спешит на помощь своим наземным частям. Зенитки прекратили пальбу, боясь угодить в своих. Некоторое время кружим в небе: враг хитер, не вступая в бой, берет на измор, ждет, пока мы израсходуем боеприпасы, пока закончится горючее. Тогда Елохин принимает решение навязать противнику бой, тем более, что мы в большинстве и можем рассчитывать на полный успех (если только снова не заговорят вражеские зенитки...). Вот пошли в стремительную атаку Алелюхин и Тараканов, и один вражеский самолет разваливается в воздухе. Мы в паре с Королевым вогнали в землю второго фашистского стервятника. "Нет, не бывать вам хозяевами нашей земли!", - шепчут мои губы.

Домой возвратились без потерь. Приходим в штаб доложить о выполненном задании, а тут нас ждет приятная весть. Начштаба Никитин читает только что полученную телефонограмму:

"Умело штурмуя живую силу, обозы и транспорт, подавляя систему огня противника, летчики вашего полка содействовали частям дивизии в выполнении поставленных задач. Личный состав дивизии выражает красноармейскую благодарность своим лучшим друзьям - летчикам. Вы действительно работали и работаете прекрасно. Ив. Петров."

Только в полосе действий 25-й Чапаевской дивизии генерала Петрова полк совершил в сентябре 107 штурмовых налетов, не ослабляя в то же время внимания к другим участкам фронта.

Начальник штаба Никитин не успевает принимать заявки. Звонят командующий контр-адмирал Жуков, командир 95-й стрелковой дивизии Воробьев, командир 421-й Кочинов, генерал Петров... Срочно нанесите удар, подавите батарею, отгоните "Мессершмитты", которые не дают поднять голову нашим бойцам.

Комиссар эскадрильи Куница ведет восьмерку на Красную Поляну. Ох, уж эта чертова поляна, заколдованное место! Правда, Семен Андреевич не раз бывал там, знает ориентиры, прочесывал передний край. Ему, как говорится, карты в руки. С открытым колпаком выруливает он машину на старт, помахивая нам рукой. "Победы вам!" - кричим вслед, но шум мотора перекрывает наши голоса.

У нас заслуженный отдых. С Алексеем Малановым мы садимся играть в шахматы. Парторг полка Константин Семенович Пирогов приносит свежие газеты, письма, и все с жадностью набрасываются на них. Среди писем обращаем внимание на одно с лаконичным адресом: "Бойцу Красной Армии". До сих пор храню я это письмо, как память об Одессе и одесситах.

"Мой друг, защитник Родины! Пишет тебе рабочий завода имени Январского восстания. Привет тебе и твоим боевым товарищам. Желаем крепче бить проклятых захватчиков, скорее отогнать их от города, а затем и окончательно разгромить".

Читают письма лейтенанты Федулов, Сахаров, Шагинов. Пишут девочка, потерявшая мать, старуха, у которой сын и дочь ушли на фронт, и она уже долгое время не имеет от них никаких известий... Просьба у всех одна: не пусти, воин, врага в наш город, защити нас! Невеселые думы овладевают нами.

От настежь распахнутой двери повеяло холодом. Вошел Алелюхин, проговорил глухо:

- Над Красной Поляной сбит Семен Андреевич Куница...

Глава XV.

Задание выполнено

Конец сентября. Все чаще в общежитии дребезжат оконные стекла. Дальнобойная артиллерия противника подбирается к нашим взлетным площадкам. Однажды снаряд разорвался рядом с ремонтными мастерскими, где как раз работали механики и техники.

Михаил Балашов и Николай Колотурский попали под взрывную волну. Тряхнуло их основательно, так что едва в себя пришли. С одного оказалась сорвана гимнастерка, и острословы, готовые зубоскалить по любому поводу, хохотали:

- Коля, да ты, никак, в баню собрался?!

Нам с Шиловым было не до шуток: в мастерских стояли наши машины на ремонте. В моем самолете был пробит осколком карбюратор. Мишин "ястребок" требовал основательной профилактики. Какой там ремонт, из огня да в полымя попали самолеты!

Когда установилась тишина, мы поспешили выяснить, насколько пострадали мастерские. Но все обошлось на сей раз. Машины наши стояли целые, и техник Подгорецкий стал божиться, что к вечеру мой "ишак" будет наготове, как штык.

- Из третьей эскадрильи пришла помощь, так что справимся, - он показал на техников Алексея Потапова, Николая Красина, Григория Нобасова и Василия Панасюка.

Мы с Мишей воспрянули духом. Стыдно уже было болтаться без дела...

Но инженер Федоров с сомнением покачал головой:

- Твою, старший лейтенант, возможно, и отладим, а вот с машиной Шилова делишки посложнее...

Пока мы спорили, убеждали и умоляли техников, снова начался артналет. Невдалеке разорвался тяжелый снаряд, нас обдало горячим воздухом, и мы поспешили припасть к земле. Поднимаемся - снова взрыв. Воздушной волной прямо на глазах расшвыряло гору пустых ящиков, перевернуло бочку с водой. Инженер второй эскадрильи Николай Юдин, выскочив из укрытия, скомандовал:

- Живо по щелям!

Техники Яков Шашков, Иван Зубков, Антон Мирный и Александр Крючков как ни в чем не бывало спокойно шагали к мастерским. Над головами снова послышался свист, снаряд разорвался совсем близко, и техники поспешили в укрытие.

- В вилку берет, - проговорил Юдин, раскуривая папиросу. - Все целы, никого не засыпало?

- Порядок! - отвечает за всех Яша Шашков и начинает гадать; если в течение пяти минут будет спокойно, значит, артиллеристы пошли обедать.

Затихло как будто бы надолго. Отряхнувшись, мы вышли наверх. В воздухе еще висела мутная пелена. От свежей воронки несло пороховой гарью. Да, пейзаж основательно изменился: вокруг разбросаны вырванные корневища, сломанные ветки деревьев, обрывки проводов, земля разворочена. Никто, к счастью, не пострадал, но ощущение такое, будто мы находимся под прицелом, и враг наблюдает за нами.

А работа не ждет. Юдин торопит людей. Николай Федорович неутомимый труженик, большой специалист, готов в любое время поспешить на выручку. Недавно, что называется, поставил на ноги старый самолет иностранной марки "Вальти". Всю ночь под артиллерийским обстрелом работал с техником Моисеевым. Машину ввели в строй.

На Юдина мы с Шиловым и возлагали надежды,

- Николай Федорович, золотой вы наш человек, выручайте! - умоляем его.

- А вы заставьте их, подлецов, прекратить огонь, - он показал в сторону леска. - Когда свистит над головой, сами понимаете, какая производительность...

Мастерские оживают. Засновали, забегали мотористы, техники, стучат молотки, слышен скрежет металла. Раздаются команды: ра-а-аз, ра-а-аз, взяли! Шок, вызванный артналетом, проходит. Работа идет споро, надо торопиться. Я не отхожу от своего самолета, засучив рукава, помогаю.

Необычайно оживленный, появляется Алибек Ваниев, как всегда с пачкой газет.

- Ур-ра комсоргу! - кричат ребята. - С чем пожаловал?

Алибек многозначительно улыбается, разворачивает газету "Большевистское знамя".

- Сейчас я вам прочту письмо внуков и правнуков запорожских казаков ефрейтору Адольфу Гитлеру!

Об этом письме мы уже знали понаслышке.

- Давай, давай! - послышалось со всех сторон. - Читай, только с выражением.

"Ти, підлий Іуда і гад, напав на нашу Країну Рад і хочеш забрати у нас фабрики і заводи, землю, ліси і води і привезти сюди баронів, капіталістів таких, як ти, бандитів і розбишак-фашистів. Та цьому ніколи не бувати.

Ми зуміємо за себе постояти. Не бачити тобі нашої пшениці і сала, щоб тобі в рот собака... Не хвалися, йдучи на рать, нам на тебе..."

Эффект блестящий, ведь Алибек заменяет многоточия соответствующими выражениями. Ребята хохочут, каждый спешит добавить от себя словечко с перцем. Ваниеву не удается дочитать письмо до конца. Снова обстрел.

- В укрытие, в укрытие! - раздается команда. Мимо нас промчалась "скорая помощь". Близкий взрыв, люди рассыпаются кто куда. К нам в траншею падают оружейник Мотовец и механики Москвитин и Кацен. Бледные, запыхавшиеся, губы дрожат.

- Что случилось, почему "скорая"? - спрашиваем.

- Техника по вооружению Николая Тыркалова, кажется, наповал, - с трудом выдавливает из себя Владимир Москвитин,

Ранены также инженер первой эскадрильи Николай Бутов и техник Семен Ермаков, который обслуживал машину Шестакова. Два снаряда разорвались вблизи стоянки, самолет поврежден.

Обстрел продолжался около часа. Но не успели мы, воспользовавшись затишьем, выбраться из окопов, как раздался сигнал воздушной тревоги. Шесть "Юнкерсов" сбросили на мастерские зажигательные бомбы. Деревянное строение вмиг охватило пламя. Правда, незадолго до этого техники вывезли отсюда все ценное имущество.

Вслед за Шестаковым и я пустился бежать к ангару. Там командир БАО Погодин, комиссар Клейнерман с группой солдат уже орудовали баграми, кирками. Шестаков, закопченный, с ссадинами на лице, сам гасил пожар, отдавал распоряжения и разносил Погодина: песка не хватало, воды и вовсе не было. И борьба с огнем оказалась безуспешной. Все кончилось в

считанные минуты. Артобстрел, однако, не должен мешать выполнению заданий. Капитан Полоз ведет шестерку в район хутора Ильинка, где противнику удалось потеснить подразделения 421-й стрелковой дивизии. Командование просит срочно нанести удар с воздуха.

Самолеты круто набирают высоту и отворачивают вправо.

А вражеские артиллеристы снова обрушивают на нас удары. Теперь регулярно, три раза в сутки. Летчики поднимаются с аэродрома под свист падающих снарядов. Методические артналеты затрудняют также подготовку материальной части, но наши ребята уже привыкли, приспособились, и, прежде чем разорвется первый снаряд, машины уже заправлены горючим, обеспечены боекомплектами.

Но при всем том положение наше незавидное. В штабе оборонительного района был поставлен вопрос о дальнейшей работе истребительного полка. Передислоцироваться нам некуда, но и летать дальше в таких условиях нет возможности: едва взлетаешь с аэродрома, как сразу же попадаешь под зенитный обстрел.

Надо было уничтожить фашистскую дальнобойную батарею, не дававшую нам дышать. Шестаков вызвал нас с Шиловым.

- Вот что, хлопцы мои дорогие, есть интересное и сложное задание. Беретесь выполнить?

Мы согласно кивнули головами.

- Тогда приступим к делу... - Шестаков разложил карту, и мы стали обсуждать план действий.

Район расположения батареи известен; безымянная высота на южной окраине Ильинки. Враг потеснил здесь наши части и сразу же установил дальнобойные орудия, чтобы парализовать аэродром.

Задача ясна, и мы, гордые оказанным доверием, даем клятву любой ценой уничтожить вражеские пушки. Самолеты подготовлены. Техники Филиппов и Подгорецкий с подчеркнутой вежливостью и вниманием относились к малейшей нашей просьбе - "Есть!", "Слушаюсь!", "Сейчас будет сделано!" - видимо, знали, на какое задание мы шли.

Я с самого начала предупредил Шилова, чтобы не отрывался: наверняка встретим "мессеров", придется отбиваться.

Но, к удивлению, в воздухе все было спокойно. У высоты южнее хутора мы ничего не обнаружили. Гладкие скаты, редкий кустарник, на пригорке щиплют траву две коровы... Еще и еще разворачиваемся, идем на снижение. Где-то же должна быть эта проклятая батарея! Злое упрямство овладевает мной. Делаю новый заход, снижаюсь... Похоже, сверкнул солнечный "зайчик"...

Внимание, это может быть отблеск от бинокля или стереотрубы... Да вот же она, батарея! Ничего не скажешь, хорошо замаскировались пушкари! Даже кустарник насадили вокруг, сетями прикрылись, дерном обложили дорожки... Ну, держись, проклятый захватчик!

Нам никто не мешал, и мы точно в цель сбросили бомбы, со второго захода дали залп из пушек.

Шестаков был доволен:

- Мастерская работа! Жаль, конечно, коров, пострадали, можно сказать, невинно! Но ничего не попишешь! Зато относительно спокойную жизнь мы теперь себе обеспечили.

Как и следовало ожидать, через несколько часов над нами появилось более десятка бомбовозов. Пролетели над аэродромом, но не смогли его выявить и развернулись в сторону станции Одесса-Товарная. Станцию охраняла первая эскадрилья капитана Асташкина. В это время часть машин находилась в воздухе, остальные были тщательно замаскированы.

Сделав круг на большой высоте, "Юнкерсы" начали в беспорядке сбрасывать груз. Бомбы посылались на железнодорожную станцию, некоторые угодили в деревянные склады. Вспыхнул пожар. А рядом находились эшелоны с боеприпасами. Тревожно загудели паровозы, взывая о помощи, десятки людей, которые находились поблизости, бросились спасать военное снаряжение.

Техник звена Николай Григорьевич Нагайченко, механики и мотористы Керекеза, Буланчук и Пеньковский поспешили на станцию. Под разрывами бомб, в сплошном дыму они расталкивали вагоны, отгоняя их подальше от огня. Один паровоз уже стоял под парами, но машиниста почему-то не было на месте. Его заменил сержант Керекеза.

Проявил находчивость и Виктор Сусанин. Ему попеременно пришлось быть и сцепщиком, и стрелочником, расчищать пути от бревен и обломков.

Вражеские самолеты улетели. Но на Товарной еще долго клубился дым, лязгали буферами вагоны, перекликались паровозные гудки.

Подвиг наших ребят из первой эскадрильи стал известен всей Одессе. О нем узнали в обкоме партии, в штабе оборонительного района. Контр-адмирал Жуков потребовал от Шестакова подробного доклада об участии авиаторов в спасении воинских эшелонов. Отличившиеся были представлены к наградам. Агитаторы рассказывали о них в беседах, газеты поместили статьи о подвиге летчиков.

Глава XVI.

Мы теряли друзей боевых...

Полк вел усиленную разведку аэродромов противника. Нам повезло: сбитый и взятый в плен несколько дней тому назад вражеский летчик сообщил о том, что с запада прибыли новые авиационные части, и указал приблизительно место их базирования. Надо было проверить достоверность этих показаний. Мы с Малановым и Алелюхиным вылетели на разведку и обнаружили в районе сел Бадей и Зельцы два полевых аэродрома! На одном из них по нашим подсчетам находилось не менее тридцати "Мессершмиттов", на втором до десятка бомбардировщиков.

Выслушав наши доклады, Шестаков немедленно вызвал командиров эскадрилий, инженеров, начальников служб.

- Разговор у нас будет короткий, - сказал он. - На завтра к четырем утра все, что способно летать, должно быть в полной боевой готовности. Все.

Ночь выдалась тревожная. Часа в три я проснулся от нарастающего гула самолета. Чужой... Наскоро одевшись, выбежал за дверь. Небо чистое, ясное. Над аэродромом кружит "Хейнкель". Развернулся, ушел на запад, оставив после себя парашют. Едва я успел скрыться в помещении, как раздался страшной силы взрыв. Оказалось, что "Хейнкель" сбросил на аэродром торпеду. Ветер отнес ее немного в сторону, и взрыв не причинил сколько-нибудь заметного вреда.

Почти одновременно со стороны моря послышалась стрельба орудий. Сразу не могли даже сообразить, в чем дело. Да это же бьют корабли! Пришла из Севастополя долгожданная помощь осажденной Одессе. Мы переговариваемся, возбужденные. Может, это и есть начало перелома, которого мы ждем со времени выступления Сталина по радио?

Командиры эскадрилий торопят нас:

- Живей, хлопчики, живей, потом выясним, что к чему!

Полк выстраивается у штаба, Шестаков сообщает о предстоящей операции: основной удар (группу ведет он сам) нанести по аэродрому Баден, Рыкачев - по Зельцам. Лейтенант Кутейников двойкой штурмовиков Ил-2 подавляет зенитные точки, звено капитана Демченко прикрывает основную группу.

- Есть вопросы? - спрашивает Шестаков. Он, как всегда подтянут, бодр. Глядя на него, думаю: когда он успевает отдыхать? Ведь этой ночью он совсем не спал: с начальником штаба и комиссаром полка разрабатывали план операции, потом проверяли готовность.

Наступает самая напряженная минута: отбор летчиков. Машин не хватает, следовательно, полетят не все. Стоим, как на

иголках. В предрассветной тишине зычно разносится голос майора:

- Алелюхин, Шилов, Маланов, Тараканов, Стребков, Серогодский, Королев, Дубковский, Саркин, Песков, Шумилов, Ткаченко, Демченко, Лузиков, Шишкин...

Ребята довольны, отвечают четко:

- Есть!

- Есть!

Я недоумеваю. Как же так, думаю, летал в разведку и меня же обошли. Обидно...

Шестаков еще раз обвел строй пристальным взглядом.

- Череватенко! Что приуныл? Пойдешь у меня ведомым!

Я вздохнул с облегчением. Словно камень с сердца сняло. Большая честь летать ведомым у командира полка.

Последние указания: быть осмотрительным, не увлекаться. И вот, наконец, звучит команда:

- По самолетам!

Один за другим взмывают в небо двадцать "ястребков", за ними набирает высоту пара "Илюшиных".

На подходе к цели снижаемся с приглушенными моторами. Издали замечаю остроконечные черепичные крыши, ровные четырехугольники огородов, широкую пустую улицу. Не нравится мне это дело... "А что если противник перегнал самолеты в другое место?" - закрадывается тревога. И почти тотчас обнаруживаю "пропажу" - ряды "мессеров" по краю леска, палатки, в конце поля два транспортных "Ю-52". Глаз улавливает на земле какое-то движение. Видимо, механики и мотористы готовят машины. Они-то первыми и заметили наше приближение. Но поздно! Мы уже над целью и ничто не в силах помешать нам. Плавно отжимаю от себя ручку, "ишак" стремительно идет за машиной командира полка. Первый удар из бортового оружия. Горят палатки, в городке переполох. Но это, так сказать, вступление, увертюра. Главное впереди.

Самолеты противника расставлены на открытом поле, в два ряда, под линейку, на одинаковом удалении друг от друга. Открыты и уязвимы, никакой маскировки. Или не успели, или решили, что им уже нечего бояться.

После четырех заходов на стоянках пылало более двух десятков огромных костров. Горели самолеты, взлетали в воздух цистерны с бензином, взрывались штабеля снарядов и бомб.

Последний, завершающий удар, и ведущий подает команду;

- Строиться!

Мы уходим. Нам вслед ухают зенитки, но снаряды уже не долетали до нас. Тявкнули еще несколько раз и умолкли.

Кутейников и Давыдов еще ходили у них над головами.

Может быть, впервые за все дни обороны Одессы мы испытали истинное удовлетворение результатами своей работы. Внезапный, хорошо подготовленный налет нанес противнику немалый урон. По данным наземной разведки, все, что было на аэродроме Баден, практически перестало существовать.

В Зельцах группа Рыкачева тоже нанесла основательный удар по вражеским войскам. Было убито и ранено более 150 солдат и офицеров.

По возвращении мы тщательно проанализировали результаты операции. Летчики увлеченно рассказывали эпизоды прошедшего боя, каждый делился своими наблюдениями.

Шестаков был озабочен. Его угнетали потери. С каждым днем полк таял. К 22 сентября только вторая эскадрилья потеряла одиннадцать летчиков из восемнадцати. Погиб младший лейтенант Иван Беришвили из эскадрильи капитана Демченко. Защищал в бою ведущего. Израсходовав все боеприпасы, отважный грузин пошел на таран. Врага уничтожил, и сам погиб.

Не вернулись с задания лейтенанты Яковенко и Бакунин. Разбился Михаил Стешко. Сбили над Сухим Лиманом Павла Эсаулова и Ивана Засалкина. Сгорел в воздухе Василий Ратников. 14 сентября в воздушном бою над хутором Важный были сбиты командир первой эскадрильи Михаил Асташкин и летчик Георгий Живолуп.

Потеря Асташкина была особенно чувствительна и тяжела. Асташкин - пилот чкаловской выучки, летал уже добрый десяток лет. Командир полка прислушивался к его замечаниям, часто советовался с ним, если речь шла о новых тактических приемах ведения воздушного боя. Спокойный, уравновешенный, Михаил Егорович никогда не подчеркивал своего превосходства над молодыми, был их внимательным и терпеливым наставником, личным примером в бою показывал, как надо бить врага.

Вот что рассказывали те, кто видел гибель комэска: - Мы штурмовали скопления вражеской техники. Зенитки вели яростный обстрел. В момент пикирования снаряд разорвался в самолете капитана. Высота была вполне достаточная для того, чтобы воспользоваться парашютом. Но под крылом земля, занятая врагом. И комэск направил машину в скопление войск противника.

Стали известны подробности гибели и комиссара нашей четвертой эскадрильи Семена Андреевича Куницы. Преследуя "мессера", он попал под обстрел врага. Машина вспыхнула. Комиссар, в надежде спасти самолет, не спешил выбрасываться с парашютом, тянул поближе к передовой. Но "ястребок" стал в

воздухе разваливаться на части, и лишь тогда Куница раскрыл белый купол. Его обстреляли из пулемета. Упал он на ничейную полосу. Когда пехотинцы подобрались к нему и стали освобождать от лямок, комиссар был без сознания. Врачи насчитали на теле Куницы тринадцать пулевых ран.

Тяжкой болью отозвалась в наших сердцах смерть боевого комиссара. Мы поклялись отомстить за погибших товарищей.

Глава XVII.

Бой над морем

После полета на Баден и Зельцы мы узнали, что на рассвете близ села Григорьевки высадился третий полк морской пехоты. А в час ночи у поселка Булдынка был сброшен воздушный десант. Корабли огнем своих батарей поддерживают наступление моряков.

Рыкачев наскоро выпил стакан чая и поспешил из столовой. За ним последовали инженеры Кобельков и Орлов.

Комиссар полка сообщил, что с минуты на минуту ожидается приказ подняться в воздух и идти охранять корабли.

Не успели мы докончить завтрак, как в столовую влетел Лев Львович и Рыкачев.

- Хлопцы, поторапливайтесь, - сказал командир полка. - Выходите на построение!

Итак, мы идем на помощь друзьям-морякам. Пока над кораблями не свистят бомбы, говорит Рыкачев, но если мы будем медлить... Сегодня нам предстояло впервые встретиться с фашистскими асами, которые раньше участвовали в боях на Средиземноморском театре против английского военно-воздушного флота. Это волки стреляные, матерые, и потому законом для каждого из нас должно быть: бдительность, взаимовыручка, натиск.

Уже через десять минут мы были в воздухе. Выйдя на боевой курс, увидели километрах в двадцати от берега военные корабли - эскадренные миноносцы "Безупречный", "Бойкий", "Беспощадный". Сердце бешено колотилось от радости: наши, родные, пришли на помощь Одессе...

Мы еще не успели приблизиться к цели, как заметили идущий с запада косяк "юнкерсов-87". До этого мы с ними встречались редко, но тактико-технические данные этих одномоторных бомбардировщиков знали хорошо. Самолет предназначен для удара по так называемым точечным целям, пикирует под большим углом.

Получилось так, что враг опередил нас на какую-то минуту и, пользуясь выигрышем во времени, с ходу атаковал эсминец "Бойкий". Корабельные зенитки открыли интенсивный огонь, но

"Юнкерсы", лавируя и изворачиваясь, шли в отвесное пике. Возле кораблей взметнулись фонтаны воды, бомбы упали и на палубу.

Атаковать противника оказалось делом сложным. Огонь наших батарей мешал приблизиться к самолетам противника на дистанцию действительного огня. Тому, кто осмелился бы на такой шаг, грозила опасность попасть под осколки своих же снарядов. Тем не менее, наша девятка была настроена по-боевому. Асы не имели охраны, и в этом было наше преимущество.

Ведущий, правильно оценив сложившуюся обстановку, отдал команду: перехватывать "Юнкерсы" на выходе из атаки, оттеснять подальше от кораблей и расправляться с каждым поодиночке.

С первого же захода Рыкачеву удалось поджечь "юнкере", второго подбил Королев, Они стали стремительно снижаться, волоча за собой черные хвосты. Наш наступательный дух поднялся, мы были полны решимости победить. Но и противник не собирался сдавать позиции. После потери двоих восьмерка не только не ослабила напора, а наоборот, стала действовать еще нахальнее. Несмотря на сильный зенитный огонь кораблей, на наши непрерывные атаки, фашисты с бешеным исступлением бросали самолеты в отвесное пике, стремительно набирали высоту и под вой сирен и грохот разрывов снова пикировал.

Полчаса длился этот поединок, пока, наконец, измотанные, фашисты вынуждены были пойти на попятную. Нам удалось отрезать от основной группы пару "Юнкерсов", прижать их к воде. Остальные, поняв, что к кораблям им уже не прорваться, сбросили остаток бомб с горизонтального полета и стали поспешно отходить.

Труднее пришлось второму эшелону, который пришел нам на смену. Его вел капитан Елохин. Фашисты во что бы то ни стало решили потопить советские корабли. Девятнадцать вражеских пикировщиков закружили над эсминцами.

Несмотря на превосходящие силы противника, Елохин не растерялся и принял решение расчленять его боевые порядки. Семерка "Юнкерсов" завязала бой с "ястребками", остальные прорвались к кораблям и, невзирая на плотный огонь с палуб, стали атаковать эсминец "Беспощадный". Несколько фугасок попало в полубак, вспыхнул пожар. На корабле появились раненые. Зенитные батареи ослабили стрельбу, и, воспользовавшись этим, противник повторил атаку. Однако и на этот раз встретил сокрушительный отпор. Эсминцы, израненные, почти на последнем дыхании, все же добрались своим ходом до Севастополя, где их "подлечили", и они снова стали в строй.

А тем временем десант продолжал бои восточнее Новой

Дофиновки.

После артиллерийской подготовки в наступление пошли войска восточного сектора Одесского оборонительного района. Удар с суши и с моря ошеломил противника. К исходу дня наши войска овладели Чебанкой, Новой Дофиновкой. Основные силы и десант соединились.

Врагу был нанесен большой урон в живой силе и технике. Он потерял около шести тысяч убитыми и ранеными, наши части захватили 85 орудий, 6 танков, много другого военного снаряжения.

Одна дальнобойная пушка была доставлена в Одессу, на ее щитке были выведены слова: "По Одессе больше стрелять не будет!"

Большую помощь десантникам в осуществлении этой операции оказали и летчики. Дальнебомбардировочная авиация Черноморского флота наносила удары по резервам противника в его тылах.

Во время короткого перерыва между полетами начальник связи полка капитан Яков Носычев сообщил приятную новость: моряки-десантники продвинулись от села Григорьевки на запад и юго-запад на двадцать километров. Но противник пустил в ход танки, и наши просят поддержать их с воздуха.

Мы вылетаем. Наша шестерка разворачивается над Григорьевкой. Рыбачье село растянулось длинной грядой по крутому морскому берегу. В сентябрьской дымке тонут желтеющие осенние сады. На крыше самого высокого строения Григорьевки гордо реет красный флаг.

Некоторое время кружим над степью: надо определить, где проходит передний край. Снизившись, обнаруживаем на западных склонах возвышенности шесть вражеских танков, которые ведут интенсивный огонь по цепям наступающих морских пехотинцев.

Делаем разворот. Танки начинают сползать в долину. Две машины на полном ходу пытаются проскочить полосу камышовых зарослей и увязают в болоте. Тут мы и сбрасываем бомбы. Танкисты выскакивают на ходу из танков и попадают под огонь наших пулеметов.

Ищем своих. В конце концов замечаем маленькие черные точки на светло-желтом фоне жнивья. Моряки машут бескозырками, приветствуя летчиков.

На обратном маршруте вторично прошли над Григорьевкой, мысленно посылая поздравления рыбакам по случаю освобождения села от оккупантов.

Значение операции 22 сентября нам стало известно позже. Оказывается, что разгром вражеского аэродрома в Бадене, охрана

кораблей и полет на Григорьевку - не отдельные эпизоды, они являлись звеньями одной цепи. Уничтожив группу вражеских самолетов, мы лишили "Юнкерсов" их надежного щита. Вот почему пикировщики, которые ставили целью потопить корабли, летали без прикрытия.

Десант у Григорьевки оказал неоценимую поддержку защитникам города. Враг вынужден был оттянуть свою артиллерию, которая обстреливала порт и предприятия Ленинского района. Одесса с облегчением вздохнула.

Глава XVIII.

Передислокация

Самолеты искусно замаскированы. И все же гарантировать безопасность нельзя. Линия фронта проходит рядом. Ежедневно десятки раз над нами пролетают разведчики, фотографируют местность, высматривают цели. Командиры отправились в эскадрильи, чтобы еще раз проверить надежность маскировки. Надо было углубить капониры, накрыть зеленью свеженасыпанную землю. Настрого запрещено передвижение людей по летному полю среди бела дня... Параллельно ведутся разговоры о передислокации. В штабе собрались комэски, инженеры, комиссары. Обсуждается один вопрос: найти выход из создавшегося положения. Летать практически невозможно, дольше оставаться на этом месте нельзя. Словно в подтверждение звучит сигнал воздушной тревоги. Все покидают помещение. Наблюдатель докладывает: две группы "Юнкерсов-88", высота три тысячи метров, идут на аэродром.

Восемнадцать машин плывут крыло в крыло, будто связанные. По надрывному гулу нетрудно определить: нагружены до отказа. Стоим на бруствере, прикрывая ладонью глаза.

- Ложи-и-и-сь! - кричит кто-то срывающимся голосом.

Поначалу слышится едва уловимый свист. Но вот он нарастает, приближается. Именно звук, словно тяжелый молот, клонит человека к земле. Преодолевая этот первобытный страх, высовываю голову из траншеи и вижу, как от плоскостей отрываются и, кувыркаясь, стремительно падают вниз овальные чушки. И почти тотчас упругая волна властно прижимает меня к стенке, забивает дыхание. Валятся, как подкошенные, деревья, громыхает сорванное с крыш железо, осыпается земля. Взрывы следуют один за другим. Кажется, еще один - и земля расколется на части и погребет тебя, ничтожно малую пылинку в этом хаосе.

Наконец наступает тишина. Выбираюсь из щели наверх, отряхиваюсь. Мир словно остановился в своем движении. Чувствую себя оглушенным и только по белым шапкам разрывов, возникающим в небе, понимаю, что наши зенитки продолжают

пальбу. Но выстрелов не слышу.

Постепенно приходим в себя, силимся улыбаться, шутить. Чистимся. Сколько на нас пыли, грязи! Трудно узнать Елохина. Костюм испачкан, новенькие сапоги... Какая жалость!

- Эх, увидела бы меня сейчас жена... - растерянно говорит он, поправляя пилотку.

- Да уж не думал - не гадал, что придется вот так носом землю пахать, смущенно бормочет Алелюхин.

Аггей Александрович долго шарит в карманах брюк и, найдя табак, пытается свернуть "козью ножку". Но у него никак не получается: бумага рвется, табак рассыпается. Он чертыхается себе под нос. И тут нас разбирает смех. Ну и ну, бывали ведь и не в таких переделках, но головы не теряли, а тут... Впрочем, все объяснимо: в небе мы орлы, от противника не прячемся, сами атакуем, а на земле чувствуем себя безоружными и бессильными,

Из щелей выбрались Алелюхин, Шилов, Королев, Сечин... Нет Маланова. Комэск забеспокоился:

- Где Алешка? Разыскать!

А вот и Маланов. Однако вид у него... Костюм, будто корова жевала, Шилов начинает над ним подшучивать, и Алексей огрызается незлобиво:

- Погляди на себя, чучело огородное! Елохин крепко прижал к себе Маланова.

- Цел и невредим, ярославец? А мы уж думали, мил человек, что тебя где-то придавило...

- Да я бессмертный! - басит Маланов. - Хотя... - он наклоняется и поднимает с земли обуглившийся ребристый осколок. - Нд-а-а, такая штука стукнет по башке - и прости-прощай, родная!

Просигналили отбой, и все побежали на командный пункт. Больно было видеть изуродованное летное поле. Десятки глубоких и мелких воронок, черные глыбы вывороченной земли, словно раны на живом теле. Поблескивают совершенно невинные с виду разноцветные игрушки - красно-белые шарики, голубые "бабочки", зеленые "лягушки". Но они начинены взрывчаткой, тронь - и упадешь замертво. Однако хитрость врага давно разгадана, и нас на такие уловки не возьмешь. "Игрушками" займутся саперы. А мы спешим: каждому не терпится узнать, цел ли его самолет.

На стоянке уже хозяйничает мой неизменный помощник Алексей Филиппов.

- А где наш командир? - лицо его тревожно вытянулось.

- Жив, - успокаиваю его. - Все живы...

Техник уже успел осмотреть машину. Повреждений нет, кое-

где царапины. Но это не беда! Самолеты Маланова и Королева тоже в порядке. Так что в полной боевой готовности.

Кому досталось основательно, так это эскадрилье капитана Демченко. Одну машину опрокинуло воздушной волной, погнуло винты, в двух других осколками повреждены моторы. Есть и человеческие жертвы. Убит солдат из батальона авиационной охраны, механики Валерий Ефимов, Иван Бочкарев и инженер первой эскадрильи Николай Бутов ранены. Все происшедшее еще раз подтверждает: нельзя больше оставаться на старых местах, необходимо передислоцироваться. Но куда, если враг находится у стен города, если его артиллерия достает уже до предместий? Начальство по-прежнему обсуждает этот вопрос.

Между тем полеты продолжаются. Рыкачев ушел восьмеркой на Сухой лиман штурмовать вражеские танки. Мы своим звеном ожидаем приказа. Минут через сорок Рыкачев возвращается, но пока восьмерка кружит над аэродромом, заходя на посадку, на нее неожиданно сваливается десять "мессеров". Бой завязывается прямо над нашими головами, "Ястребки" забираются повыше, пикируют, немцы увертываются и сами атакуют наших. Все, кто снизу наблюдают за этим поединком, понимают: Рыкачев в невыгодном положении, у него на исходе боеприпасы, горючее. И противник, зная это, старается измотать наших ребят, заставить их идти на посадку, чтобы потом расстрелять поодиночке.

Помочь бы Юрию Борисовичу, да что поделаешь, сил у нас мало. Остается только кусать губы от досады да посылать проклятия...

"Мессеры" атакуют непрерывно. Одна наша машина подожжена. Летчик пытается сбить пламя, но поздно, самолет уже неуправляем и беспорядочно падает.

Мы вылетаем на задание, не дождавшись возвращения Рыкацева, не узнав, удалось ли спастись летчику.

...Минуло еще два дня налетов и обстрелов. И тут поступил приказ Катрова: переселяться на другую "квартиру". Всем эскадрильям. Наша, четвертая, последней покидает насиженное место. Лететь недолго. Вот оно, наше новое жилье. Делаем один круг и сразу идем на снижение. Шасси коснулось твердого грунта, машину подбросило, и она побежала вдоль низких домиков, покосившихся деревянных строений. Выбираюсь на крыло и только теперь замечаю, что самолет мой стоит на грунтовой дороге.

- Нравится? - машет рукой Елохин.

- Пока не разобрался... - отвечаю, оглядываясь кругом.

- Одесситы постарались, - улыбается Аггей Александрович, - помогли переоборудовать пустырь в аэродром. Конечно, не ахти,

но выбирать не приходится, и на том спасибо.

Аэродромом эту местность можно назвать с большой натяжкой. Взлетать и садиться здесь довольно сложно, гляди в оба, если не хочешь разбиться в лепешку. Вокруг торчат столбы, вблизи виднеется свалка, дальше окопы, рвы, земляные валы... Бог ты мой, куда же нас занесло! Но, как говорится, нет худа без добра. Для маскировки лучшего места, пожалуй, и не сыскать. Разумеется, если мы будем достаточно осторожны и не демаскируем себя. Самолеты удачно спрятаны между домиками в гуще садов. Они незаметны даже с малой высоты. Но взлетная полоса все же коротковата, да и грунт утрамбован недостаточно плотно...

Словно угадав мои мысли, Елохин говорит:

- А если дождь? Не иначе, как на волах, придется вытаскивать машины...

- Ничего! - стараюсь подбодрить и себя, и товарища. - Будем надеяться, что осень не подведет...

С самого начала получаем жесткий инструктаж: строго соблюдать правила маскировки. После отрыва от земли не набирать сразу высоту. Надо сначала на бреющем пройти через весь Большой Фонтан и только уже над морем забираться выше. Иначе засекут.

Командиры и штабисты долго и подробно наставляют нас. Особенно требователен заместитель командира полка Рыкачев. Недавно ему присвоили звание майора. В петлицах его гимнастерки поблескивают две новенькие шпалы вишневого цвета. Юрий Борисович держится солидно и ко многим неожиданно начинает обращаться на "вы".

- Товарищ старший лейтенант, - это он ко мне, - предупредите подчиненных: нарушителей маскировки буду наказывать самым строжайшим образом, вплоть до отстранения от полетов!

Знаем, тяжелая кара...

Козырнув, Рыкачев уходит, четко печатая шаг по сухой земле. Мы с Шиловым остаемся вдвоем. Миша смотрит в окно что-то уж слишком пристально и вдруг хватает меня за рукав:

- Гляди, да ну гляди же! И тут меня отыскала, родная моя! Да что удивляться, она меня и на краю света найдет...

Миша был взволнован. Мы знали, он любил Светлану. Как раз накануне войны они должны были расписаться. Теперь Шилов, когда речь заходила о его невесте и о планах на будущее, отвечал коротко:

- Разобьем Гитлера, тогда и свадьбу сыграем. Сейчас, глядя в окно на спешащую Светлану, Михаил и радовался, и огорчался. С

минуты на минуту мы должны были лететь на задание и ждали вызова. И не стоило перед вылетом расслабляться. Я понимал состояние Шилова. Поэтому не удивился, услышав его просьбу:

- Пойди ты, Алеша... Не могу я сейчас с ней встретиться... Она начнет плакать. Знаешь, у меня такое предчувствие, что вижу ее в последний раз... В общем, скажи, что я уже вылетел.

Я пробрался через густые заросли малины в соседний двор и вышел оттуда навстречу Светлане.

- Где Миша? - спросила она с тревогой в голосе. - Все в порядке? Ну, слава богу! Ох, если бы вы знали, с какими трудностями я сюда добиралась! Правдами и неправдами... Но где же Миша?

- Да в самолете уже, сейчас вылетаем. И мне надо спешить, ты уж извини, - неуклюже выкручивался я.

- Не обманываешь? - Светлана недоверчиво и строго посмотрела на меня.

- Да нет же! - поспешно заверил я девушку, чувствуя, что краснею безбожно. - Через час вернемся. Честное лейтенантское! - крикнул уже на бегу. - Жди-и-и!

Задание было обычное: ударить по железнодорожной станции Выгода. Это была крупная перевалочная база противника. Летать сюда приходилось часто, и всегда мы обнаруживали тут скопление автомашин, повозок, товарных вагонов. А в эти дни, по данным наземной разведки, сюда прибыли эшелоны с войсками, колонны бензовозов. Станция усиленно охранялась зенитками, так что нам обычно крепко доставалось во время штурмовых налетов.

Наше появление над Выгодой не застало противника врасплох. Еще на подходе к станции перед "ястребками" встала заградительная стена из свинца и стали. Однако мы все прорвались и с ходу ударили по зенитным батареям. Пушки на какое-то время замолчали, и нам удалось хорошо "обработать" стоявшие в тупике эшелоны. Мы сбросили также снаряды и бомбы на склады боеприпасов, обстреляли скопление автотранспорта.

В пылу сражения мы как-то не обратили внимания на то, что вражеские зенитки молчали по-прежнему. Неужели мы подавили все батареи? Но когда стали набирать высоту для очередного удара, все стало ясно: с юго-западной стороны, на высоте двух тысяч метров шла группа немецких истребителей "Ме-109". Шилов, задачей которого было прикрывать штурмующую четверку, взмыл со своей тройкой вверх.

Ему с трудом удалось отогнать противника и дать нам возможность до конца выполнить задачу. Мы славно поработали: горели составы, взрывались цистерны с бензином. Теперь можно

было со спокойной совестью возвращаться домой. И тут "мессеры" с яростью обреченных снова набросились на нас, преграждая путь.

Значит, воздушный бой... Ну что ж, принимаем. Я выровнял машину и бросил взгляд влево: Шилов сделал отвлекающий маневр, взял огонь на себя. Его звено продолжало сражаться с пятеркой вражеских самолетов, и мы ринулись на помощь друзьям. Шиловский "почерк" нельзя спутать ни с чьим другим: только он мог так ловко надуть противника - резко убрал газ и ввел машину в скольжение. Обманутый фашист проскочил на большой скорости, а Миша ударил ему вслед из пушки. "Мессершмитт", объятый пламенем, упал рядом с железнодорожной насыпью. Я в восторге закричал "ура".

Однако радоваться было пока рано. Уже в следующую минуту стало совершенно ясно, что бой складывается не в нашу пользу. Численное превосходство противника все же давало о себе знать. Пока сбитый "мессер" догорал на земле, а Шилов, разворачиваясь, набирал высоту, мы бросились выручать двух его ведомых. Тем временем и на Шилова насел воздушный пират и уже не отставал от него. Дважды увернулся наш товарищ от прицельного огня и снова фашист, изловчившись, зашел снизу. Длинной очередью самолет Шилова был сражен: очевидно, снаряд попал в бензобак, потому что машина загорелась, потеряла управление и начала резко снижаться. Сердце мое замерло в напряжении: неужели Михаил ранен? Почему он не планирует к нашей территории? Ведь смог же Алелюхин спастись в почти сходной ситуации...

И вот финал: горящий "ястребок" падает в самую гущу вражеских танков. Взрыв, клубы черного дыма взметнулись к небу... Отбиваясь от наседающих "мессеров", ищу глазами белый купол парашюта, молю о чуде. Но чуда не происходит, погиб мой боевой товарищ. Если он видел свой неизбежный конец, то не мог поступить иначе. Вспоминаю, как в минуты откровения Шилов говорил не раз: "Биться надо до последнего и если уж умирать, то как Гастелло. Только тогда можно считать, что до конца выполнил свой долг..."

Мы совершили круг над местом падения "ястребка". Прощай, наш добрый, милый товарищ! Прощай, лейтенант Михаил Шилов! Ты умер, как герой.

После посадки я шел мимо капонира, где обычно стоял самолет Шилова. Вокруг валялась промасленная ветошь, металлические костыли. Под вишней на разостланном брезенте сидел друг и верный помощник Шилова техник Мина Подгорецкий. Низко опустив голову, он тихо плакал. Я сел рядом, пытаясь как-то утешить его.

Мина вытер ладонью лицо, стал расспрашивать подробности. Потом, помолчав, словно клятву, произнес:

- Приеду я на эту самую Выгоду после войны, поклонюсь праху товарища...

- Мы отомстим за Мишу, - сказал я и подумал о том, что предстоит мне еще одна трудная встреча - со Светланой, которая так и сидела на лавочке у калитки, ожидая возвращения своего друга.

Глава XIX.

Уклонение от курса

Всего несколько дней после григорьевского десанта одесситы спали более или менее спокойно. Но потом начались тревоги, еще более частые, еще более изнурительные. Теряя своих солдат и технику, оставляя за собой кровавые следы, враг упорно продвигался к городу. Фронт стоял так близко, что до передовой можно было добраться трамваем: двадцать минут езды - и прыгай в траншею, занимай место для ведения огня.

Мы жили в своем закутке между пятой станцией Большого Фонтана и первой станцией Черноморской дороги. Сейчас здесь разросся город с широкими улицами, площадями, высотными домами, а в сорок первом это была городская окраина. Широкий выгон, где по утрам старухи пасли коз, и стал взлетной площадкой истребительного полка. Освоили мы новый аэродром быстро. Взлетали и садились, заботясь об одном: как бы не засек вражеский разведчик, весь день шнырявший в поисках так внезапно исчезнувшего авиаполка.

Этот проклятый разведчик выматывал всю душу. Нас буквально преследовало его жужжание, и во сне снилась эта гадина с крестами на плоскостях.

Однако постоянное чувство опасности как бы дисциплинировало всех нас. Взлеты мы отработали, что называется, ювелирно: от аэродрома почти над крышами, по-пластунски, пока обстановка не позволяла набрать высоту. Посадки производили почти бесшумно и, главное, быстро. А наши наземные ангелы-хранители, механики и техники! Возвращаешься с задания, и лишь только самолет коснется колесами земли, пробежит сотню-другую метров, как рядом, словно из-под воды, появляются они, наши верные помощники: закатывают машину в укрытие, маскируют ветками и сетями - попробуй обнаружить! И все это молниеносно, А ведь такие манипуляции им приходилось производить по несколько раз в день!

Новое место дислокации оказалось недосягаемым и для вражеской артиллерии. Первое время, во всяком случае. Объяснялось это еще и тем, что майор Погодин подстроил

ловушку для противника: на старых взлетных площадках были расставлены фанерные макеты наших машин. Туда и направили артиллеристы всю мощь своего огня. Прошло довольно много времени, прежде чем фашисты поняли, что палили, как в той пословице говорится, "из пушек по воробьям".

Однако после этого воздушные разведчики не давали нам покоя. "Хейнкели-111", "Юнкерсы-88", и особенно вездесущие "Хеншели-126". Последние - это уже были не просто самолеты, а какие-то прилипалы. Если уж "Хеншель" тебя обнаруживал, то избавиться от него было делом довольно сложным. Случалось, этот самолет преследовал на дороге одинокого всадника, пикировал с большой высоты на повозку с дровами. Словом, маневренность этой машины была очень высокой.

Наши зенитчики, в частности 4-я батарея 638-го зенитно-артиллерийского полка - лейтенанты Напренко, Дербенев, Курочкин, командир орудия младший сержант Лялюшко - за время обороны Одессы сбили десять вражеских самолетов. Однако "Хеншели" оставались неуязвимыми.

К этому времени к нам прибыло пополнение - боевые ребята Павел Головачев (впоследствии он стал дважды Героем Советского Союза), Василий Бондаренко (также удостоенный звания Героя) и другие.

Видя, с какой наглостью ведут себя вражеские разведчики, Головачев яростно возмущался, потрясая кулаками:

- Эх, проучить бы стервятников! Распороть бы брюхо да выпустить кишки...

Но осуществить это желание не представлялось возможным. Машин на всех не хватало, "своих" самолетов почти никто не имел. В бой уходили согласно распоряжению майора Шестакова. Деление не эскадрильи осталось формальным.

Мне почти всегда выпадало ходить на задание с командиром четвертой эскадрильи Аггеем Александровичем Елохиным. И теперь, спустя много лет, часто вспоминаю его, моего боевого друга. Уважали его не только за храбрость. Он был необыкновенно обаятельным, скромным человеком. Помню, в дни горячих боев ему исполнилось тридцать лет. Узнали мы об этом случайно, спустя несколько дней, Лев Львович пожурил его:

- Что ж ты, Аггей, не сказал ничего? Боишься, что в старики запишем?

Елохин, посмеиваясь, оправдывался:

- Не время сейчас праздновать. Вот разгромим фашистов, тогда уж вернемся к мирным семейным торжествам...

Летал Елохин на самые трудные участки фронта, хотя и то сказать легких не было. И всегда возвращался с победой. Только

однажды капитан точно не выполнил приказ. Но, как оказалось, не по своей вине, обстановка заставила.

Вот как это произошло. Был получен приказ нанести удар по войскам противника в районе села Свердлово. Выполнять задачу вылетели девять машин, которые повел капитан Елохин. Я был в составе этой группы, но вылететь мне пришлось последним: в моем самолете была повреждена система уборки шасси, и Филиппов предупредил с утра, что придется попотеть, но что к обеду все будет в ажуре. Я поэтому и Шестакову не докладывал. Однако, прибежав к стоянке, понял, что "ажура" еще нет. Положение оказалось хуже губернаторского: и самому перед командиром придется краснеть, да и технику не поздоровится...

До этого, правда, не дошло. Не успел я еще "накалиться" от злости и досады, как услышал желанное: "Полный порядок!"

Хоть и взлетел последним, группу догнал очень быстро и вскоре почувствовал себя спокойно и уверенно. Погода была подходящей: густые кучевые облака надежно прикрывали нас от зенитного огня и в то же время в широкие "окна" четко просматривалась земля. Вокруг пока было тихо, но обостренным чутьем летчика я не столько заметил, как "учуял" приближение врага. И действительно, наклонившись вниз, увидел: правее, встречным курсом плыл по воздуху какой-то караван. В следующее мгновение уже стали различимы шесть транспортных самолетов Ю-52, которые тянули за собой планеры. Воздушный десант!

Немедленно передал Елохину по радио, покачал крыльями. Но он, как видно, уже сам заметил и сориентировался. Не в его натуре пропустить такую добычу! Последовала команда: - Атаковать!

Моя машина, пробивая облака, стремительно мчится вниз. Я удачно вышел на "Юнкерсов" и выпустил длинную очередь из пулеметов. Потом еще и еще раз! "Юнкерс" вспыхнул, огненный факел пронесся над селом. Планер отцепился, некоторое время парил в воздухе, затем опрокинулся и плашмя упал на землю. Десятки солдат в горящей одежде бросились врассыпную, спасаясь от нашего огня.

Когда, набрав высоту, я глянул вниз, взору представилась такая картина: большое квадратное поле дымилось кострами - горели сбитые самолеты. Изуродованные планеры с поломанными крыльями неуклюже громоздились на земле. Десант практически был весь уничтожен.

Елохин, построив группу, повел ее на штурмовку главной цели. С двух заходов мы сбросили бомбы на скопление вражеской техники в районе Свердлове, обстреляли дорогу и повернули

домой. Комэск торопился: боекомплект мы израсходовали, горючего - в обрез, так что доведись встретиться с противником, вряд ли смогли бы принять бой.

На обратном пути я шел в первой четверке и поэтому не заметил, что двух замыкающих в строю нет. Лишь после приземления узнал о случившемся: капитан Стребков и лейтенант Щепоткин при атаке воздушного десанта противника столкнулись и погибли.

Потерять сразу двоих в одном бою - большая утрата. Полк тяжело переживал гибель товарищей. Стребков был начальником воздушно-стрелковой службы полка. Когда начались воздушные бои, он лично, на практике демонстрировал свое мастерство - стрелял метко, без промаха. Малообщительный, замкнутый, не любивший много распространяться о себе, этот парень воевал смело, бесстрашно. Мы помним о замечательном подвиге Стребкова, после которого застенчивый капитан вырос в наших глазах на целую голову.

...Каждый вечер в одно и то же время над авиационным городком появлялся вражеский разведчик. Зенитчики не могли с ним справиться. Многие наши ребята также пытались сбить его, но безуспешно. Фашисту всегда удавалось улизнуть. Прикончить разведчика удалось Стребкову. Он выследил его и с ходу навязал бой. С командного пункта группа офицеров следила за поединком. Одолеет ли Стребков мощного, до зубов вооруженного "Хейнкеля"?

Свободные от полетов находились в это время в столовой. Вдруг стены задрожали от сильного взрыва. Все мы поспешили выбраться из помещения, В каких-то пятидесяти метрах догорал изуродованный трофей капитана Стребкова. Не "Хейнкель", как думали мы раньше, - итальянский бомбардировщик "Савойя-Маркетти" с итальянским же экипажем. Командир едва подавал признаки жизни. Двое выбросились с парашютами и были взяты в плен, один погиб при падении.

Стребкова поздравляли. А он вел себя, как будто ничего особенного и не случилось. Было задание - выполнил, вот и все.

Щепоткину вскоре исполнилось бы двадцать три года. Парень он был смелый до отчаянности. В одном из боев в середине сентября он потерял свою машину и с тех пор доводилось ему летать на чужих: брал "взаймы", как шутили в полку. Подвижный, деятельный, Иван невыносимо страдал, когда случалось целый день оказаться не у дел, и как бурно радовался, если командир включал его в группу, вылетающую на задание.

И вот нет среди нас Стребкова и Щепоткина. Тяжело было смотреть на Шестакова. Слушая доклад ведущего Елохина, он все

больше мрачнел, кровь отхлынула от лица. Бледный, растерянный, он в первые минуты не мог вымолвить слова. Кого и в чем тут обвинишь? Умом Шестаков понимал, что война без жертв не бывает, но сердце не могло смириться. Обвинить ведущего в недисциплинированности и нарушении приказа не было оснований. Ведь помимо выполнения основного задания, сбили шесть транспортных "Юнкерсов" и шесть планеров, в которых было, по меньшей мере, сотни три гитлеровцев! И выходит, благодарить надо ведущего. Если бы не потеря двух летчиков...

- За каким чертом вы связывались с этим десантом! - с горечью воскликнул командир полка. - У вас же была совсем другая задача...

- Но мы ее выполнили! - оправдывался Елохин.

- Слишком дорогой ценой... - Шестаков повернулся и пошел тяжелым шагом смертельно уставшего, придавленного горем человека.

В штабной землянке ему подали телефонограмму от командующего оборонительным районом контр-адмирала Жукова. Майор пробежал глазами текст: "...благодарим за меткий удар, нанесенный врагу в районе северо-западнее Свердлово..."

- Конечно, не мог Елохин поступить иначе, да и мне доведись встретить этот транспорт, наверное, тоже повел бы в атаку, - сказал он вслух, обращаясь к начальнику штаба. - А хлопцев жаль, ох как жаль...

Глава XX.

Сухой лиман

Кто из одесситов не знает этого места! Узкая водная полоса глубоко врезается в материк, образуя крутые берега. В знойное лето лиман можно вброд перейти - вода едва до колен доходит. Отсюда и название Сухой.

В мирные дни лиман славился знаменитыми чуть ли не на весь мир (так по крайней мере утверждали одесситы) бычками. И ездили сюда завзятые рыболовы трамваем двадцать девятого маршрута.

Сейчас стояла осень, самое что ни на есть рыболовное время. Но не слышно на Сухом лимане веселых голосов любителей черноморской ухи и не поджидают своих хозяев, устало развалясь по песчаным отмелям, лодки-плоскодонки...

Изрыты траншеями берега, ощетинились стальными жерлами орудий. Ни днем, ни ночью не умолкают они, рвут на части воздух, землю, воду, копоть и дым закрывают солнце, все вокруг, до малейшей песчинки, пропитано гарью.

Еще в августе, когда гитлеровцы сделали заявление о том,

что Одесса скоро будет повержена, были предприняты попытки форсировать лиман. Но они остались безуспешными. Сейчас стоял октябрь. Бои продолжались с прежним ожесточением. Сухой лиман обороняли бойцы 25-й Чапаевской дивизии под командованием генерала Ивана Ефимовича Петрова, Каждый солдат знал этого прославленного командира, с любовью и уважением говорил о храбрости генерала, который запросто приходит в окопы выкурить самокрутку с бойцами, а при надобности может взять и винтовку...

Иван Ефимович наведывался и к нам в полк. Летчиков он называл лучшими друзьями красноармейцев,

- Вам бы техники побольше. - говорил он. - Сами вы орлы, а вот крылья, получается, подрезаны...

Внешний облик не выдавал в нем того храбреца, о котором ходили легенды. Среднего роста, подвижный, в пенсне с висящей цепочкой, он скорее напоминал старого учителя. При разговоре чуть подергивал головой - след контузии в годы гражданской войны.

На своем юрком газике Петров всегда появлялся там, где складывалась критическая ситуация. Комиссар полка Верховец рассказывал, как однажды под селом Дальник во время боя Петров занял место убитого командира роты и повел бойцов в атаку. Красноармейцы потом недоумевали, откуда пришел пожилой комроты, который так храбро увлек за собой молодых и необстрелянных.

Мы поддерживали чапаевцев с воздуха. Там было настоящее пекло. В боях над Лиманом мы потеряли Эсаулова, Мирончука, Бакунина...

Возвратившийся оттуда Алексей Маланов ходил мрачный, неразговорчивый. Оказалось, что Рыкачев устроил ему настоящий разнос и грозился строго наказать, если Алексей не прекратит своих довольно опасных экспериментов.

Дело в том, что Маланов наловчился пикировать под большим углом, рискуя врезаться в землю. На разборах полетов он всегда оправдывался тем, что только таким образом можно добиться высокой эффективности пушечно-пулемётного огня.

Конечно, он был прав, но самолеты наши так изношены, что прибавь им нагрузки, и они будут распадаться в воздухе. Так утверждали и инженер Кобельков, и командир полка Шестаков. А его опыт чего-то стоил, он воевал в Испании, на Халхин-Голе.

Но Маланов упорно стоял на своем, разбивая все доводы.

- А как же прикажете выкуривать из траншей автоматчиков? - возмущался он. - Ведь единственный способ - выжигать их навесным огнем! Снаряды должны ложиться точно в цель. Именно

потому, что самолетов мало, надо повышать качество боя.

Маланов знал, что такими приемами он подвергает себя опасности. Знал, но всякий раз, когда мы обрабатывали передний край на Сухом Лимане, снова брался за свое. В полку даже со временем прижился термин - "малановский уголок". Многие летчики поддерживали Алешку, повторяли его опыт, другие расценивали это как лихачество. Я и сам несколько раз бросал машину в отвесное пике, добиваясь точного бомбометания и обстрела из пулеметов, и убедился, что Алексеев "уголок" отлично помогал выполнить задачу. После такой штурмовки траншеи умолкали надолго. Кто же после всего удержится, чтобы не подражать Маланову!

Как бы там ни было, но Рыкачев, не сумев убедить Алексея, написал на него рапорт Шестакову. И все мы думали, что теперь Маланову не миновать неприятностей, Шестаков, наверное, отстранит его на время от полетов. Но обошлось и на сей раз. Дело в том, что Алексей лучше всех знал Сухой Лиман, все его извилины и закоулки. Маланов летел с нашей группой. Лев Львович только строго-настрого приказал быть предельно осторожным, без нужды не рисковать.

Итак, снова Сухой Лиман. Воспользовавшись сплошной облачностью, мы нагрянули внезапно, пробили облака и ударили по траншеям. На какую-то секунду мелькнула передо мной машина Алексея, и холодок пробежал по спине, Это был даже не "уголок", а отвесное падение, показалось, что самолет вот-вот врежется в землю. Однако летчик лихо вывел машину из пикирования и снова набрал высоту. Лейтенанты Королев, Громов, Фролов, Егоркин, Ткаченко также в своих атаках повторяли прием Маланова, проявляя большую осторожность.

Пять атак следовали одна за другой. Яростно, взахлеб палили зенитки. Но несмотря на этот неистовый огонь, мы выполнили задачу. Ведущий подал команду строиться. Уходя от разрывов зенитных снарядов, я стал набирать высоту и тут обратил внимание на то, что мой ведомый Петя Серегин внезапно исчез. Я стал искать его, оглядываясь вправо и влево, но вместо Серегина увидел в поле зрения разведчика - "Хеншеля-126".

Во мне заговорил охотничий азарт. Ну, держись, фашистская гадина!

Группа между тем построилась и стала быстро уходить, а я словно прирос к одной точке и никакая сила не могла оторвать меня от нее. Разведчик понял мое намерение и, сделав переворот, стал имитировать падение. Нет, меня не проведешь, я с этими штучками знаком! И действительно, над самой водой "Хеншель" вдруг выровнялся и прибавил скорость. Но я не отставал.

Мертвой хваткой вцепился в хвост, дал два коротких залпа. Но самолет, как ни в чем не бывало, спокойно удалялся в глубь своей территории. Ах, так?! Я выпустил по нему длинную очередь. Получай же!

Разведчик сначала накренился, клюнул носом и круто пошел вниз. Еще мгновение - ив небо взметнулись клубы дыма.

Пока я преследовал добычу, вражеские зенитки молчали, опасаясь поразить своего, но как только с "Хеншелем" было покончено, они начали палить по мне изо всех нор. Машину дважды сильно тряхнуло, у меня даже в глазах потемнело. В третий раз я подумал, что пришла пора распрощаться с белым светом: снаряд разорвался в фюзеляже самолета. Машина отказалась повиноваться, кидаясь, словно норовистый конь, из стороны в сторону.

Оказалось, в машине перебило рули ножного управления. Я понял, что группы мне, конечно, не догнать, дай бог, дотянуть до своего аэродрома. На мое счастье, в воздухе не оказалось противника, иначе со мной расправились бы в два счета.

Прижимаясь к земле, я все оглядывался, не преследуют ли меня. Действовать приходилось только ручкой: вниз-вверх, вправо-влево... Не знаю уж, сколько времени прошло, как вдруг я заметил, что с земли мне приветственно машут. Ура-а-а! Свои! На душе сразу становится легче. А вот и знакомая посадочная полоса. С ходу сажусь, "ястребок" катится строго по прямой, а когда скорость гаснет, самопроизвольно разворачивается и замирает в нескольких метрах от домика, где живет мой механик Филиппов.

Опоздал я всего на семь минут, но для летчика это целая вечность. За семь минут можно долететь до Раздельной и даже провести скоротечный бой...

Через огороды, прямиком, бежал Серегин и кричал, размахивая руками:

- Товарищ старший лейтенант! Вы живы! Жив старший лейтенант!

Оказалось, что в полку уже разнесся слух, будто меня сбили над Сухим Лиманом. Выходит, и похоронить можно за семь минут...

- Не знаю уж, что вы там думали, - говорю сурово, - а оставлять ведущего не положено...

Суровость моя напускная, я понимаю, что без уважительных причин Серегин никогда не оставил бы меня в бою. Да и если уж на то пошло, то не он, ведомый, нарушил порядок, а я, и мне сейчас придется держать ответ. Ну, а как же! Оторвался от группы, обуреваемый жаждой свести, наконец, счеты со

злополучным "Хеншелем"...

И я с замиранием сердца смотрю на приближающихся Шестакова, доктора Шанькова и инженера Кобелькова.

Они останавливаются у моей машины и некоторое время внимательно оглядывают ее. Федоров и Филиппов уже сосредоточенно копаются в ее нутре.

- Удивительно! - восклицает наконец Николай Яковлевич Кобельков. - Как это вам удалось привести самолет?

Удивляться было чему. Фюзеляж разворотило в нескольких местах, тяга руля глубины была настолько повреждена, что держалась в буквальном смысле на волоске, ножное управление полностью вышло из строя.

К машине подошло еще несколько летчиков. Все они ходили вокруг, охая и ахая, разводили руками, а я напряженно ждал, когда же меня спросят о причинах опоздания. Шестаков словно воды в рот набрал, подоспевший Елохин хмурился и сердито сопел. Зато Вася Серогодский, время от времени кидая на меня взгляд, ехидно подмаргивал: ему самому часто доставалось от командира полка за отрыв от группы, и я был в числе активных критиков, а вот теперь оказался на его месте.

Буря разразилась внезапно. Справившись у инженеров, сколько времени потребуется на восстановление машины, Лев Львович, не повышая голоса, обратился ко мне:

- Ну, докладывай, где гулял, казак молодой? - И не дав мне вымолвить и слова в ответ, огорошил:

- Списали мы тебя, Череватенко, со всех видов довольствия. Ты у нас уже не числишься...

Я понимал, что в командире полка говорит горечь и досада, но это уж было слишком сказано.

Между тем Шестаков уже обратился к Кобелькову:

- Как по-твоему, Николай Яковлевич, какая мера наказания полагается тому, кто преднамеренно отрывается от группы?

- Я думаю, что следует все же выслушать виновного, - осторожно заметил инженер.

- Давай, выкладывай, - жестко сказал Шестаков.

Уже окончательно сбитый с толку, я неуверенным голосом отрапортовал:

- В воздушном бою над Сухим Лиманом уничтожил разведчика-корректировщика "Хеншель-126", Самолет взорвался на земле, экипаж погиб...

- Очень вам благодарны, - ядовито произнес командир полка. - Но потрудитесь объяснить, кто вам дал право грубо нарушать дисциплину?

- Товарищ майор! Да ведь я сбил "Хеншеля"! Ведь от него

житья не было ни нам, ни воинам Чапаевской... Такой случай подвернулся... И все так удачно сложилось... - закончил я упавшим голосом.

- Это ты молодец! - майор подошел ко мне и положил руку на плечо. - Но должны же вы, черти полосатые, понять, что и у Шестакова сердце не бычье, а обыкновенное, как у всех, и что оно может болеть и страдать... - он смутился, боясь показаться сентиментальным. Помолчав, подозвал Серегина. Тот все это время, пока меня распекали, стоял поодаль.

- Ты прикрывал старшего лейтенанта? - спросил Шестаков.

- Я, товарищ майор!

- Ну вот сам посуди, правильно ли ты поступил? Уж раз твой ведущий ввязался в драку, не смеешь его оставлять, - Шестаков хмурился все больше. А ты, выходит, бросил товарища на произвол судьбы. Да ведь это не по уставу.

Серегин вспыхнул:

- Я во время боя потерял старшего лейтенанта из виду, - оправдывался он. - А когда построились и стали уходить, не имел права оставлять группу. Ведь это тоже не по уставу, - упрямо закончил Серегин.

- Да он не виноват, товарищ майор! - вмешался я. - Пожалуй, в данном случае даже лучше, что ушел. Зенитки просто бесились, мог пострадать, а так цел остался, и я живой...

- Помолчи, защитник! - Шестаков опять завелся. - Умники какие нашлись! Уж и не знаю тогда, кто из вас виноват. Один прав, что оторвался, второй прав, что не прикрыл... Ну просто герои!

Однако чувствовалось, что запал его уже прошел, суровый тон смягчился, хотя он и продолжал ворчать. Шестаков, что называется, отвел душу, пропесочив нас с Серегиным, а так как злополучный "Хеншель" был все-таки сбит, и это в какой-то мере смягчило мою вину, майор окончательно успокоился. "Герой там я или не герой, - думалось мне, - но и сурового наказания не заслуживаю, конечно..."

Чувствуя, что гроза миновала, я с облегчением вздохнул и опустился на сухую траву поодаль от покореженного самолета. Шестаков, Серегин и Шаньков сели рядом. Я полез в карман за портсигаром: от пережитых волнений страсть как хотелось курить. Карман был разодран, но я сразу не обратил на это внимания, на мне вся одежда была не в лучшем состоянии после этой передряги, бой был по всем правилам: и жарко и парко. Вытащив портсигар, я на минуту опешил и стал торопливо засовывать его обратно: на крышке была вмятина от осколка. Шестаков, заметив мою растерянность, перехватил портсигар.

Повертев его в руках, сказал доктору:

- Да он чудом уцелел! Вот, полюбуйтесь...

- Без сомнения, это след осколочного удара. Давай-ка, голубчик, я тебя осмотрю, - засуетился доктор. - Не может быть, чтобы тебя в этой переделке не ранило.

Меня действительно ранило в этом бою, но я хотел скрыть, как мне казалось, легкое ранение. Отлеживаться в санитарной части с таким пустяком мне не улыбалось, и я небрежно, чтобы не бросалось в глаза, зажал платком рваную рану на ладони. Теперь обман открылся, и я боялся поднять на командира глаза: он таких штучек терпеть не мог. Шестаков и вправду, поднявшись с земли, сказал, досадливо морщась:

- Видно, Алексей, не обойтись тебе без наказания... Вот прикажу доктору запереть тебя в изолятор на неделю, тогда, может быть, поумнеешь... Серегин, проводи Череватенко, чтобы не сбежал по дороге, - ухмыльнулся майор напоследок.

Шаньков тем временем промыл и забинтовал руку, сказав назидательно:

- Даже от маленькой царапины может быть большая беда! А эта твоя рана, факт, загноилась бы... Так что учти на будущее. И шагай в санчасть отсыпайся, набирайся сил. Затянется не раньше, чем через неделю.

Фельдшер Лена Семенова и медсестра Тася - заботливые наши спасительницы - встретили нас со слезами на глазах. "Ну, думаю, не по мне же плачут..."

- В чем дело, девчата?

- Разве вы не знаете? Маланов не вернулся, над Дальником сбили...

Мы с Серегиным так и застыли на месте. Так вот, значит, какие дела... Ах, Алешка, наш дорогой незабываемый Алешка! Вот и тебя мы потеряли.

Трое суток пролежал я в санитарной части. Изредка наведывались ребята. Молча войдут, молча посидят рядом. И у всех перед глазами словно живой стоит Алексей Маланов. Может быть, кто-то и скажет, что сознательно рисковать жизнью - это безрассудство. Но мы знали тогда: летчики все равно будут пикировать под крутым углом, по-малановски. Будут врезаться в землю, умирать, но не даром будут отдавать свою жизнь...

Я тяжело переживал смерть Маланова еще и потому, что этот чудесный ярославский парень был моим другом. Встретились мы с ним задолго до войны, в Ростове-на-Дону, где начинали службу под командованием Шестакова. Наша дружба закалилась и окрепла в дни боев за Одессу. Маланов располагал к себе искренностью, прямотой. И героизм его был не показным.

Алексей был честным тружеником войны, и этот повседневный труд являлся подвигом. Мы вместе летали на штурмовку позиций противника, охраняли ночное небо Одессы. За Сухим Лиманом громили артиллерийские батареи, выкуривали из траншей вражескую пехоту...

Не сосчитать - сколько трудных боев провели мы над опаленной солнцем украинской степью, и сколько боевых товарищей полегло там!

Спустя много лет после войны я приехал в Одессу. Стояла весна, цвели каштаны, на проспекте Мира у фонтана резвились малыши. Я смотрел на их веселые, беззаботные лица и думал о том, что, быть может, не было бы сейчас ни этого чистого весеннего неба, ни цветущих деревьев, ни смеющихся малышей, если бы в сорок первом не расплачивались за мир своей жизнью мои товарищи Алексей Маланов, Михаил Шилов, Семен Куница, Виталий Топольский, Михаил Асташкин, Николай Пискунов, Василий Ратников...

Я долго ходил по большому и шумному городу. Как он обновился, как разросся! Широкие улицы Юго-Западного массива напоминали проспекты, так много вмещали они света, солнца, зелени! И вдруг мое сердце забилось тревожно и радостно: на одном из домов широкой и нарядной улицы на белой металлической дощечке я прочитал имя своего друга Алексея Маланова. Я встретился здесь не только с ним, шел по улицам Михаила Асташкина, Семена Куницы, Михаила Шилова, Виталия Топольского... На той улице, где находился последний аэродром 69-го полка, теперь протянулся сверкающей зеленой лентой проспект имени Патриса Лумумбы. В самом центре его заложен монолит основание будущего памятника летчикам, отдавшим жизнь в боях за Одессу.

Спасибо тебе, город-герой, за добрую память об отважных воинах - твоих защитниках!

Глава XXI.

Мы вернемся, Одесса!

Мы сидели в комнате, тускло освещенной керосиновой лампой. Дымили махоркой, тихо переговаривались. Ждали начальства. Наконец, появился комбриг Катров в сопровождении начальника штаба Шанина, полкового комиссара Мельшакова и майора Шестакова. Комбриг, окинув взглядом присутствующих, заметил негромко:

- Что-то маловато народу...

- Трое больных, остальные на месте, - объяснил Лев Львович.

- Не густо, не густо, конечно, - сказал Катров, усаживаясь за стол. Ну что ж, начнем, товарищи... - он придвинул ближе к себе

керосиновую лампу. Наступила тишина.

- Прежде всего, хочу вам сообщить, что командующий оборонительным районом контр-адмирал Гавриил Васильевич Жуков поручил передать вам летчикам, инженерам, техникам, всему личному составу полка сердечную благодарность за активную помощь в обороне города. Летчики крепко подпирают наземные части. За проявленные мужество и отвагу многие из вас будут представлены к правительственным наградам, к высокому званию Героя Советского Союза... - комбриг помолчал. - На этом торжественную часть закончим, - продолжил он, улыбнувшись уголками губ, - и начнем деловую. Гитлеровцы не унимаются. И наша задача - удвоить удары по врагу. Вот давайте вместе обсудим, что необходимо для этого... Из района Дофиновки по утрам бьет вражеская артиллерия, сеет смерть и разрушения. Мне самому довелось видеть, как падали сраженные осколками люди, они стояли в очереди за водой... Мы обязаны защитить их. Понимаете, товарищи, какие надежды возлагают на нас бойцы, трудящиеся города? В их представлении летчики всесильны, всемогущи. Что ж, это соответствует действительности: наши соколы на всех фронтах сражаются храбро. И под Одессой уже десятки воздушных разбойников нашли себе могилу. Наша задача состоит в том, чтобы еще крепче бить фашистов!

- Нечем! - послышались голоса.

- Разрешите, товарищ комбриг? - поднялся капитан Елохин.

Катров кивнул головой.

- Что нам нужно... Самолеты нужны, товарищ комбриг. Те, на которых сейчас воюем, отработали свое и требуют замены... Ведь мы даже маневрировать ими не можем полной мерой. Вот, например, "малановский уголок"! Чего уж лучше придумать - быстрота и натиск, противник даже опомниться не успевает... Так ведь мы его с опаской можем применять, - Елохин смутился. Не за себя боимся, товарищ комбриг, машина не всякая может выдержать.

- Дорогой капитан! - мягко, увещевающе заговорил комбриг. - Мне известно о положении полка, но ничем пока помочь не могу. Хотел бы, но не в моих силах, как говорится... Надо воевать на тех самолетах, которые у нас имеются, новые придется подождать. Используйте внутренние резервы. Берегите машины, восстанавливайте неисправные. Приходится считаться с положением страны...

Комбрига поддержал полковой комиссар Мельшанов. Он рассказал о положении дел на других фронтах, в стране, об угрозе, нависшей над столицей нашей Родины Москвой.

- Большие трудности переживает и город, который мы с вами

защищаем, сказал комиссар. - Но все - бойцы Красной Армии, и трудящиеся города - полны непреклонной решимости не пустить врага в Одессу. Все население, от мала до велика, работает на оборону. Многие заводы города перестроились на военные рельсы: изготавливают минометы, огнеметы, ручные гранаты, бронемашины... На заводе имени Январского восстания ремонтируются танки, там же превращают поезда в бронепоезда, а тракторы - в танки. Вот только самолеты не строят, улыбнулся Мельшанов. - Однако страна знает о наших нуждах, помощь придет, но сейчас есть участки посложнее - вот, например, московское направление... Сердце нашей Родины, Москва не должна быть отдана врагу!

Мы возвращались с совещания твердо убежденные, что Одессу отстоим, чего бы это ни стоило.

Такова сила партийного слова: беседа со старшими товарищами, командирами, коммунистами воодушевила нас, дала зарядку, уверенность. В наших сердцах кипела священная ненависть к врагу, каждый готов был отдать жизнь, но не отступить ни на шаг.

Никто из нас, конечно, не знал, что в тот самый вечер, когда проходило наше совещание, командование оборонительного района получило секретный приказ Ставки об эвакуации войск из Одессы. Решение Верховного Главнокомандования было продиктовано стратегическими соображениями: возникла угроза захвата противником Крыма. Туда и следовало перебросить все части и соединения, которые успешно выполнили поставленную перед ними задачу по обороне города.

План эвакуации готовился в глубокой тайне, чтобы дезориентировать врага. Прежде всего вывозилась тяжелая артиллерия, служба тыла. Первые корабли с войсками и техникой незаметно оставили Одессу уже 1 октября вечером. На следующий день, с целью ввести в заблуждение противника, наши части перешли в наступление в районе села Дофиновка. Операция прошла успешно, были захвачены трофеи, взяты пленные. Попытки гитлеровцев оттеснить наши войска с позиций не удались.

И мы в эти дни трудились, не зная устали. Штурмовали передний край, громили ближние тылы и скопления техники на железнодорожных узлах, вблизи населенных пунктов.

Наступление в районе Дофиновки, высокая активность нашей авиации сыграли свою роль: противник до последнего времени не знал, что происходит эвакуация.

Так продолжалось вплоть до 13 октября. Летчики вели активные бои и несли потери. В эти дни над Сухим Лиманом

погиб Володя Сахаров, там же был сбит Серафим Лузиков из эскадрильи капитана Демченко.

В то хмурое осеннее утро мы проснулись еще затемно. Техники Кутняев, Фитисов, Карахан, Стецюк, Коновалов, Поветкин уже прогревали моторы, готовили самолеты к боевым вылетам. В это время был объявлен срочный сбор у командира полка. Шестаков очень изменился за последнее время: похудел, ссутулился, под глазами набрякли мешки.

Комиссара Верховца сразу обступили: газет нам вчера не доставили, и мы хотели от него узнать последнюю сводку. Верховец, воспользовавшись свободной минутой, стал на ходу проводить политинформацию: ожесточенные бои на Волховском, Брянском, Мелитопольском направлениях...

Пока не было ничего утешительного. Ребята склонились над картой.

- А об Одессе что говорится в сводке? - задал кто-то вопрос.

Верховец тяжело вздохнул:

- Ничего, хлопцы, не вешайте носы, засяе ще сонце у наше вiконце...

- Или! - воскликнул Серогодский.

Это чисто одесское восклицание, обозначающее скорее убежденность, чем сомнение, развеселило нас: все мы молоды, здоровы и не должны унывать. Конечно же, будет и на нашей улице праздник, наше направление будет только на запад! Врагу недолго топтать наши города. Победа будет за нами! Прозвучала команда:

- Приготовиться к полетам!

- По коням! - уточнил неугомонный Вася Серогодский.

Все разом мы почувствовали какое-то облегчение: если летим на задание, значит, дела наши не так уж плохи. Солдат себя чувствует уверенно в бою...

Первой шестерке - охранять город и порт, а мы - на Дальник. Ох, уж этот Дальник, превращенный врагом в сплошной дот, Дальник, где потеряли мы Григория Бакунина, Алексея Маланова...

Фашисты окопались здесь основательно. Мы обстреливаем скопления техники, сбрасываем реактивные снаряды. Горит под крылом земля. Вражеские зенитки ведут непрерывный огонь, но, несмотря на это, мы возвращаемся целые и невредимые и тут же начинаем подготовку к очередному полету. Филиппов, который возится с моим парашютом, вдруг сообщает:

- Между прочим, полк перелетает на другую базу...

- Это что же - на Дерибасовскую? - недоумеваю я.

- Хотите верьте, хотите нет, - обижается Филиппов, - но

только это так, Приказ есть.

- Не говори вздор! - грубость моя объяснима: в голове моей начинается сумятица. Как же так? Снова отступление? Ничего не понимаю... Да ведь комбриг Катров и комиссар Мельшанов утверждали, что Одессу будем защищать до последнего, что Одесса была, есть и будет советской! Тут что-то не так, видно, Филиппов напутал...

С трудом сдерживая волнение, пошел выяснять. И тут у меня вроде как глаза открылись. Как же это я не обратил сразу внимания! Аэродром - как разворошенный муравейник, все пришло в движение, заплясало, судорожно задергалось. Механики в спешке словно забыли о мерах предосторожности: на открытых площадках снимают моторы с поврежденных самолетов. Подкатили на легковой машине комбат Погодин и комиссар Клейнерман. Торопит группу солдат начальник связи капитан Носычев. Ну, если связисты сматывают кабель... Я подошел к Носычеву:

- Товарищ капитан, внесите ясность: что случилось?

- Да вот, - дрожащим голосом отвечает он. - Получен приказ сниматься! Сматываем, значит, удочки...

Горькая шутка.

- Куда?

Капитан махнул в сторону моря. Понимай, как знаешь. И вот наступила та страшная тишина, которой больше всего боится солдат. Шестаков отменяет полеты.

- Задача такова, - говорит он, стараясь не смотреть в глаза стоящих перед ним летчиков, - как можно скорее собраться в дорогу. План эвакуации полка утвержден. Часть самолетов отправляется в Крым своим ходом, старые машины будут погружены на баржи и суда. Вопросы будут?

Я стоял ошеломленный. Да, видимо, и для многих из нас такой поворот событий оказался неожиданностью.

- Череватенко! - услышал я голос командира. - Назначаешься старшим группы. Вылетаете первыми. Через два часа доложить о готовности. - Шестаков прошел перед строем. - Завтра на рассвете вылетает вторая группа - капитана Демченко. Летчики, не имеющие машин, добираются пароходом.

Все стали расходиться по своим делам.

- Товарищ командир, личная просьба... - догнал я Шестакова.

- Давай, давай! - машинально проговорил майор, думая о чем-то своем.

- Разрешите забрать тестя, он не выехал со своими мастерскими, болел... - я еще и сам толком не представлял, как это будет выглядеть. Может, на пароходе...

- Чего ж ты тянул! - возмутился Шестаков. - Торопись!

И я помчался. Мое появление удивило и обрадовало старика. Он все еще лежал в постели - может быть, больной, а скорее всего потому, что показался сам себе одиноким, заброшенным и никому не нужным. Рядом на табуретке стояли какие-то пузырьки с лекарствами.

- Собирайся, отец, - сказал я. - Времени мало...

- Значит, оставляете Одессу? - горестно спросил он.

- Временно, отец, скоро вернемся, - поспешил успокоить его. Но старик недоверчиво покачал головой.

- Раз уж ненадолго, говоришь, то я тут подожду... Куда мне, больному. Только обузой буду. А тебе надо воевать! И крепко бить проклятого захватчика. Спеши, сынок. Благослови тебя бог! Ну, это я так, к слову, по-стариковски... - пробормотал он.

Я крепко прижал его к себе и выбежал за дверь.

Когда четверть часа спустя приехал в полк, группа была полностью подготовлена к дальнему перелету: залито горючее, опробованы моторы. Оставалось сказать Одессе последнее "прощай".

В ожидании сигнала мы напряженно смотрели в небо. Натужно гудели перегруженные машины. Транспортный "вальти", когда-то отремонтированный инженером Юдиным и техником Моисеевым, первым выкатил на старт, в него по лесенке начали входить люди. Комэск Елохин в сторонке прощался с фельдшером Леной Семеновой, она с группой ехала пароходом. Некоторые летчики, не считаясь с перегрузкой, взяли к себе в машины своих техников...

В четырнадцать ноль-ноль в небо взметнулась ракета. Пошел! Мой "ястребок" легко тронулся с места, и вот уже под крыльями поплыли желто-зеленые сады Большого Фонтана, окутанные голубоватой дымкой. Над морем развернулись и стали набирать высоту. Я заметил, как слева и выше стрелой мелькнул "Мессершмитт", за ним другой, третий... Облака скрыли их на секунду, но вот они снова вынырнули, блеснув на солнце крыльями.

Ах, черт побери! Еще вчера я немедленно скомандовал бы: атаковать противника! Но сейчас обстоятельства заставляют меня отступить, проскользнуть незаметно.

"Мессеры" не заметили нас, и мы стали набирать высоту, брать курс на Крым. Нам предстояло преодолеть триста километров над морем. Хватило бы горючего. Встречный ветер уменьшает скорость, двигатель работает с перебоями.

Медленно уплывал под нами город, и я мысленно повторял: "До скорой встречи, Одесса! Мы обязательно вернемся!"

Потом долго, томительно долго мы летели, не ощущая пространства: море и небо, - вот и все ориентиры. И только когда впереди по курсу над морем закружили чайки, я понял, что земля уже близко. Постепенно стали вырисовываться неясные очертания берега, и я что было сил закричал: "Ура! Дотянули! Слава могучим и выносливым "ишакам"!"

Радость моя, однако, угасла, когда увидел белесую пелену тумана. Белое молоко клубилось вокруг низких глинобитных домиков, над плоской равниной, усеянной редкими деревцами. Но выхода нет, горючее на исходе, садиться надо, ничего не попишешь.

На бреющем пробиваем ватную стену и к своему удивлению выходим на полевую площадку вблизи села Кунан. Резкий толчок шасси о грунт, свист ветра в ушах, последний усталый вздох двигателя, и я выбираюсь из кабины. Все приземлились? Серогодский, Педько, Королев, Сечин, Тараканов... А где же комиссар эскадрильи Феодосии Дубковский? Я чувствую, как по спине пробегает неприятный холодок. Ведь Дубковский все время шел рядом. Неужели не хватило горючего, и он пошел на вынужденную? Но тогда это должно было случиться где-то на берегу. Он не мог погибнуть!

Мою уверенность поддержали и механики, прилетевшие раньше на транспортном самолете. Кружил, говорят, одиночный самолет в районе порта Ак-Мечеть, а потом будто провалился.

Немедленно были поставлены на ноги гарнизоны из ближайших сел: начать розыски пропавшего самолета, Подавленные случившимся, мы с нетерпением ждали хоть каких-нибудь вестей, но проходил час, другой, третий, и надежда постепенно покидала нас. Мы уже решили двойками пойти на поиски в степь, держась берега, как вдруг открылась дверь, и на пороге вырос наш Феодосии Никитич. Ребята бросились обнимать комиссара, расспрашивать, что же все-таки с ним произошло.

Как мы и предполагали, у Дубковского действительно у берега кончилось горючее, да тут еще туман примешался... Словом, посадил машину, где смог, но, к счастью, удачно.

На другой день ждали группу капитана Демченко. Судя по радиограмме из Одессы, группа должна была прибыть к вечеру.

Наступили сумерки, быстро надвигалась глухая осенняя ночь. Подул сильный северо-восточный ветер, низко над землей поплыли свинцовые облака. Пошел дождь. А Демченко все не было. Мы утешали себя мыслью, что капитан вылетел с опозданием, что, возможно, изменил курс, приземлился в другом месте... Да мало ли могло оказаться причин, ведь война! Одного мы только не могли предположить, что Демченко может

погибнуть.

Учитывая ненастную погоду, на аэродроме включили прожекторы. Светящиеся столбы судорожно метались по небу. Такой ориентир нельзя не заметить! Но капитан и его группа не прилетели ни в тот, ни на следующий день. Не было и моего комэска Елохина. Он вылетел на учебно-тренировочном самолете УТИ-4 вместе с начальником штаба полка Виктором Семеновичем Никитиным и тоже словно в воду канул.

Впрочем, эти двое "воскресли" через три дня. Мы были в порту Ак-Мечеть, когда к берегу подошел военный катер. К своему изумлению и неописуемой радости мы увидели среди людей, стоящих на палубе, комэска и начальника штаба. С ними произошла невероятная история.

Спустя четверть часа после того, как они взлетели, разразилась настоящая буря, хлынул дождь. Тяжелые тучи ползли над самой головой. Аггею пришлось прижать свою машину к воде. Изредка он включал карманный фонарик, чтобы взглянуть на компас: на учебно-тренировочном самолете отсутствовали приборы для пилотирования в ночных условиях.

Вскоре Елохин понял, что сбился с курса. Надо было где-то отсидеться до утра и не жечь попусту горючее. Заметив под крылом песчаную косу, он принял решение садиться.

Приземлились с убранным шасси, выбрались из кабины, осмотрелись. Рядом шумело море, а вдалеке, на севере, вспыхивали огоньки. К утру определили, что находятся на острове Джарылгач. Это южнее города Скадовска, который к тому времени был уже оккупирован. Продрогшие, усталые и голодные летчики отправились разведать обстановку. В густых зарослях кустарника они заметили два силуэта. Почти тотчас из зарослей донеслось:

- Стоять на месте! Будем стрелять!

Это оказались свои, братишки-матросы. Они рассказали, что на острове уже были гитлеровцы, чинили расправу над пленными красноармейцами и местными рыбаками - расстреливали. Моряки спаслись, спрятавшись в дюнах.

Подобрал всех сторожевой катер.

Спустя много лет после войны мне удалось разыскать, а потом и встретиться с бывшим заместителем командира эскадрильи черноморцев Василием Николаевичем Вальцефером. Ветераны 69-го полка, мы неустанно разыскивали хоть кого-нибудь, кто мог поведать о судьбе эскадрильи, безвестно пропавшей 14 октября 1941 года при перелете из Одессы в Крым. Василий Николаевич рассказал, что знал.

Летчики шли тремя группами. Первую повел комэск, с собой

он взял своего комиссара Валентина Маралина. С капитаном Демченко шли лейтенанты Хайдула Ченкунов, Михаил Дмитрусенко, Петр Николашин и младший лейтенант Виктор Тарасов из второй эскадрильи нашего полка. Самолет его был неисправен, и потому он не успел вылететь с моей группой.

Из этих шести человек были позже найдены останки двух - Дмитрусенко и Николашина - под обломками разбитых самолетов неподалеку от Севастополя. Имена летчиков установили по сохранившимся при них документам.

Капитан Вальцефер должен был вести вторую группу вслед за Демченко. По прихоти судьбы случилось так, что вылетал он один. И почему так вышло, узнал только много лет спустя после войны.

- Когда я поднялся, - рассказывал Вальцефер, - внезапно испортилась погода, неудивительно, стояла глубокая осень. Других летчиков тотчас задержали с вылетом, успели, а я оказался отрезанным стеной непогоды, хотя мне тоже давали сигнал возвращаться. Вот я и следовал своим курсом на Крым, а разбушевавшаяся стихия поглощала все мои силы и внимание.,. Потом-то я узнал, что лечу один. Мне удалось благополучно пересечь море, но из-за тумана не мог выйти на село Кунан, взял курс на Евпаторию. Садился уже в темноте, без каких-либо ориентиров. При посадке машину разбило в щепки, сам был тяжело рамен, а вот техник Фукалов, находившийся в фюзеляже, отделался легкими ушибами. Он-то и помог мне... Потом я долго лежал в госпиталях, но выкарабкался все же... Вернулся в строй и летал на боевых машинах до самого окончания войны.

В последней группе вылетели лейтенанты Николай Скачков, Иван Сапрыкин, Виктор Шевченко и Дмитрий Мягков. Четверка удачно прошла расстояние над морем и, почти долетев до Крыма, тоже сбилась с курса все из-за того же чертова тумана. Скачков и Сапрыкин оказались в районе села Терекли-Конрад и там совершили посадку. Вторая пара - Шевченко и Мягков - уклонились в сторону Севастополя. И так как сумерки быстро сгущались, а горючее было на исходе, Шевченко пошел на вынужденную и разбился. Мягков выбросился с парашютом. Во время приземления летчик ударился головой о телеграфный столб. Удар оказался смертельным.

Так печально сложилась судьба эскадрильи черноморцев капитана Федора Ивановича Демченко. Из двадцати трех человек летного состава восемь черноморцев погибли в боях, столько же во время перелета из Одессы в Крым 14 октября 1941 года.

Вместо эпилога

Уже будучи в Крыму, мы узнали о том, что эвакуация

советских войск из Одессы прошла успешно.

В сообщении Совинформбюро от 17 октября 1941 года говорилось: "Организованная командованием Красной Армии... эвакуация советских войск из Одессы закончилась в срок и в полном порядке. Войска, выполнив свою задачу в районе Одессы, были переброшены нашим морским флотом на другие участки фронта в образцовом порядке и без каких-либо потерь".

Неприятель находился в полном неведении относительно планов и замыслов Советского командования. Этому способствовали удачный маневр и военная хитрость: перед отходом наши войска усилили активность. Части Красной Армии совместно с кораблями Черноморского флота произвели ряд мощных огневых ударов по неприятелю. Организованный и внезапный отрыв наших войск под прикрытием арьергардов ввел противника в заблуждение и позволил беспрепятственно произвести посадку войск на транспорты и боевые корабли.

Гитлеровские генералы не догадывались об отходе наших частей до последней минуты, корабли отходили, как правило, под прикрытием темноты. Достаточно сказать, что через пять-шесть часов после ухода последнего судна противник все еще продолжал бомбардировку и артиллерийский обстрел переднего края обороны, хотя там уже не было ни единого солдата.

Все мы поняли, почему в последние две недели летчикам пришлось поработать с такой нагрузкой. Ясным стал и смысл разговора с командующим военно-воздушными силами Катровым, начальником штаба Шаниным и полковым комиссаром Мельшановым. Они не кривили душой. Войскам оборонительного района, и в том числе нам, летчикам, нужно было наращивать удары, изматывать врага, чтобы не дать ему повода раскрыть наши истинные намерения.

Тяжело было защитникам города оставлять родную Одессу. Не каждый мог понять причину отступления. Видя последние корабли, уходящие на восток, люди с горечью думали о завтрашнем дне.

- На кого ж вы нас оставляете... - причитали старухи. Им ли - больным и немощным - было разбираться в стратегических головоломках войны, им ли было понять, что оставить город - еще не значило проиграть войну... Войска уходили, выполнив свою задачу: они задержали на длительное время два десятка вражеских дивизий, перемолотили, истребили отборные гитлеровские части. Дальше оставаться в глубоком тылу противника было нецелесообразно, следовало перебросить силы на помощь сражающемуся Крыму.

Но не могли этого понять немощные и мудрые старухи. Их

родиной был этот зеленый солнечный город с запахом моря и степи, здесь они рожали детей, пестовали внуков, и все было спокойно, налажено и уверенно в их жизни. И теперь вот мы, их защитники, уходили, не смея поднять глаз...

Но мы вернулись. Мы победили.

Во всем величии встал подвиг города-героя. Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль "За оборону Одессы". И когда я встречаю своих однополчан и вижу на их груди дорогую для всех нас награду, я невольно вспоминаю Сухой Лиман, Красную Поляну, Дофиновку, Григорьевку, Визирку, Свердлово... Я вижу своих боевых друзей, которые не дожили до светлого дня Победы, - Топольского, Асташкина, Маланова, Шилова, Пискунова, Куницу...

И приходят на память строки, которые любил повторять Аггей Елохин:

Тот ураган прошел, нас мало уцелело,
На перекличке дружбы многих нет...

Давно отгремели бои, давно ушли на заслуженный отдых ветераны 69-го истребительного полка. Разъехались они по всей нашей необъятной стране. Письма приходят из городов России, Украины, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Узбекистана. Но при встрече и в письмах мы всегда начинаем разговор словами: "А помнишь Одессу..."

Одесса навсегда осталась в наших сердцах. Здесь мы встретили войну, здесь потеряли больше половины летного состава. В Одессе мы впервые увидели, какие страшные беды и лишения приносит война, как рушатся многоэтажные дома, хороня под обломками все живое, как корчатся на тротуарах раненые дети, их матери. Здесь мы научились ненавидеть войну.

"Это было в Одессе в сорок первом..." - читаю в письмах из Москвы и Ленинграда, Ставрополя и Ейска, Воронежа и Киева.

"Это было в Одессе в сорок первом. ." - повторяю я своим детям и внукам с болью в сердце, рассказывая о тяжелых битвах с фашизмом, о тех, кому они обязаны своим счастьем.

Город-герой не забывает своих защитников. В августе 1966 года по приглашению городского комитета партии и исполкома городского Совета депутатов трудящихся в Одессу приехали ветераны 69-го полка.

Один за другим приземлялись лайнеры, прибывшие из других городов. Среди пассажиров я нетерпеливо высматривал своих однополчан. Бегу, не чуя под собою ног, навстречу седовласому полковнику. Это же наш боевой комиссар, душа летчиков Николай Андреевич Верховец! Встречаю Михаила Степановича Твеленева, Николая Семеновича Голубева, Виктора

Семеновича Никитина, Бориса Семеновича Главацкого... А вот и Королев! За ним шагает седеющий брюнет, в котором я узнаю бывшего комсорга Алибека Ваниева.

Стройной походкой шагают генералы Юрий Борисович Рыкачев и Николай Яковлевич Кобельков, дважды Герой Советского Союза генерал Павел Яковлевич Головачев.

В Одессу прибыли матери наших боевых товарищей Мария Ивановна Шестакова и Александра Александровна Маланова. Низкий поклон вам, воспитавшим таких сыновей, славим ваше мужество и ваше великое терпение!

Мы побывали и на Театральной площади, где висит мемориальная доска с именами героев - участников битвы за Одессу.

На проспекте имени Патриса Лумумбы состоялась в эти дни закладка памятника летчикам - защитникам города.

Здесь собралась многотысячная толпа. Когда под звуки Государственного гимна СССР опустилось белое покрывало, взгляду присутствующих открылась гранитная плита с надписью:

"Здесь будет сооружен монумент в честь героических подвигов 69-го истребительного авиаполка в дни обороны Одессы во время Великой Отечественной войны".

Мои товарищи заслужили эти высокие почести. Может быть, и не всем интересна военная статистика, но я все-таки приведу некоторые цифры.

В небе Одессы полк совершил 6600 боевых вылетов - на штурмовку, разведку, корректировку артиллерийского огня, сопровождение бомбардировщиков и фотографирование объектов противника; провел 576 воздушных боев, в которых сбил 94 самолета (более 30 уничтожил на земле) и 6 планеров с десантом.

За успешное выполнение заданий командования при обороне Одессы полк награжден орденом Красного Знамени, преобразован в 94-й Гвардейский. Ему присвоено наименование "Одесский".

Двенадцать особо отличившихся летчиков удостоены высокого звания Героя Советского Союза:

Шестаков Лев Львович, Рыкачев Юрий Борисович, Куница Семен Андреевич, Елохин Аггей Александрович, Асташкин Михаил Егорович, Маланов Алексей Алексеевич, Королев Иван Георгиевич, Топольский Виталий Тимофеевич, Серогодский Василий Александрович, Шилов Михаил Ильич, Полоз Петр Варлаамович, Череватенко Алексей Тихонович.

Пяти товарищам - Маланову, Кунице, Топольскому, Шилову, Асташкину - это звание было присвоено посмертно.

Многих потеряли мы после одесской эпопеи. 23 июня 1942 года под Харьковом погиб мой комэск Аггей Елохин, 23 декабря

того же года под Сталинградом - Василий Серогодский, 13 марта 1944 года под Проскуровом (ныне город Хмельницкий) в воздушном бою пал смертью храбрых командир полка полковник Лев Шестаков.

На смену погибшим приходило пополнение, достойное старших бойцов. Героями Советского Союза стали впоследствии многие из новичков, а также те, кто сражался еще в небе Одессы: Михаил Твеленев, Василий Бондаренко, Иван Сержантов, Александр Карасев, Георгий Кузьмин, Евгений Дранищев, Сергей Елизаров, Аркадий Ковачевич, Иван Тимофеенко, Георгий Бойков, Иван Борисов. Кроме уже названных Алексея Алелюхина и Павла Головачева, дважды Героями Советского Союза стали Владимир Лавриненков и Амет-хан Султан.

Закалка, полученная в небе Одессы, пригодилась позже в воздушных боях под Сталинградом, при освобождении Ростовской области, Крыма, во время боев в Восточной Пруссии и под Берлином. Но сражались мы тогда уже на "яках", "Ла-5" и других машинах, не только не уступавших самолетам противника, но и превосходивших их по многим показателям. На знамени полка засияла новая награда: орден Суворова второй степени.

Бережно хранит город-герой память о своих защитниках. В их честь заложен пояс Славы: широкая лесная полоса протяженностью в 60 километров выгнулась полукругом от села Дофиновки до Сухого Лимана. Она проходит по тем местам, где в 1941 году был главный оборонительный рубеж и где советские воины грудью стояли, отбивая яростные атаки противника.

Мемориальный комплекс партизанской славы сооружен и в селе Нерубайском у входа в бывшие катакомбы.

В городском парке культуры и отдыха имени Т Г. Шевченко создана Аллея Славы. Эго священное место для жителей города и его гостей. У входа в мемориал на гранитной стене высечены строки:

"Свое бессмертие вам Родина вручило,

И не забыты ваши имена..."

На крутом морском берегу, в самом конце Аллеи высится четырехгранный 21-метровый обелиск из красного мрамора - памятник Неизвестному матросу. У подножия его горит вечный огонь Славы. Юные граждане Одессы на посту № 1 стоят в почетном карауле.

Здесь молодые солдаты принимают присягу на верность Родине, пионеры дают клятву верности заветам своих дедов и отцов. На Аллее Славы покоится прах героев, чьи имена никогда не забудет народ. Мы проходим в скорбном молчании, читая на

мраморных плитах: Я. И. Осипов, А. А. Нечипоренко, В. П. Симонок, С. Н. Кушнаренко, Г, И. Вислобоков, В. А, Молодцов-Бадаев, Н. А. Гефт, Н. Ф. Краснов, К. Н. Зелинский, В. Д. Авдеев-Черноморский, юный герой Яков Гордиенко.

Вечным сном спят и мои дорогие друзья В. Т. Топольский, С. А. Куница, М. Е. Асташкин, М. И. Шилов, А. А. Маланов.

Ветераны 69-го авиационного истребительного полка бесконечно признательны партийным и советским органам города-героя за их заботу об увековечении памяти авиаторов, которые пали смертью храбрых в боях с лютым врагом.

Пройдет время, и на проспекте имени Патриса Лумумбы взметнется в небо гранитный обелиск, на котором золотом засверкают имена:

Герой Советского Союза Л. Л. Шестаков, Герой Советского Союза М. Е. Асташкин, Герой Советского Союза А. А. Елохин, Герой Советского Союза А. А Маланов, Герой Советского Союза В, Т. Топольский, Герой Советского Союза В. А. Серогодский, Герой Советского Союза М. И. Шилов, Герой Советского Союза С, А. Куница.

Летчики:

Д. Е. Иванов, Б. Н. Карпенко, Ф. П. Шумков, А. Н Симкин, И. М. Рожнов, Б. В. Зотов, А. П. Иконников, Н. А. Пискунов, П. И. Гуманенко, А. Л. Ольховский, Н. П. Жедаев, М. К. Стешко, И. А. Семенов, И. С. Засалкин, А. А. Сидоров, П. М. Эсаулов, В. С. Ратников, Г. Е. Живолуп, М. М. Стребков, И. М. Щепоткин, В. И. Сахаров, В. А. Тарасов, Ф. И. Демченко, В. П. Маралин, И. Д. Яковенко, Х. Х. Ченкунов, П. Д. Николашин, Е. И. Левченко, М. А. Дмитрусенко, Д. А. Мягков, М. И. Аленицкий, Н. П. Кутейников, И. С. Беришвили, В. И. Шевченко, Г. Е. Бакунин, В. И. Мирончук.

Техники: П. Володин, Н. Тыркалов, В. Бобкин.

Примечания

{1} Вершинин К. А. "4-я Воздушная". М., Воениздат, 1975, с. 77.